

Ю.К. ПААСИКИВИ

**МОЯ РАБОТА
В МОСКВЕ
И ФИНЛЯНДИИ
в 1939-1941 гг.**

I

ЗИМНЯЯ ВОЙНА

Издательство «Весь Мир»

Перевел на русский язык А.И. Белов

К читателю

В соответствии с непременным пожеланием моего супруга, его мемуары, посвященные событиям Зимней войны и периода перемирия, публикуются только после смерти автора. Есть множество причин, почему он пожелал поступить именно так. В рукописном виде труд был готов уже много лет назад. В те годы, когда мы жили в Президентском дворце, мой супруг неоднократно возвращался к этой работе, постоянно совершенствуя и дополняя написанное. В книге, которая сейчас увидит свет, в самом ее облике неукоснительно соблюден тот пиетет, который автор желал видеть частью своего литературного наследия. С ее страниц звучит голос самого автора.

У меня есть приятная обязанность сердечно поблагодарить Президента Финляндской Республики Урхо Кекконена за его великолепные усилия и помощь в процессе издания этой работы. Также хотела бы выразить слова благодарности министру иностранных дел П.Ю. Хюнинену и профессору Арви Корхонену, которые, как верные друзья моего мужа, помогли мне и в этом деле.

Хельсинки, март 1958 года

Алли Паасикиви

СОДЕРЖАНИЕ

- I. Приготовления в Хельсинки
- II. Положение в 1939 г. Инструкции для переговоров
- III. Советский Союз в 1939 г.
- IV. Первые переговоры в Москве
- V. В Хельсинки 16–21 октября
- VI. Вторая поездка в Москву
- VII. В Хельсинки 26–31 октября
- VIII. Третья поездка в Москву
- IX. Последние недели ноября
- X. Война
- XI. Обращение к Лиге Наций
- XII. Попытки возобновления переговоров
- XIII. Переговоры об условиях русских
- XIV. Мирные переговоры. Московский мир

I

Приготовления в Хельсинки

Вечером 5 октября 1939 года, когда я уже лежал в постели, мне позвонили из министерства иностранных дел в Стокгольм, где я тогда был послом, и спросили, не мог бы я приехать в Хельсинки на следующее утро. Ответил, что приеду. Чего касалась поездка, мне не сообщили. Наутро я отправился на самолёте, да так и не вернулся. Моя жена приехала двумя днями позже.

По приезде в Хельсинки я побывал в министерстве у министра иностранных дел Эркко. Он зачитал мне телеграммы, которые накануне пришли из Москвы от нашего посла барона Ирье-Коскинена касательно его беседы с наркомом иностранных дел Молотовым, попросившим министра Эркко или его уполномоченного прибыть в Москву для переговоров «по конкретным политическим вопросам». Молотов сообщил, что советское правительство приняло во внимание пожелания правительства Финляндии по развитию как политических, так и торговых отношений между двумя странами. Поскольку вследствие войны международная обстановка изменилась, советское правительство хотело бы приступить к обмену мнениями с правительством Финляндии. В связи с этим Ирье-Коскинен заметил, что правительство Финляндии уже неоднократно сообщало о своём желании развивать и политические отношения с Советским Союзом, но на последних переговорах в качестве конкретного вопроса затрагивалось только повышение интенсивности торговых связей. В свою очередь Молотов, заметив, что речь шла и об улучшении политических отношений, высказал пожелание, чтобы министр иностранных дел прибыл в Москву, или чтобы правительство уполномочило другое лицо вести переговоры именно по этим вопросам. Он не сообщил, какие конкретно вопросы имел в виду, но добавил, что советское правительство желает, чтобы переговоры

начались в самое ближайшее время. Он попросил ответить, по возможности, уже через день. Также он упомянул, что переговоры с Латвией и Литвой завершатся, скорее всего, в течение двух-трёх дней.

Министр Эркко спросил, не хотел бы я отправиться в Москву на упомянутые переговоры в качестве представителя правительства.

Иными словами, я только сейчас узнал, о чём шла речь. Я сразу понял, что вопрос стоит о серьёзных делах, хотя тогда я сразу и не мог полностью понять их истинную значимость. Подумав в течение дня, я сообщил министру Эркко, что согласен на предложение правительства. В свой дневник я записал: «Поскольку действительные переговоры возможны и даже предусматриваются, сообщил о своём согласии отправиться в Москву». Ранее я уже многократно участвовал в переговорах с русскими как в период царской России и Временного правительства, так и в годы нахождения у власти большевиков в 1920 г., когда я возглавлял делегацию Финляндии на мирных переговорах в Тарту. В студенческой молодости я изучал русский язык, для чего бывал в России.

Следующие дни прошли в консультациях с министром иностранных дел и правительством по инструкциям, которые готовились мне для переговоров и на которых я чуть позже остановлюсь отдельно.

В эти дни я подолгу беседовал с маршалом Маннергеймом. В один из дней я обедал с ним и генералом Вальденом. Маннергейм, как председатель Совета обороны, самым серьёзным образом осознавал свою высокую ответственность, а, как опытный военный, знал, что такое война, был весьма озабочен, как, впрочем, в течение всей осени 1939 года. Он желал придерживаться осторожной линии поведения и избегать противоречий с Советской Россией. Из его слов стало ясно, что он был настроен весьма пессимистично в отношении возможной войны. Он неоднократно подчеркивал, что нам следует признать легитимные интересы российского государства и попытаться их удовлетворить. Хотя Молотов и говорил об «обмене мнениями», Маннергейм подозревал, что он, конечно же, предъявит нам ультиматум, как и балтийским государствам. Мы рассматривали на карте острова, которые, не исключено, можно было бы уступить Советской России за определённую компенсацию. По его мнению, мне следовало безотлагательно отправиться в Москву, поскольку, по

полученным данным, русские стали передвигать свои войска к нашим границам.

7 и 8 октября я имел беседу с бывшим президентом Финляндии Свинхувудом, который случайно оказался в Хельсинки. В частности, мы говорили о том, что Свинхувуду быть может стоит отправиться в Германию, чтобы попробовать заручиться дипломатической поддержкой этой державы. Когда я выезжал в Москву, мне уже на вокзале передали, что, по сообщению берлинского корреспондента одной хельсинкской газеты, Германия настолько занята войной против западных держав, что не сможет ничего сделать ради нас.

В один из дней, уже поздним вечером, ко мне в гостиницу «Кэмп», где я тогда жил, пришёл бывший премьер-министр профессор Кивимяки, который позже был нашим послом в Берлине. Он также был озабочен ходом событий. Кивимяки подчеркнул, что нам не следовало бы занимать излишне жёсткую позицию в отношении предложений русских. Напротив, нужно показать понимание их требований обеспечения безопасности, на что я заметил, что полностью разделяю его точку зрения. Уже уходя, Кивимяки сказал: «Сейчас ты отправляешься в самую трудную поездку своей жизни». Как же он оказался прав.

8 октября министр Эркко имел беседу с полпредом СССР Деревянским. Ее содержание изложено на 42–44 стр. первого тома «Сине-белой книги», посвящённой развитию отношений Финляндии и Советского Союза в свете официальных документов (1941)¹. Деревянский сообщил, что Москва буквально «кипит», поскольку ответ на её запрос относительно приглашения в Москву министра иностранных дел или уполномоченного лица пришёл столь поздно. Эркко ответил, что финское правительство вовсе не собиралось специально тянуть время и что ответ был направлен сразу после рассмотрения вопроса. Отметим, что Молотов говорил с Ирве-Коскиненем 5 октября, о чём была направлена телеграмма в

---

¹ Sinivalkoisessa Kirjassa I. 1941. Этот официальный сборник документов был издан и на английском языке: *The Finnish Blue Book. The Development of Finnish-Soviet Relations During the Autumn of 1939, Including the Official Documents and the Peace Treaty of March 12, 1940.* Philadelphia, J.Lippincott (published for the Finnish Ministry of Foreign Affairs), 1940. Здесь и далее примечания пронумерованные арабскими цифрами принадлежат переводчику и редактору русского издания. Авторские примечания расположены либо непосредственно в тексте, либо отмечены*.

Хельсинки вечером того же дня. Ответ из Хельсинки ушёл в субботу 7 октября, а разговор Деревянского с Эркко произошёл в воскресенье 8-го, то есть, спустя *три* дня после встречи Молотова с финским послом.

Далее Деревянский обратил внимание на то, что Финляндии отнеслась к приглашению иначе, чем государства Балтии, и «это может негативно сказаться на ходе дел». «Почему министр иностранных дел сам не едет? – спросил Деревянский. – Серьёзная ситуация в мире требует быстрого решения вопросов между Финляндией и Советским Союзом. Имеет ли Паасикиви широкие полномочия?» На это Эркко ответил, что у меня такие полномочия, которые должны быть у переговорщика в подобных ситуациях. Никакие решения я не мог принимать, потому что в зависимости от характера дела нужно было согласие правительства или парламента. Деревянский далее сказал, что «Советский Союз желает создать в регионе Балтийского моря такую ситуацию, при которой Советский Союз и его соседи не стали бы жертвами войны. [...] Советский Союз не намерен предпринимать ничего, что могло бы поставить под угрозу независимость и безопасность Финляндии. Его целью не является нанесение ущерба независимости Финляндии. [...] Осознают ли в Финляндии серьёзность переговоров? Нельзя ли поменять состав делегации?» Деревянский сослался на успешные переговоры с балтийскими государствами. Эркко: «Невозможно представить, чтобы Финляндия могла принять такой вариант, который там имеют в виду». В завершение разговора Деревянский поинтересовался, когда я могу выехать, на это Эркко ответил, что «по возможности, на следующий день, 9 октября».

Из этого разговора с Деревянским стали видны контуры программы Советского Союза по Балтийскому морю, которая включала в себя такое устройство, при котором Советский Союз имел мощные, даже определяющие, военно-политические позиции в восточной части Балтийского моря.

Инструкции для первых переговоров были готовы 9 октября. Во второй половине дня состоялось совместное заседание с участием президента и правительства, на котором инструкции были утверждены. После заседания я говорил с глазу на глаз с президентом Каллио, который был озабочен и удручён.

Плотный день завершился моим официальным визитом к полпреду Советского Союза Деревянскому. Наш разговор ограничился обменом обычными любезностями.

Вечерним поездом я отправился в Москву. В качестве помощников меня сопровождали полковник Паасонен и советник посольства Ньюкопп. Оба они ранее работали в нашем посольстве в Москве и владели русским языком. На вокзале провожал премьер-министр Каяндер. «Рядом с вокзалом, в самом здании вокзала и на перронах собралась многотысячная толпа провожающих граждан», – писала газета «Ууси Суоми» («Новая Финляндия»). «На лицах людей отражались серьёзность момента и чувство долга, а также решимость и непоколебимая воля. [...] При отправлении поезда – так могли сказать пожилые люди – ощущалась та же атмосфера, что царила здесь десятилетия назад, когда в тяжёлые для Финляндии времена прощались с людьми, уезжавшими по делам Отечества». Народ пел патриотические песни, включая евангельский гимн «Бог нам прибежище и сила», исполнив напоследок национальный гимн «Наша страна».

Звучит священная клятва,

Моя дорогая страна!

Тебя мы храним,

Жизни не пощадим.

Будь спокойна, горда.

Сыны на страже всегда².

В те дни эти слова звучали серьёзно и убедительно, находя отклик в сердцах граждан. Это была чистый и самозабвенный патриотизм, порождённый суровой действительностью.

---

² Строки из «Песни-клятвы», исполняемой при принятии воинской присяги.

II

Положение в 1939 году. Инструкции для переговоров

Необходимо признать, что отношения Финляндии и Советского Союза в период нашей независимости были совсем не такими, каким им следовало быть. Царило обоюдостороннее недоверие. Начиная с заключения мирного договора в Тарту в 1920 г., отношения были «нормальными», но не удовлетворительными. События 1918 г. не стали благоприятной основой для хороших отношений. Финляндии не удалось сделать так, чтобы отношения соответствовали нашему положению как соседа огромной Советской России. Причин для возникновения такой ситуации было множество. В Финляндии боялись – беспричинно или нет – угрозы с её стороны для нашей независимости. Сложности возникали и из-за различия общественных и экономических систем Финляндии и Советской России, а также отличий в идеологии, идеалах и мировоззрении двух народов. Мировоззрение нашего народа было, по сути, скандинавским, иным, чем у народов Советской России. Помимо русификации и экспансионизма России, угрожавших нам исстари, проблемы для сближения создавала и политика активного коммунизма, господствовавшая в Советском Союзе. Мы опасались исходивших от Советского Союза устремлений к изменению нашего общественного устройства. Поддерживаемая Советской Россией пропаганда, в которой активно участвовали эмигрировавшие в эту страну финские коммунисты, а также проводимая Россией шпионская деятельность, способствовали поддержанию в нашей стране атмосферы нервозности и обеспокоенности. Наша позиция по отношению к восточному соседу получила излишне негативный отпечаток.

Также и в Советском Союзе существовало недоверие к нам. После прихода к власти в Германии национал-социалистов опасения в отношении намерений этого государства только усиливались. Соответственно, росло и недоверие к нам. Каким бы неправдоподобным это ни казалось, Кремль подозревал нас уж 1935-1937 гг. в заигрывании, и даже в союзе с Германией, целью которого было нападение Германии на Советскую Россию через территорию Финляндии, а также подключение Финляндии к этой агрессии для захвата территорий в Восточной Карелии. Поэтому Советский Союз был вынужден обустроивать свои границы с Финляндией, переселяя в другие места население приграничья. В 1937 г. такие утверждения высказывались нам официально как руководством комиссариата по иностранным делам, так и высшими военачальниками. В ноябре 1936 года Жданов, влиятельный руководитель коммунистической партии, выступил на Всероссийском съезде советов с речью, которую сочли предупреждением малым соседним государствам, чтобы они не позволяли Германии использовать свои территории в качестве плацдарма агрессии против Советской России. – «Мы, ленинградцы», заявил Жданов, – «сидим у своих окон и смотрим в окружающий мир. Рядом с нами группа малых стран, которые грезят о больших авантюрах или позволяют крупным авантюристам строить козни внутри своих границ. Мы не боимся эти малые страны. Но если они не ограничатся только своим собственными делами, то мы считаем, что нам, пожалуй, придётся немного приоткрыть наши окна, и им будет неприятно, если нам придётся позвать нашу Красную Армию на защиту нашей страны»³.

---

³ Автор пересказывает текст выступления Молотова. Ср. стенограмму: Чрезвычайный VIII Всесоюзный съезд Советов СССР. Стенографический отчет. 25 ноября – 5 декабря 1936 г. Заседание 8-е.: «Сидя у “окна” в Европу и наблюдая, что за этим окном делается, мы видим, что из-за этого окна все громче и громче до нас доносится звериный вой и щелканье зубов фашизма, который готовит войну против Советского Союза. Как известно, по Ленинградской области проходит граница СССР с Финляндией, Эстонией и Латвией, странами, с народами которых СССР находится в нормальных мирных отношениях. И если в некоторых из этих маленьких стран, как, например, в Финляндии, под влиянием больших авантюристов разжигаются чувства вражды к СССР и делаются приготовления для того, чтобы предоставить территорию своих стран для агрессивных действий со стороны фашистских держав, то от этого дела в конечном счете могут проиграть только эти страны. Не стоит маленьким странам ввязываться в большие авантюры. И если фашизм осмелится искать военного счастья на северо-западных границах Советского Союза, то мы, поставив на службу обороны всю технику, которой располагает промышленный Ленинград, нанесем ему под руководством железного

В информационном сообщении, пришедшем из Москвы, высказывалось предположение, что эти слова, в которых проводилась уже неоднократно услышанная нами мысль, адресованы, прежде всего, Финляндии. В сентябре 1937 г. тогдашний посол Соединенных Штатов в Москве Джозеф Э. Дэвис, конечно же, на основании услышанного в московских кругах, сообщал в своём рапорте, что «Финляндия, вне всякого сомнения, будет союзником Германии при нападении на Ленинград с севера». Однако, в качестве собственного мнения, сформировавшегося после посещения Хельсинки и встреч с премьер-министром Финляндии, министром иностранных дел и отдельными членами кабинета, он написал в начале августа госсекретарю США, что внешняя политика Финляндии основывается на непоколебимой решимости избегать ухудшения отношений с кем-либо и что Финляндия намерена «в любом случае делать всё возможное, чтобы страна не стала ареной боевых действий, когда её политическая и экономическая свобода, а также независимое благополучие были бы уничтожены» (*På uppdrag i Moskva*, s. 169, 409)⁴.

Напомним, что это касалось середины 1930-х гг. Не забудем и то, какими были в то время государственные условия и границы между государствами в Центральной и Восточной Европе. Впрочем, в отдельных кругах (преимущественно среди молодежи) отмечались чуждые реальности проявления фанатизма в отношении Восточной Карелии и «Великой Финляндии». В защиту молодёжи надо сказать, что это прожектёрство основывалось на идеях, столь мощно выраженных самим Й.В. Снелльманом. Одним из постулатов его национальной идеи было утверждение, что части народа, говорящие на одном и том же языке, раньше или позже найдут друг друга. Доказательства этого Снелльман думал найти не только в истории больших народов, прежде всего Германии и Италии, но и малых народов. «Насколько простирается зона болгарского языка, настолько же должна простирается государственность Болгарии. [...] Сколь широко говорят по-сербски, столь же широко должна распространяться и Сербия», – говорил он в своей речи 12 мая 1881

полководца армии Страны Советов тов. Ворошилова такой удар, чтобы враг уже никогда не захотел Ленинграда». http://istmat.info/files/uploads/51910/byulleten_no_8.pdf

⁴ Имеется в виду книга Дж. Дэвиса «Миссия в Москву», по которой был снят документальный фильм с таким же названием. *Davies, Joseph Edward. Mission to Moscow. New York: Simon a. Schuster, 1941.*

года. Население Восточной Карелии говорит по-фински. Там собраны руны Калевалы. Вывод напрашивался сам собой.

Утверждение Снелльмана было одной из высказанных им половинчатых истин. Вопрос Восточной Карелии, хотя он и относился к сфере прожектёрства, лишённого какого-либо реального основания, серьёзно повредил нам и нашим отношениям с Советской Россией. Это дало повод предрассудкам в отношении нас. В Советском Союзе этот фанатичный энтузиазм привлёк к себе большее внимание, чем у нас могли подумать. Начиная с 1919 года, события в Восточной Карелии находили отражение, в частности, в русскоязычной советской художественной литературе, что в свою очередь усиливало раздражение и недоверие по отношению к нам. Однако всё это относилось к сфере фантазии и показывало лишь незнание ситуации в Финляндии. Подавляющее большинство финского народа думало только о сохранении независимости и защите своей страны. Можно ли позицию русских объяснить иначе, чем типичным для финнов настойчивым подстрекательством со стороны финских коммунистов, сбежавших в Россию? Кремль обвинял нас в сотрудничестве с Германией против Советского Союза – нас, кто столь преданно следовал политике Лиги Наций, на которой мы строили свою безопасность, и кто в 1935 г. совместным решением высших государственных органов торжественно объявил, что мы поддерживаем общескандинавскую политику нейтралитета, которая, собственно говоря, была нашей политикой и до этого заявления. В 1937 году Каллио был избран президентом, а представитель в Лиге Наций Холсти стал министром иностранных дел. В том же году Холсти побывал в Москве с визитом, целью которого было улучшить отношения с Советским Союзом и развеять недопонимание. В Финляндии питали некоторые надежды в отношении этой поездки, но попытка осталась безрезультатной. Ещё весной 1939 г. мы отклонили предложение Германии заключить пакт о ненападении, чем вызвали её недовольство. Но Советский Союз и Германия подписали в августе 1939 договор, которым, как можно было предположить и как в дальнейшем подтвердилось, Финляндия была передана в сферу влияния Советской России, а в конце ноября 1939 г. Советский Союз под прикрытием этого договора напал на нас. Наша судьба действительно складывалась трагично.

В 1938 г. события в Центральной Европе начали приобретать направление, вызывавшее опасения. Австрию присоединили к Германии, что ещё было как-то объяснимо, поскольку эта мера была связана с движением за консолидацию германской нации. Более опасный характер имели события в Чехословакии в 1938–1939 гг., поскольку присоединение этой страны к Германии уже нельзя было обосновать с помощью германской национальной идеи. Оно означало куда более далекоидущие устремления Германии. Центр Европы пришел в движение, втягиваясь в водоворот событий. Развивавшийся исторический кризис отбрасывал свою угрожающую тень.

В том же 1938 г. Советская Россия предприняла в направлении правительства Финляндии весьма серьёзные меры по зондажу ситуации. В апреле со стороны советского посольства в Хельсинки поступило обращение к министру иностранных дел с сообщением о том, что в Москве, несомненно, уверены в масштабных планах Германии в отношении агрессии против Советской России, и что в этой связи левый фланг немецких войск высадится в Финляндии и продолжит отсюда наступление против России. Пытались разведать, как Финляндия поступит в подобном случае, задавали различные вопросы. Контакты продолжились в течение лета и осени 1938 года, но не принесли результатов. Создаётся впечатление, что с нашей стороны к вопросу не отнеслись должным образом. Когда я вместе с министром Энкелем был в Москве на переговорах о возможностях мира, Молотов сослался на этот контакт, считая его одним из доказательств того, что советское правительство пыталось прийти к взаимопониманию с Финляндией. У меня же об этих переговорах 1938 г. не было никакой информации, хотя осведомлённость о них была бы важна при анализе политической ситуации последующего времени. Только сейчас, когда я работаю над этой книгой, мне удалось получить по ним основные сведения. Они, со своей стороны, проливают свет на политику Советского Союза в отношении Финляндии, показывая, насколько последовательной она была.

1939 г. был для Финляндии сплошным зловещим периодом, апогеем которого стало нападение Советского Союза 30 ноября.

В начале 1939 г. Россия продолжила переговоры, начатые годом ранее, предложив передать ей некоторые острова в Финском заливе. Правительство Финляндии не согласилось вести по ним переговоры,

что вызвало недовольство в Кремле. Весной 1939 г., при рассмотрении в Совете Лиги Наций соглашения между Финляндией и Швецией по Аландским островам, Советская Россия выступила против его подписания, что привело к снятию вопроса, хотя страны-подписанты Аландской конвенции 1921 г. приняли наше предложение, а Советский Союз не имел по этому вопросу никаких законных полномочий. Реальное соотношение сил взяло верх над формальным правом. В конце зимы начались переговоры Великобритании и Франции с Советским Союзом, которые, как оказалось, затронули и нас, поскольку Советский Союз потребовал включить нашу страну в число тех малых государств, на которые должны были распространяться гарантии этих великих держав. Это был опасный знак. Из договора западных держав и Советского Союза ничего не вышло, поскольку первые не согласились с требованиями Советского Союза. Напротив, Германия и Советский Союз подписали 23 августа 1939 г. уже упоминавшийся роковой пакт, о тайных статьях которого не было надёжной информации.

Но в Финляндии это никого не заботило. Страна жила в преддверии парламентских выборов, велась жёсткая предвыборная борьба, в пылу которой не оставалось времени задуматься, о чём же действительно шла речь в тот период. Из моего дневника за 24.06.39: «Поносят друг друга. Спорят по крошечным внутриполитическим делам, – о том, какая партия больше сделала в поддержку земледелия. Обсуждаются старые дела, продолжается полемика по форме правления, в которой особенно активны партии, входящие в правительство. А ведь сейчас на повестке стоят действительно крупные вопросы. Россия желает втянуть и нашу страну в сферу своего влияния. В Москве ведутся переговоры по жизненно важным для нас проблемам. Под вопросом всё независимое положение Финляндии. Но, судя по всему, об этом никто не думает. Ситуация, как в 1453 г., когда турки были у стен Константинополя, а в самом городе вели полемику по теологическим догматам до тех пор, пока турки не взяли город и не выгнали спорщиков».

Наше отношение к Советской России вызывает большие опасения. 28 июня 1939 года я направил из Стокгольма частное письмо министру иностранных дел Эркко: «К числу главнейших вопросов нашей внешней политики относится то, можно ли каким-то образом улучшить эти отношения (с Советской Россией) и, особенно,

развеять предрассудки и недоверие в отношениях между Россией и нами. Можно быть какого-угодно мнения о России, но фактом является то, что мы не избавимся от соседства с ней. География является здесь определяющим фактором. Аландский вопрос показал, что хотя мы являемся суверенным государством и у нас есть чёткие юридические права, но реальность может стать сильнее их. Если нам придётся отказаться от строительства оборонительных сооружений на Аландах, – каковую участь я по-прежнему надеюсь избежать – хотя мы имеем на это законное право, а у России нет права выступать против этого, это говорит о силе реальных фактов. Вопрос стоит о том, можно ли и каким образом улучшить наши отношения с Россией. [...] Есть причина серьёзно подумать, что можно было бы сделать».

17 июля 1939 г. я написал из Стокгольма своему старому знакомому, председателю социал-демократической партии и тогдашнему министру финансов Вяйнё Таннеру:

«Мой старый брат. Такая уж у меня есть плохая черта, что я всё принимаю слишком близко к сердцу, а потому я не могу день и ночь не думать о наших внешнеполитических делах и вообще о нашей независимости. Пишу тебе с просьбой обдумать упомянутые ниже вопросы, хотя, не ошибусь, Ты о них и так уже думал. По большей части я о них устно или в письменном виде упоминал Эркко, но это моё письмо предназначено только тебе».

«1. Наши отношения с Россией и гарантии, навязываемые нам Россией.[...]

«Во-первых, я доволен, что «Социал-демократ Финляндии» написал об этом в прошлую субботу. Это была хорошая статья».

«Я очень озабочен тем, что наши отношения с Россией плохие. Они могут быть “корректными”, но нужно больше. Когда три года назад Холсти стал министром иностранных дел, я считал, что с этим можно было согласиться по причине того, что он, возможно, был бы способен сделать что-то для улучшения наших отношений с Россией. Наверное, и русские не боялись, что Холсти думает о войне против России. У него были отношения и с Литвиновым, с которым он встречался в Женеве. Но сейчас стало ясно, что ему ничего не удалось добиться для улучшения наших отношений с Россией. Можно быть какого-угодно мнения о России, но нам никуда не деться от того, что

она – наш великий сосед. Один из принципов, которые изначально исповедовала газета “Суометар”⁵, заключался в том, что в международных делах надо принимать во внимание соотношение политических сил, а при их осмыслении использовать тот скудный разум, которым Господь наделил человека. Этот принцип не устарел и по сей день».

«Первый вопрос таков: *Каковы цели русских в отношении Финляндии?*

Маннергейм, который считает весьма серьезным требование России о гарантиях, сказал, что, по его мнению, русские, скорее всего, думают взять в свои руки побережье Финского залива, что позволило бы господствовать над ним. Кроме того, он не забыл и старые планы России о выходе к Атлантическому океану. Эти цели могут объяснить стремление России отделить Финляндию от Северных стран и от сотрудничества с ними. Что может иметь Россия против скандинавской политики Финляндии? Или, может, русские преследуют лишь небольшие цели и их беспокоит только собственная безопасность, – уверенность в том, что через Финляндию на неё не нападут? В последнем случае стремлению помешать сотрудничеству Финляндии и Швеции трудно найти объяснение».

«Если Россия имеет более далеко идущие цели, они о них, конечно, не скажут. В любом случае не только достижение некоего *modus vivendi*, но улучшение наших отношений с Россией являются одними из важнейших задач. На это здесь в правительственных кругах – не в последнюю очередь Сандлер – очень надеются».

«Поступили ли мы мудро в прошлую зиму, когда русские подняли вопрос об островах в Финском заливе? Мелкие острова (без Суурсаари⁶) нам не нужны. Для России они имели бы только оборонительное значение. Так мне сказал один эксперт. Можно ли было тогда подготовить вместе с Россией общий обзор ситуации (включая и Аланды) и тем самым улучшить отношения, затрудняюсь сказать».[...]

---

⁵ Suometar (рус. – финка), газета близкая по направлению к политическому движению фенноманов, выходила 1847–1866 гг.

⁶ о. Гогланд (фин. Суурсари) – в настоящее время входит в состав Кингессепского района Ленинградской области.

«Вопрос в том, что и как можно было бы сделать для улучшения наших взаимоотношений и повышения уровня доверия, а также для того, чтобы внести какую-то ясность в плане намерений России в отношении нас?»

«2. (Касательно вопроса об Аландских островах)».

«3. Мы желаем проводить независимую политику нейтралитета вместе с другими Северными странами. Но если это окажется невозможным (и это зависит именно от России) и нам придётся думать о вооружённой борьбе, то в этой связи и независимо от нашего желания встанет вопрос о получении военной помощи. И её мы сможем получить только от противника России. Получим ли мы её, это другой вопрос. Этим я хочу только сказать, что *если* нынешняя независимая скандинавская политика нейтралитета, которую я поддерживаю от всего сердца, окажется невозможной для нас, то следствием этого станет наша полная политическая переориентация. Она не обязательно будет соответствовать интересам русских. Это и им следовало бы суметь понять. Иными словами, по отношению к нам русские проводят сегодня прямо противоположную политику, чем им следовало бы проводить. Они должны были бы отдавать предпочтение нашей скандинавской политике».

«Мне кажется, что у нас с русскими есть много общих тем для обсуждения, *если* с ними вообще можно говорить. Попробуй подумать, не смог бы ты сам каким-то образом просветить их. Нам надо попытаться что-то сделать».

Таннер ответил 26 июня 1939 г., что согласен со мной в том, что отношения Финляндии и Советского Союза далеки от того, какими им следовало быть. Со своей стороны, мы не смогли сделать всё, что нужно было бы сделать для улучшения отношений. Нередко наши выступления могли вызвать только раздражение, о Советской России говорили и писали в унижительном тоне. Это надо прекратить. Русские также говорили о неприкрытом германофильстве, которое сквозит в наших газетах, выступлениях общественных деятелей и, прежде всего, в визитах в Германию военного руководства. Следствием этого стало то, что русские не считали нас надёжными партнёрами, а подозревали в нас союзников Германии. В свою очередь Таннер сказал, что он абсолютно уверен в том, что нынешняя Россия думает не о завоеваниях, а о собственной обороне. Так и в отношении

Финляндии Россия имела в виду исключительно интересы обороны. Переговоры, длившиеся почти год, затрагивали малые острова в Финском заливе. Если бы эти требования удалось удовлетворить, Россия могла заплатить неплохую цену в виде торгового соглашения, передав в придачу некоторые территории по ту сторону границы. По мнению Таннера, можно было удовлетворить требования русских по островам, хотя вопрос и вызвал бы изрядный шум, если какое-то правительство уступило в этом отношении. «В независимости Финляндии я, всё же, твёрдо уверен, и не думаю, что ей что-то угрожает», – писал Таннер, завершая письмо следующими словами: «Главное, как относиться к нынешней ситуации. Если война будет, тогда, конечно, придётся пожертвовать и экономикой. Но я не верю в войну. Мир не может настолько обезуметь».

В своём ответе 5 августа 1939 г. я написал, что в основном мы разделяем одинаковые взгляды, но добавил, что я пессимистичнее его. «В отношении экспансионистских намерений России я не столь уверен, как ты. Во всяком случае, события последнего времени показали, что Россия хочет превратить нас, аналогично Эстонии и Латвии, в некое подобие вассальных государств, а это уже серьёзно. [...] Державе не так просто забыть то, что у неё было раньше, если она, конечно, не приходит в упадок. Почему Россия хочет внести сумятицу в наши отношения со Швецией и другими Северными странами?»

«Всё развитие идёт против интересов малых стран. В прежние времена маленькая Швеция могла играть большую политическую роль. Сейчас она вне игры. Казалось, что после мировой войны развитие приобрело иное направление. Возникли новые малые государства. Но сейчас в течение короткого промежутка времени четыре из них – Абиссиния, Австрия, Албания и Чехословакия – вдобавок к двум – Грузии и Азербайджану, которые ранее захватила большевистская Россия – исчезли, а другие или уже превратились или в настоящий момент превращаются в вассалов больших. [...] В политической области малым государствам больше нечего сказать. Большие решают между собой и их судьбы, как показывают переговоры в Москве. В какие “протектораты” превратятся малые, если процесс продолжится, трудно сказать».

«Я по-прежнему считаю, что существование малых государств зависит, как правило, от моральных факторов. Если не заставить мир

признать аксиому, что малые народы имеют право жить собственной жизнью и что это соответствует интересам больших народов и всего человечества, нас, малых, в конечном счёте, ничто не спасёт».[...]

«Выше я говорил о моральных факторах как некоей опоре малых государств. Но поскольку их пока не существует, то, по моему мнению, нет другого средства, кроме как быть в готовности защищать себя». [...] В этой связи я добавил, что «внешнеполитическое положение нашей страны существенно ухудшилось, и сегодня оно хуже, чем когда-либо ранее – сложнее, чем в 1918 г., когда Россия находилась в нокдауне».

«Ты не веришь в войну. Похоже, такого же мнения придерживается и Эркко. Надеюсь, что вы правы. Проблема лишь в том, что ты не приводишь никаких аргументов в поддержку своей веры. Ты лишь говоришь, “мир не может настолько обезуметь”. Как можешь говорить такое ты, участник событий нашего века с его самого первого дня? Где ты видел господство разума в последние четыре десятилетия?»

«Создаётся впечатление, что парламентские политики зачастую ошибаются в этих вопросах. Недавно я прочитал, что премьер-министр Норвегии Гуннар Кнудсен, которого, все же, предупредили знающие люди, сказал в стортинге ⁷17.02.1914: “сейчас положение таково, что политический небосклон, если смотреть с точки зрения мировой политики, более безоблачен, чем за многие предыдущие годы” (!!). А как Брантинг, да и Стафф, оценивали положение зимой и весной 1914? Может, Ты помнишь, как Лео Мекелин, выступая в парламенте в 1910 или 1911 г., с издёвкой спросил у графа Берга (сенатора по вопросам путей сообщений), какие-такие большие войны ожидает граф и сенатор Берг? – Я и сам дважды серьёзно ошибался. В первый раз в 1904 г. в отношении войны между Россией и Японией, о которой фон Витте сказал: “Безумная/бесмысленная война”. Второй раз в 1914 г. уже о мировой войне, которую Витте назвал ‘Cette stupide aventure’ – “Эта тупая авантюра”. Сейчас я не столь стоек в своей вере».

---

⁷ Стортинг – норвежский парламент.

«По моему скудному разумению, сейчас перекраивается карта Европы и мира. Какой гегелевский 'Weltgeist'⁸ стоит за этим, я не знаю. Во всяком случае, 80-миллионный немецкий народ воссоединился и стремится занять господствующие позиции в Европе, а также стать равным Англии и Франции за пределами Европы. Британия держится за старую политику европейского баланса сил и за своё доминирование вне Европы. Такие проблемы мирным путём не решить. Мы с тобой срослись с либеральными идеями капитализма и социализма, при господстве которых, как полагали, решающее слово принадлежит разуму. Поэтому так сложно понять ход нынешних мировых событий. Единственное, что мне ясно, так это то, что развитие событий идёт иначе, чем предполагалось».

«Никто не может сказать, будет война или нет. По-моему, больше возможностей на стороне войны, а не мира. Но что мы можем сделать в таких условиях, кроме, как попытаться подготовиться к худшему. Если её удастся избежать, замечательно. Дорогой страховой полис утрачен, но здесь ничем не поможешь».

Таннер желал, чтобы его убеждённость в бессмысленности войны сказывалась на его деятельности как управляющего финансами государства. Отсюда моё упоминание страхового полиса и ссылка на то, что нам надо быть готовыми к худшему. На всю Финляндию стала известна его речь в парламенте в сентябре 1939 г., когда он, защищая правительство от упрёков в пренебрежении своими обязанностями, усиленно напирал на то, что «в Финляндии не было ни одного человека, который мог бы сказать, что война начнётся 1 сентября». Он повторил в парламенте: «Никто не мог поверить, что лидеры великих держав окажутся настолько лишены разума». Желание положить в основу принятия решений обстоятельства, которые кажутся надёжными фактами, характеризует образ мышления Таннера, плохо подходящий для сферы внешней политики. Мой друг Таннер не был един в своей вере, что война, этот апогей безумия, невозможна для цивилизованного человечества, и что независимость Финляндии нерушима как скала. Подавляющее большинство финского народа считало так же. Среди малых цивилизованных народов, не в последнюю очередь в Северных странах, высокие идеи права и

---

⁸ Weltgeist - мировой дух (нем.).

гуманизма прочно укоренились в сознании людей. Насилие было чуждым и необъяснимым для нашей сущности.

Доверчивость, непонимание враждебности мира, вера в право, справедливость и правое дело, а также разум были в нашем народе, как и у многих других малых народов, трогательно прочны и самозабвенны. Светлый оптимизм, убеждение в том, что право малых народов на собственную и самостоятельную жизнь были столь же прочны и столь же естественны, как у больших, что нам нечего было бояться – всё это считалось аксиомой. Сегодня кажется странным читать то, что провозглашалось у нас в годы независимости. «После мировой войны никто больше не может сомневаться в праве и малых народов на существование» – писал (в своей книге «*Somen uusi asema*, 1919⁹), правда, находясь в состоянии самого первого очарования, профессор истории и политик Вяйнё Войонмаа, который, все же, никогда не забывал о сложностях политики. В основе его планов, как и многих других финнов, лежала вера в силу международного права: в создаваемую Лигу Наций, в провозглашение нейтралитета Финляндии или в то, что с Россией можно подписать полубовное соглашение, с помощью которого «тлеющие головешки можно убрать из сферы отношений России и Финляндии». Россия навсегда осталась бы в самом дальнем углу Финского залива, куда её задвинули. Финский залив и Ладожское озеро объявили бы нейтральной зоной, откуда были бы выведены все вооружения. Тартуский мирный договор был бы по нашему предложению дополнен статьёй о нейтральном статусе Финского залива. Восточная Карелия была бы присоединена к Финляндии, а Великая Финляндия создана мирным путём: Россия согласилась бы с этим, поскольку дело было правое. Мурманская железная дорога была бы переведена под международное управление.

В столь умирительно идиллическом мире фантазий и грёз пребывали не только в начале 1920-х годов, но и много позже. Профессор Ю.Х. Веннола, игравший заметную политическую роль в период независимости – в частности, он дважды был премьер-министром и один раз министром иностранных дел – писал с искренней доверчивостью: «Те империалистические элементы,

---

⁹ Väinö Voionmaa. Suomen uusi asema: maantieteellisiä ja historiallisia peruspiirteitä. Porvoo: WSOY, 1919. (Новое положение Финляндии).

которые мечтали о Великой России, больше никогда не вернутся. [...] Распад России был исторической необходимостью. [...] Возможности большевиков расширить свою власть в значительной мере уменьшились. [...] Пройдут десятилетия, прежде чем Россия залечит свои раны. [...] Время и право со всеми сопровождающими их жизненными необходимостями работают на укрепление независимости Финляндии и других малых народов». Это цитаты из книги Веннолы «*Politiikkamme kansakuntana*»¹⁰, изданной в 1929 году (ss. 33-38, 42). Там также говорится, что у нас «ещё отсутствуют крепкая вера и смелость, когда можно решиться сказать, что наша независимость – это факт, основанный на праве национальностей и что покушение на эту независимость является преступлением». Такой словесной смелости, которой, как, впрочем, и других видов смелости, у нас реально всегда хватало, было, по мнению Веннолы, как и многих других финнов, вполне достаточно.

Уже в 1930-е годы стала проявляться слабость Лиги Наций. Однако возможность нарушения законных соглашений и актов вооруженной агрессии великих держав против малых государств внутри европейских границ не воспринимались всерьёз. Столь низко, по мнению финнов, мир не мог опуститься. Особенно в 1920-е и даже в начале 1930-х годов нас убаюкивали уверениями в том, что Россию не следует бояться, что Красная армия не способна к наступлению, что в истории якобы есть подтверждения того, что Россия вообще никогда не добивалась успеха в наступательных войнах. Кроме того, каждая война негативно сказывалась на внутреннем устройстве России. Считалось, что всё это удержит Советскую Россию от агрессии. В этом было некое зерно истины. Но эта аргументация касалась только больших войн. Для великой державы наступательная война против малого государства – это дело второстепенного свойства, на которое она может пойти без особого риска и добиться успеха. Таким было нападение Советской России на Финляндию в 1939 г. Это – печальная судьба малого государства, с которой ничего не поделаешь, пока в мире царит закон джунглей.

В Финляндии в условиях послевоенного разочарования Лигой Наций и в атмосфере возросшего самосознания, порождённого

---

¹⁰ *Vennola, Juho Heikki. Politiikkamme kansakuntana : vapaita huomioita ja arvostelua. Itsenäisyyden liiton poliittinen kirjasto n:o 5. Helsinki, 1929 (Политика Финляндии как нации)*

независимостью, не обратили внимания на одно важное обстоятельство, а именно на то, что вплоть до второй половины 1930-х годов Советская Россия переживала период сосредоточения и собирания сил. У нас не приняли во внимание и то, что этот период, продлившийся два десятилетия, когда Советский Союз был «по горло» занят своими внутренними делами и когда он не мог играть во внешней политике сколько-нибудь серьёзную роль, был чрезвычайным и временным в истории России как великой державы. Мы привыкли считать такое положение вещей нормальным и непреходящим. Во времена провозглашения финляндской независимости со стороны представителей старшего поколения не раз приходилось слышать слова озабоченности будущим независимости Финляндии. В их мыслях Россия была такой, как в период своего могущества. Правда, и у нас в 1920-е годы звучали голоса предостережения. Ревизионная комиссия, учреждённая специально для создания оборонного ведомства, в своём заключении, датированном 1926 годом, обратила внимание, что лишь случайная слабость Российской империи позволила нам обрести независимость, а подчеркнула также то насколько очевидные внешние и внутренние проблемы советского государства предопределили, что нам до сих пор не пришлось воевать для защиты своей независимости. После этого в документе содержалась следующая формулировка: «Мы ни в коем случае не можем предположить, что эта великая держава окончательно и навсегда откажется от надежды вернуть те территории, которыми она владела более столетия и которые предоставили бы ей исключительно выгодное во многих отношениях положение на Балтийском море». Однако, эти предупреждения постепенно растаяли и исчезли из памяти народа.

В конце 1930-х годов время кажущейся слабости России осталось позади. Советский Союз, который, несмотря на внутренние перемены, оставался всё той же старой Россией, вернул своё положение великой державы. Нам пришлось иметь дело именно с этой великой державой, потому и проблемы не заставили себя долго ждать. О том, что ситуация изменилась, в Финляндии не удосужились задуматься. Пребывали в атмосфере наивного благоверия и самоуспокоенности, непоколебимо уповая на наше законное право. В такой атмосфере в октябре 1939 года мне готовились инструкции для московских переговоров. По этой причине они были весьма ограниченными.

Право у нас имелось; но было ли у нас достаточно мудрости и благоразумия?

Поскольку советское правительство не сообщило, какие вопросы будут подняты на переговорах и какие предложения оно сделает Финляндии, консультации в Хельсинки до моего отъезда носили главным образом общий характер. В ходе зондажа, который по инициативе правительства Советского Союза прошёл в Хельсинки зимой 1939 года, как я уже писал, речь шла об отдельных островах в Финском заливе. Кроме этого, Деревянский упомянул в разговоре с Эркко, что Советский Союз намерен в военно-политическом плане устроить дела в зоне Балтийского моря таким образом, чтобы он мог владеть ситуацией в этом регионе.

Инструкции, опубликованные в Сине-белой книге (Т. 1. Сс. 44-47), вначале включали в себя только общие комментарии. Предпосылками политического положения Финляндии были её многовековые границы, а также тот факт, что одни и те же люди из поколения в поколение жили в этой стране, возделывали её, создавая своим трудом своеобразную финскую нацию и форму цивилизации. Целью такой констатации было доказать наше моральное право мирно жить в своей стране в пределах наших старых границ, поскольку и мы, со своей стороны, никому не хотим мешать или причинять какой-либо ущерб. Всё это, конечно, абсолютно правильно, но на переговорах с великой державой такие моральные аргументы весят не особо много.

Далее в инструкциях отмечалось, что отношения между Финляндией и Советским Союзом согласованы и упорядочены в Тартуском мирном договоре от 14.10.1920. Кроме него, между нашими странами 21.01.1932 был подписан Договор о ненападении и мирном улаживании конфликтов, а также дополняющая его Конвенция об определении агрессии от 3.07.1933. В первом документе обеими сторонами были гарантированы границы между Финляндией и Советским Союзом так, как они были закреплены в Тартуском мирном договоре, «который остаётся их незыблемой основой», помимо чего договаривающиеся стороны «обязуются воздерживаться от всякого нападения одна на другую». «Будет рассматриваться как нападение всякое насильственное действие, нарушающее целостность и неприкосновенность территории или политическую независимость

другой высокой договаривающейся стороны, даже если бы оно было совершено без объявления войны и с избежанием ее проявлений».

Дополнительно в Договоре о ненападении было определено, что «Высокие договаривающиеся стороны заявляют, что они будут стремиться всегда разрешать в духе справедливости все споры, независимо от их природы или происхождения, которые возникли бы между ними, и что они будут прибегать, в целях их разрешения, исключительно к мирным средствам. В этих целях высокие договаривающиеся стороны обязуются передавать все споры, которые возникли бы между ними после подписания настоящего договора и которые не могли бы быть урегулированы в обычном дипломатическом порядке в разумный срок, согласительной процедуре в смешанной согласительной комиссии, права, состав и производство которой будут установлены в особой дополнительной конвенции, которая явится неотъемлемой частью настоящего договора». В Конвенции о согласительной процедуре от 22.04.1932 г. было более точно определено, каким образом при возникновении возможных споров надо было пытаться решить вопрос в рамках согласительной процедуры. Кроме того, 7.04.1932 г. было согласовано, что договор о ненападении будет находиться в силе до конца 1945 года.

Иными словами, документы, определяющие отношения Финляндии и Советского Союза, были совершенно понятны. В них не было никаких пробелов. В правовом и моральном отношении позиция Финляндии была безоговорочно сильной.

Далее в переданных мне инструкциях обращалось внимание на то, что целью внешней политики Финляндии было обеспечение мира и сохранение нейтралитета, который Финляндия желала отстаивать и вооружённым путём, и что Финляндия уже в силу своих малых размеров не могла быть угрозой ни для какой другой страны. По всем предложениям, которые могли поколебать политическое положение Финляндии или финскую политику нейтралитета, мне следовало однозначно занимать отрицательную позицию. Ни на какие предложения советской стороны, затрагивающие территориальную или государственную неприкосновенность Финляндии, не было права давать какие-либо обещания, находившиеся в противоречии с конституционными законами Финляндии, причем надо было подчеркнуть, что любое возможное соглашение должно быть

одобрено правительством и парламентом Финляндии в установленном порядке.

Если со стороны Советского Союза последовали бы предложения, касающиеся создания советских баз на материковой части Финляндии или же, например, на островах Аландского архипелага, такие предложения надо было отклонить, отказавшись от их дальнейшего обсуждения. То же самое касалось предложений о переносе границы на Карельском перешейке. Возможные предложения о передаче портов Финляндии в той или иной форме в использование Советского Союза нельзя было принимать для рассмотрения. Финляндия была готова позаботиться только об организации коммерческого транзитного движения. В инструкциях содержалась ссылка на то, что Финляндия сделала Советскому Союзу предложение по заключению торгового соглашения.

В отношении островов в Финском заливе, по которым советской стороной поднимался вопрос в прошлую зиму, Гогланд должен был оставаться вне сферы переговоров. В качестве «крайней уступки» можно было согласиться обсуждать вопрос о трёх малых островах – Сейскари, Лавансаари и Тютяrsaари¹¹, если урегулирование этого вопроса будет осуществляться на основе взаимности и если компенсация, предлагаемая финской стороне, была бы такой, что в глазах мирового сообщества она бы выглядела разумной сделкой. «Пусть это решение, о котором, возможно, следует подумать, если на это согласится парламент, станет доказательством того, что Финляндия изъявляет желание принять во внимание обозначенные Советским Союзом аспекты безопасности».

Если Советский Союз внесёт предложение о заключении между Финляндией и Советским Союзом договора о взаимной помощи, следовало сообщить, что он не согласуется с политикой нейтралитета Финляндии, поскольку, в частности, Финляндия приняла решение не заключать никаких союзов, что является неотъемлемой чертой политики нейтралитета Финляндии. Финляндия боялась, что политика союзов могла втянуть страну в войну. В завершении содержалась ссылка на то, что Советский Союз с удовлетворением констатирует проведение Финляндией северной политики нейтралитета.

---

¹¹ Соответственно по-русски: Сескар, Мощный и Большой Тютерс.

Из изложенных инструкций становится ясно, что у меня не было права ничего обещать и вообще стараться не втягиваться ни в какие разговоры о чем-либо, кроме, как «в крайнем случае», о трех малых островах в Финском заливе – Сейскари, Лавансаари и Тютяrsaари.

Главной целью первых переговоров было выяснить, что предложит нам Советский Союз. Устно мне сообщили и важную инструкцию – ни в коем случае не дать переговорам прерваться.

III

Советский Союз в 1939 году

Советский Союз в 1939 г. представлял собой серьёзный фактор международной политики. Обе группы великих держав наперегонки стремились заручиться его расположением.

Но какой действительно была Советская Россия? Что произошло в этой великой державе за последние 23 года? Шло ли развитие вперед и насколько? Какими были экономическая и военная мощь, а также внутренняя прочность Советского Союза? По всему этому за границей были весьма смутные представления. Об этом ничего толком не было известно и в Финляндии, хотя мы граничили с Советским Союзом и знали Россию в силу наших прежних отношений лучше, чем многие другие народы. Создавалось впечатление, что хотели забыть само существование великого неизвестного. «Советский Союз не только в политическом, но и в экономическом отношении оставался сфинксом», – писала в ноябре 1941 г. одна влиятельная немецкая газета. Существовала какая-то духовная расслабленность, мешавшая выяснить, что же из себя реально представлял Советский Союз. Различные художественные описания, принадлежавшие деятелям, преимущественно лево-социалистического направления, которые посетили Россию, можно было на первый взгляд считать преувеличенными. С другой стороны, впадали в иную крайность. «В среде официальных и полуофициальных представителей Советского Союза царил такая система искажённых данных, подобной которой ещё не видели. [...] Если мы не хотим оказаться полными глупцами, нам надо исходить из того, что каждое сведение, которое содержит что-то полезное о Советской России, является ложным», – заявил

Вернер Зомбарт в 1924 г. (*Der proletarische Sozialismus*. Т. 1. S. 471–472)¹².

Было известно, что в России произошла революция, перевернувшая общество до основания. Катаклизм и кровопролитие не могли принести с собой ничего хорошего. Так, по крайней мере, полагали.

Известный швейцарский философ истории Якоб Буркхардт на основании опыта старой и новейшей истории в своих лекциях 1868 и 1870–1871 гг., изданных только после его смерти отдельной книгой «*Weltgeschichtliche Betrachtungen*», описал ход революций следующим образом:

«Необходимость любой ценой сохранить за собой успех ведет в такие времена к полной беззастенчивости в выборе средств и к тотальному забвению первоначально провозглашенных принципов. Это приводит к компрометирующему весь кризис терроризму [...]. Как правило, терроризм в самом начале использует для своего оправдания популярный предлог внешней опасности, в то время как сам он рождается из взвинченной ярости против почти неуловимого внутреннего врага, также как и из потребности

в получении легких средств управления, и из растущего осознания

численного превосходства его противников. В дальнейшем существованиетеррора становится само собой разумеющимся, поскольку в случае его ослабления сразу же последует воздаяние за все уже совершенное. [...] Для такого искаженного взгляда на вещи полное уничтожение противника кажется единственным спасением, и не должно быть пощады ни детям, ни наследникам; *colla biscia tuore il veleno**. Когда всех охватывает настоящая жажда охоты за призраками, уничтожению подвергается определенная категория людей в соответствии с установленным принципом их отбора. В то же

---

¹² Имеется в виду памфлет В. Зомбарта «Пролетарский социализм».

время величайшие массовые боины, анонимные и осуществляемые наугад, дают только ограниченный эффект, поскольку проводятся от случая к случаю, а названные выше казни повторяются и могут быть бесконечными»¹³.

В общих чертах эта схема Буркхардта весьма подходит к русской революции, как, впрочем, и к Великой французской.

Большевистская революция была намного масштабнее, она ударила глубже, чем французская революция, потряся до основания общественные устои. Но вряд ли русская революция заслуживает более жёсткого осуждения, чем «великая» французская революция, с которой ведётся отсчет новейшего периода истории. Считается, что обе возникли вследствие того, что прогнивший и негодный высший класс был неспособен не торопясь, мирным путём обновить общественные условия. Главные достижения французской революции, которые кажутся современному человеку относительно простыми – главным образом равноправие граждан перед законом, а также уничтожение привилегий дворянства и духовенства – потребовали 25 лет потрясений во всей Европе и жизни миллионов людей. Действительно, истории нужна совершенно несоразмерная драка, чтобы получить хотя бы мизерные результаты. Но мне кажется, что были правы те историки французской революции, которые задавались вопросом, а не была ли цена чрезмерной, те, кто полагал, что основных достижений революции можно было добиться и без ужасных катаклизмов путём эволюционного развития.

Говорят: это – переделывание истории. Когда речь идёт о революциях, господствуют такие атмосфера безнадежности и фаталистическая вера, что ничто другое уже просто невозможно. «Революцию нельзя критиковать», – говорили как французские, так и русские революционеры. Почему нет? Во всех странах прогресс не был сопряжён со столь кровавыми деяниями. Английские революции были крошечными по сравнению с революциями во Франции и России. И все же, именно Англия, как никто иной, шла в первых рядах человеческой цивилизации. И там были свои гражданские войны и

---

¹³ Буркхардт Я. Размышления о всемирной истории / Пер. с нем. 2-е изд. М.; СПб.: «Центр гуманитарных инициатив», 2013. С. 155–156.

своя «великая революция» во времена Кромвеля, на полтора столетия раньше французской революции. В этой гражданской войне – пишет один английский историк – «как кавалеры (роялисты), так и круглоголовые (пуритане, парламентская партия) выгодно отличались от идейных эмигрантов и якобинцев времён французской революции. Английская гражданская война (английская буржуазная революция) означала не окончательный крах обветшавшего общества в атмосфере хаоса, порождённого классовою ненавистью и алчностью, а борьбу политических и религиозных идеалов, которая разделяет каждое сословие в социально здоровой и экономически процветающей стране» (G. Macaulay Trevelyan. History of England, v. II, p. 406). Возможно, что английский историк в своей критике не слишком беспристрастен. В те времена ни в Ирландии, ни в Шотландии не жалели своих противников, да и принудительная экспроприация собственности политических противников без всякой компенсации не была в новинку и в Англии. Однако, во всяком случае, ход английской революции не сравним ни с французской, ни с русской хотя бы потому, что она произошла уже в середине XVII столетия. Шведские революции были детскими шалостями. Там за последние десятилетия мирным путем произошли весьма радикальные изменения. Так было в Швеции и Англии, но не во Франции и России.

Каковы постоянные достижения русской революции – этого ещё нельзя сказать. Советская Россия сегодня – это такая же империалистическая и военная держава, как и остальные; честолюбивая, беспардонная по отношению к слабым, как и другие. В этом отношении не произошло никаких перемен. Напротив, там, внутри страны, вступило в силу государственно-социалистическое устройство. Большевики до основания перевернули и привели в движение затхлое, заплесневевшее общество царской России. Военная мощь России возросла. Но жизненный уровень и условия жизни людей, по крайней мере на сегодняшний день, еще не сравнялись с западными, «капиталистическими», странами. И самое главное: *свобода* в западном понимании в Советской России, по крайней мере до сих пор, совершенно неизвестна.

Некоторые историки считают гениальными народы, которые, подобно народам Франции и России, способны совершать великие и кровавые революции (Kurt Breysig, Von geschichtlichen Werden, III, ss.

365-367¹⁴). С таким же успехом можно считать гениальными и те народы, которые оказались способны избежать революций, и найти какой-то изъян у тех, кто не смог организовать свою жизнь без чрезмерных потрясений.

В результате революции в России появились «марксистская коммунистическая система и диктатура бедноты». Это было известно. В соответствии с постулатами либерализма, система, в которой «законы экономики» большей частью задвинуты в угол, не должна была существовать, она должна была рухнуть в силу своей невозможности. Вот и ожидали, что раньше или позже система рухнет или, по крайней мере, в ней постепенно будут происходить изменения, необходимые после длительного периода слабости, т. н. «обуржуазивание». «Гигантская держава на Востоке созрела для своего краха», – убеждал Гитлер в «Майн Кампф». Еще в конце 1920-х годов эта мысль публично высказывалась в кругу видных западных политиков. В любом случае, с помощью такой системы нельзя было создать хоть сколько-нибудь мощные экономику и государство. Так примерно, по моим наблюдениям, размышляли и в других странах.

Кроме того, было известно, что Россия – это многонациональная страна. Иными словами, и в национальном плане она была раздроблена и слаба. В Советском Союзе – как полагали – должно было проявляться экономическое, социальное и национальное недовольство. Ко всему, в правящих кругах царили серьезные распри («чистки»). Таким образом, Советская Россия не могла быть ничем иным, как хрупким государством – многократно упоминавшимся «колоссом на глиняных ногах».

Но большевики устояли. Советский Союз не рухнул. Ленин спас революцию, а Сталин, строитель государства, поднял Россию с колен и вернул ей могущество. Уже в 1922 г. советское государство простиралось от Северного Ледовитого океана до Чёрного моря и от Балтики до Тихого океана. После нападения немцев Советская Россия показала невиданную военную силу, значительно более мощную, чем была у царской России. Мир с удивлением наблюдал гигантскую битву Советской России. Чем это можно было объяснить? В литературе, с которой мне удалось познакомиться, я не нашёл

---

¹⁴ *Breysig Kurt. Vom geschichtlichen Werden. Bd 1-3, Stuttgart-B., 1925-1928. [Брейзиг Курт. Становление истории].*

удовлетворительного объяснения. Авторы не были способны следить даже за внешним развитием событий и разбираться в том, чем же вызваны достижения Советской России. У многих стран, больших и малых, были свои официальные представительства в Москве. Общая искажённая оценка ситуации в Советской России и её реальной силы является далеко не лучшей характеристикой дипломатов. В той же мере об их дипломатических и внешнеполитических способностях свидетельствует то ужасающее положение, в котором с 1939 г. находился окровавленный мир, стонавший от потери всяческих надежд.

Даже такой знаток России и русской души как Томаш Масарик, ставший позже президентом Чехословакии, не мог правильно оценить большевистскую Россию. В одном из меморандумов, написанных в апреле 1918 года, он, правда, высказал верное мнение, что большевики останутся у власти дольше, чем думали их противники, но вместе с тем предположил, что они потерпят поражение вследствие «политического дилетантизма». Впрочем, и другие предсказания Масарика и его размышления о будущем не подтвердились (*Masarik T.G. Die Weltrevolution. S. 212–216*)¹⁵.

Бывший посол Соединённых Штатов Москве Джозеф Э. Дэвис, который не был профессиональным дипломатом, отмечал в 193–1938 гг., как следует из его опубликованных докладов, что экономический, социальный и военный потенциал Советского Союза весьма значителен и что он намного больше, чем привыкли думать. Но поскольку, как складывается впечатление, он считал главной причиной успеха то, что Советский Союз то в одном, то в другом отказывался от принципов коммунизма, то это вряд ли достаточно для объяснения. Никакая экономическая система, включая и либеральную, на практике не предстаёт в абсолютно чистом виде, но отличается от теоретической модели, предположительно, не в меньшей степени, чем и система большевиков.

Здесь не ставится цель попытаться разрешить «загадку Советской России», попытаться объяснить, как происходило и могло происходить строительство этой гигантской страны и мощной державы. К тому же, у меня для это нет достаточной информации.

---

¹⁵ См.: *Масарик Т.Г. Мировая революция. Воспоминания. Прага: Пламя – Орбис, 1926.*

Отметим лишь по ходу рассуждения, что бесконечные природные запасы Советской России отчасти объясняют достижения советской системы. В более бедных странах дела могли сложиться иначе. Но складывается впечатление, что за рубежом под влиянием своих экономических догм давали излишне одностороннюю оценку Советскому Союзу и ситуации в нём. В экономических и общественных системах меньше безоговорочного, абсолютного, и больше относительного, релятивистского, чем мы привыкли полагать. «С помощью советской системы России было доказано, что социалистическое государство может существовать и осуществлять самые необходимые функции», чтобы продолжить свое существование, - говорит американский экономист и профессор Калвин Б. Гувер, который в 1929-1930 гг. находился в Советском Союзе с исследовательскими целями. «Раньше обычно придерживались того мнения, что социалистическое государство вообще не может "решать свои дела". Отрицание этого более не является возможным. Другое дело, в какой системе, социалистической или капиталистической, людям лучше живётся» (*Hoover G. The Economic Life of Soviet Russia*, p. 337)¹⁶.

В 1920-е и даже в начале 1930-х годов Советский Союз не играл в международной политике активной роли, присущей великой державе. Тогда он был полностью связан своими делами, создавая на руинах, оставленных мировой и гражданской войнами, социалистическое хозяйство и общество. Всё же, Советская Россия в силу своих размеров и положения является столь значимым фактором, что забыть её невозможно. Даже в период своей слабости она создавала головную боль другим странам Европы.

Я не ставлю своей целью подробно описывать запутанные отношения Советского Союза и других держав в 1920-е годы. В них происходила практически непрерывная череда обоюдосторонних просчётов и ошибок. Возможно, в меньшей степени это касалось Советского Союза. Изучение этих ошибок представляет определённый интерес. С другой стороны, не особенно удивительно, что руководители западных держав, занятые приведением в порядок хаоса, оставленного Первой мировой войной, находятся в недоумении

---

¹⁶ См.: *Hoover Calvin B. The Economic Life of Soviet Russia*. New York: The Macmillan Company, 1931.

перед новым и весьма примечательным феноменом Советской России, не понимая, как к нему надо относиться.

Первый этап представлял собой полный разрыв отношений и отправку войск, впрочем, весьма небольших, на захват территорий Советской России. За ним последовала слабая поддержка «белых генералов». И то, и другое было ошибкой. Затем произошёл разворот на 180 градусов: начались переговоры с большевиками. Думали, что Советскому Союзу придется принять продиктованные западными державами соглашения, например, относительно выплаты долгов и возвращения экспроприированной иностранной собственности. Большевиков надо было «приручить». Когда Ленин в 1921 г. объявил о начале Новой экономической политики (НЭП), решили, что она означает конец революции, советский «термидор». Обо всём этом велись переговоры на Женевской и Гаагской конференциях 1922 г. Снова ошибка. Советский Союз не согласился с навязываемыми ему условиями, и из этой попытки ничего не вышло. Новый разворот. Советский Союз признали без всяких условий, заявив о желании торговать с ним. Думали, что получится убить двух мух одним ударом: торговля с Советским Союзом эффективно содействовала бы возрождению экономики Европы, пострадавшей от мировой войны, а экономические контакты с внешним миром позволили бы обуздать большевиков. Опять просчёт: значение торговли с Советской Россией для Европы было явно преувеличено, одновременно не удалось обнаружить никаких признаков «обуржуазивания» Советской России. Напротив, коммунизм приобрёл ещё более радикальные черты.

У советских лидеров была собственная политика. В первые годы революционная идеология и сметающая на своём пути все преграды мощь необходимости победы всемирной революции играли определяющую роль в формировании их позиций. Господствовало представление о скором наступлении революций в других странах. Сначала Ленин основывал свою линию именно на этом. По мере того, как советская система устанавливалась бы в разных странах, они объединялись бы в федеративный союз социалистических государств – так думал Ленин. – На III Всероссийском съезде Советов 30 января (31 января – прим. пер.) 1918 года он предложил, чтобы, в частности, рабочие и крестьяне Финляндии, взяв власть в свои руки, обратились к большевикам, выражая свою непоколебимую решимость «идти вместе с нами по пути Интернационала. Вот основа нашей

федерации, и я глубоко убежден, что вокруг революционной России все больше и больше будут группироваться отдельные различные федерации свободных наций»¹⁷. Для разжигания революции и создания советской власти в других странах Ленин в 1919 г. основал Коммунистический интернационал, Коминтерн, одной из целей которого была определена борьба за создание союза федеративных советских республик. В соответствии с новой редакцией Устава организации, принятой на VI конгрессе Коминтерна в 1928 г., одной из его целей было «создание всемирного союза социалистических советских республик». «Большевики ждали формирования нового мира, в котором Москва стала бы великим Римом» (*Alfred L.P. Dennis, The Foreign Policies of Soviet Russia, p. 340*)¹⁸.

Эти надежды большевиков стали их первым просчётом. Из революций в больших странах, а тем более из планов всемирной революции ничего не вышло. Но пропаганда Коминтерна, параллельная политика советского правительства, принесла немало проблем и трудностей. Кремль довольно скоро заметил, что «капитализм стабилизировался», а надежды оказались напрасными, хотя вера в необходимость революции, которая должна была произойти раньше или позже, никуда не делась.

Как «буржуазные» государства преувеличивали значение торговли с Советской Россией, так и советские руководители полагали, что Европа и мир не смогут экономически существовать без Советской России. На основе этих рассуждений они вначале думали, что смогут получить крупные кредиты от западных стран. Ошибка: хотя, с экономической точки зрения, богатая природными запасами Россия и была важным и полезным фактором, но вовсе не необходимым. Это показали прошедшие четверть века. Иностранные государства не пошли на требования советского правительства. Наоборот, в своей созидательной работе Советский Союз получал экономическую поддержку от частных зарубежных компаний, преимущественно немецких и американских: это касалось как работы квалифицированного технического персонала, так и, в какой-то степени, кредитов. Довольно быстро большевистские вожди заметили, что западных капиталов, которые можно было бы получить на

---

¹⁷ См.: Ленин В.И. Полн. Собр. соч. Т.35. С.288.

¹⁸ См.: *Dennis L.P. Alfred. The Foreign Policies of Soviet Russia. New York: E.P. Dutton and Co., 1924.*

приемлемых условиях, далеко не хватает. Приходилось работать с расчетом на собственные силы и средства. Этим они и занялись, проявляя жёсткость и последовательность в снижении уровня жизни народа, что позволяло направлять сэкономленные деньги на создание основ промышленности. Это строительство, осуществленное страной советов преимущественно своими силами, содействовало поднятию уровня самосознания руководителей и народа.

Великое коммунистическое строительство Советского Союза в 1920-е и даже в начале 1930-х годов предполагало удержание государства от военных конфликтов. Это придало внешней политике Советской России последовательность. Для того, чтобы создавать основанную на принципах марксизма социально-экономическую и общественную систему – «коммунизм в одной стране» – сохранение мира было жизненно важным условием. На это и была нацелена политика Кремля. Частью этой политики стало проявившееся уже в 1920-е годы стремление большевиков к снижению градуса противостояния. Конечно, Коминтерн подстёгивал коммунизм в других странах. Однако, и в этом случае, когда надежды на всемирную революцию развеялись на достаточно продолжительное время, целью было использовать агитацию трудящихся в зарубежных странах на предотвращение возможного нападения на Советский Союз и на поддержку политики, благосклонной по отношению к Советской России. В этой пропаганде удалось добиться выгодных для Советской России результатов. В безопасных для Советского Союза малых странах, особенно в соседних, ранее входивших в состав России, и в регионе Балкан, истари бывшем объектом ее экспансионистских устремлений, пропаганда преследовала иные цели. Целью подстрекательства в первые послереволюционные годы было социальное брожение и в крупных странах, когда там, как, например, в Италии в 1920 г. и в Германии в 1923 г., складывалась благоприятная ситуация. Однако, например, в Англии безнадёжность революций была очевидной, хотя и там Кремль полагал с помощью пропаганды в Азии нанести ощутимый удар по Британской империи.

Большевики всегда отличались недоверчивостью. Кремль разделял устойчивое мнение, возможно, берущее начало в первые годы революции, со времени иностранной интервенции, что

«буржуазные» государства, якобы, постоянно вынашивали и готовились к агрессии против Советского Союза для уничтожения коммунизма. Это также было их ошибкой. В «буржуазных» странах таких целей не было, если не считать упомянутую выше весьма слабую и плохо организованную поддержку русских «белых генералов» в первые годы советской власти, особенно в 1919 г., а также помощь Франции Польше в 1920 г. В соответствии с мировоззрением либерализма, господствовавшим тогда на Западе, каждый народ имел право пользоваться ниспосланной свыше благодатью своим собственным способом, а вмешательство во внутренние дела других народов не укладывалось в их теорию и практику. Европейские государства были настолько заняты своими собственными делами, отчасти взаимными спорами, что у них просто не было возможности предпринимать какие-либо крупные зарубежные акции. Кроме того, как уже отмечалось ранее, в 1920-е годы считалось, что гигантский советский эксперимент потерпит провал и что Советская Россия раньше или позже рухнет или «обуржуазится». К тому же Советский Союз с 1922 года находился в договорных отношениях и сотрудничал с Германией, которая, в свою очередь, пыталась найти у него поддержку против западных держав, полагая, что с его помощью удастся внести изменения в Версальский мирный договор – надежда, оказавшаяся беспочвенной.

Таким образом, внимание Советского Союза в 1920-х и даже в первой половине 1930-х годов было приковано к своим внутренним делам. Как активный фактор внешней политики он еще переживал период бессилия. Хуже было другое – создавалось впечатление, что в зарубежном общественном сознании в отношении этой более чем десятилетней внешнеполитической слабости сложилось устойчивое представление, что это было нормальным состоянием Советской России и что в сфере международной жизни Советский Союз если и нужно было принимать во внимание, то лишь как источник коммунистической пропаганды.

Ситуация изменилась в 1930-е годы.

К середине 1930-х годов Советскому государству удалось создать достаточно развитую экономику, особенно тяжёлую промышленность и основанную на ней военную промышленность (пятилетки) и

привести в порядок армию. Это, в свою очередь, способствовало увеличению значения Советского Союза как международного политического фактора власти, причём это значение наиболее явно проявилось в тот момент, когда на стыке десятилетий и в последующие годы Европа и остальной мир находились в тисках тяжелого экономического кризиса. Советский Союз уже не был тем, чем он являлся в 1920-е годы. Уинстон Черчилль, который в своих военных книгах обрисовал Советскую Россию как «замороженную в условиях бесконечной зимы под гнётом недочеловеческих догм и сверхчеловеческой тирании», уже в 1932 г. считал Советскую Россию «одним из наиболее гигантских факторов в мировой экономике и в мировой дипломатии». Наконец, в 1933 г., Соединённые Штаты, с которыми Советский Союз долго стремился выстраивать отношения и с которыми он уже с 1920-х годов через отдельные американские компании находился в достаточно широких и полезных для себя связях, приняли решение о его правовом признании. Самосознание кремлёвских вождей и народа Советской России, ощущение силы великой державы и гордость за неё еще больше выросли. «В наше время со слабыми не принято считаться, – считаются только с сильными», – сказал Сталин на съезде партии в январе 1934 года.

Наряду с коммунистической идеологией стал всё больше проявляться русский патриотизм. Ленин изначально равнодушно относился к решению вопросов русской национальности. Он был международным марксистом. Но и он не был лишён чувства русского патриотизма, хоть его целью было исключительно социалистическое отечество. В 1918 году, после заключения Брест-Литовского мира, который он воспринял весьма болезненно, Ленин написал работы «О защите Отечества», «Об отечественной войне»¹⁹ и о том, что большевики решили – он использовал старое слово Русь: «чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной». «Мы оборонцы с 25 октября 1917 г. Мы за «защиту отечества», – писал он²⁰. «Любовь к советскому отечеству», «патриотизм», становились в 1930-е годы всё более

---

¹⁹ Автор называет работы Ленина неточно. Имеется в виду, написанный В.И. Лениным декрет «Социалистическое отечество в опасности», статья «Главная задача наших дней» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 357–358; т. 36. С. 78–82).

²⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 82.

привычными словами. Период слабости Советской России оставался позади.

По мере укрепления положения Советского Союза его направленные вовне цели и устремления, а также усиление позиций великой державы, старый «империализм», обретали место в политике Кремля. Как бы отнесся Ленин к великодержавным устремлениям Советского Союза и русскому империализму, после того как стало ясно, что из ожидаемого им союза советских государств ничего не выйдет, неизвестно. Пошёл бы он, да и вообще мог ли пойти, как руководитель великой державы России, тем же путём, что и Сталин? Ленин не был демократом. У него был характер подлинного диктатора, да ещё и циника. Октябрьскую революцию он осуществил меньшинством против большинства. Антимилитаризм и пацифизм были, по его мнению, болезнями, присущими малым государствам. Он не старался избегать кровопролития и беспардонного насилия. Узнав об отмене смертной казни для солдат, введенной в свое время правительством Керенского, это действительно произошло в период первоначального опьянения от успеха²¹, Ленин зло воскликнул: «Вздор [...] Как же можно совершить революцию без расстрелов? Неужели же вы думаете справиться со всеми врагами, обезоружив себя! [...] недопустимая слабость, пацифистская иллюзия. [...] Неужели вы действительно думаете, что мы придём к победе без жесточайшего террора?»²² Он требовал отмены выборов во Всероссийское учредительное собрание, опасаясь, что большевики останутся в меньшинстве. Когда ему заметили, что они, большевики, сами обвиняли Временное правительство в затягивании выборов, он ответил: «Вздор! Важны факты, а не слова»²³. После того, как было созвано Учредительное собрание он сказал: «Конечно, Учредительное собрание должно быть распущено»²⁴. С помощью силы он и разогнал Учредительное собрание, в котором у большевиков было всего 168 представителей из 703, поскольку оно не отвечало «воле трудящихся и эксплуатируемых классов». Было естественным, как он сказал, поставить интересы Октябрьской революции выше формальных прав

---

²¹ Смертная казнь как мера наказания была отменена Временным правительством 12 марта 1917 г.

²² См.: *Троцкий Л.Д.* Вокруг Октября. С. 26.

²³ Цит. по: *Троцкий Л.Д.* К истории русской революции. М., 1990. С. 206–209.

²⁴ Об отношении В.И. Ленина к Учредительному собранию см. «Тезисы об Учредительном собрании»: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 35. С. 162–166.

Учредительного собрания. Различие между большевиками и социал-демократами заключалось в том, что, по мнению последних, пролетарии должны были получить большинство на основе всеобщего избирательного права и уже на его основе взять государственную власть, что сделало бы возможным построение социализма. «А мы говорим на основании учения Маркса и опыта русской революции: пролетариат должен сначала свергнуть буржуазию и завоевать себе государственную власть, а потом эту государственную власть, то есть диктатуру пролетариата, использовать как орудие своего класса в целях приобретения сочувствия большинства трудящихся»²⁵. Следовательно, если люди по-хорошему не хотят стать счастливыми, то их надо к этому принудить. Стал бы Ленин со временем придерживаться в международных делах иного, либерального, принципа – а именно права народов на самоопределение, чтобы каждый мог пользоваться ниспосланной свыше благодатью своим собственным способом – пусть останется без ответа. По мнению Ленина, большевистская партия могла быть маленькой, если она является энергичным «авангардом пролетариата»*.

Создаётся впечатление, что великие державы следуют своим законам развития. Империализм присущ не только Советскому Союзу. Все великие державы являются, или, по крайней мере, до сегодняшнего дня были, империалистическими. Похоже, это часть их сущности. Империализм – это страстное желание народов и власть предрержащих к обладанию ещё большей долей мирового господства – таково его определение. Считается, что это проявление неудовлетворённости и постоянного стремления человеческого сердца, что он олицетворяет новую страсть больших народов после того, как прежняя, национальная идея, по большей части нашла своё воплощение. Поэтому нет особой причины удивляться советскому империализму.

В начале 1930-х годов в Европе появился новый фактор, который, возможно, заставил Советский Союз отказаться от своей

---

²⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.40. С. 12.

* Изложенное выше на тезисах Ленина об Учредительном собрании, написанных в декабре 1917 г., а также на его статье по той же теме, опубликованной в декабре 1919 г. и русскоязычном сборнике «Воспоминания о Ленине», который был опубликован в нескольких брошюрах вскоре после смерти Ленина.

предшествующей самоизоляции и окунуться с головой в бурную внешнеполитическую деятельность, пожалуй, даже чуть раньше, чем его руки были свободны от внутреннего коммунистического строительства. Этим фактором был подъём национал-социализма в Германии и его окончательный приход к власти в 1933 г. Кремль заметил, что он нёс с собой угрозу Советскому Союзу. В европейской политике начался новый этап. Гитлер хотел обрести для Германии превосходство в Европе и «жизненное пространство» на Востоке. Нельзя отрицать, что Москва в своих оценках была, очевидно, точнее и дальновиднее Лондона и Парижа. В январе 1934 года Сталин отметил, что в Германии взяла верх «новая политика, напоминавшая опасный для России курс, проявившийся еще в годы Первой мировой войны, и отличавшийся от прежней политики, зафиксированной в договорах между Советским Союзом и Германией»²⁶. Западные державы, Англия и Франция, подстраивались под эти устремления Германии для исправления тех положений Версальского мира, которые в наибольшей мере ущемляли интересы Германии (возвращение Саарской области и снятие обременений с Рейнских земель, воссоздание немецкой армии, а также присоединение Австрии к Германии). В завершение в 1938 г. они, подписав Мюнхенское соглашение, согласились на раздел Чехословакии, на присоединение к Германии областей, населённых судетскими немцами, что означало попрание территориальной целостности и независимости Чехословакии. Западные державы подписали с Германией Мюнхенское соглашение, чтобы таким образом спасти мир для Европы. На деле результат этого рокового соглашения оказался обратным.

Кремль уже раньше, сразу после прихода национал-социалистов к власти, сделал свои выводы. Им было легче определить свою позицию, поскольку Гитлер в книге «Майн кампф», не скрываясь, указал в качестве своей цели завоевание для Германии новых

---

²⁶ Изложение темы Отчетного доклада И.С. Сталина XVII съезду ВКП(б). Ср. со стенограммой: «Дело в изменении политики Германии. Дело в том, что еще перед приходом к власти нынешних германских политиков, особенно же после их прихода – в Германии началась борьба между двумя политическими линиями, между политикой старой, получившей отражение в известных договорах СССР с Германией, и политикой "новой", напоминающей в основном политику бывшего германского кайзера, который оккупировал одно время Украину и предпринял поход против Ленинграда, превратив прибалтийские страны в плацдарм для такого похода, причем "новая" политика явным образом берет верх над старой». http://www.hrono.info/dokum/1934vkpb17/1_2_1.php.

территорий на Востоке, где находилась Советская Россия. В книге выдвигалась сомнительная для Советского Союза мысль, что Германия не может позволить существования наравне с собой другой континентальной державы. Создается впечатление, что с этого момента укрепление безопасности государства для предотвращения угрозы со стороны энергично вооружавшейся Германии вышло на первое место в политике Кремля. «Дело явным образом идет к новой войне», – сказал Сталин в 1934 г. на съезде коммунистической партии, многократно возвращаясь потом к этой мысли²⁷.

Вначале Советский Союз стремился отражать эту угрозу вместе с другими государствами. Став в 1934 г. членом Лиги Наций, Советский Союз под лозунгом «коллективной безопасности» стал энергично собирать страны-члены Лиги Наций в единый фронт против Германии. На следующий год он подписал договоры о взаимной помощи с Францией и Чехословакией. Однако Мюнхенский договор 1938 г., которым Чехословакия была отдана на растерзание и для участия в котором не был приглашён Советский Союз, похоже, убедил Кремль в бесплодности действий Лиги Наций и вызвал серьёзную озабоченность советского правительства. Кремль посчитал, что попал в изоляцию, оказавшись один на один с Германией. Неизвестно, есть ли основания верить слухам о том, что на этих переговорах в той или иной форме шла речь о получении Германией карт-бланша на завоевания за счет территорий Советского Союза и что Германия использовала эти уступки представителей западных держав на переговорах в Москве в 1939 г. Это достаточно хорошо укладывается в практику современного политического поведения. В любом случае в Кремле существовало серьёзное недоверие на этот счёт. «Никто уже не верит в елейные речи о том, что мюнхенские уступки агрессорам и мюнхенское соглашение положили будто бы начало новой эре "умиротворения", – сказал Сталин в выступлении на съезде ВКП (б) 10 марта 1939 года²⁸. В той же самой речи, где не пощадили и «фашистов», в адрес западных держав высказано глубокое недоверие, что они сознательно хотели сделать Советский Союз объектом агрессии со стороны Германии. Касательно завоеваний «государств-агрессоров», то есть Японии, Италии и Германии – Японии в Китае, Италии в Абиссинии, а также Германии в Австрии и Судетской

---

²⁷ Автор имеет в виду Отчетный доклад И.С. Сталина XVII съезду ВКП(б).

²⁸ Из отчетного доклада XVIII съезду ВКП(б).

области, Сталин сказал, что главная причина такого развития «состоит в отказе большинства неагрессивных стран, и прежде всего Англии и Франции, от политики коллективного отпора агрессорам, в переходе их на позицию невмешательства, на позицию «нейтралитета»... «пусть каждая страна защищается от агрессоров, как хочет и как может, наше дело – сторона, мы будем торговать и с агрессорами и с их жертвами». «В политике невмешательства сквозит стремление, желание не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, выступить на сцену со свежими силами – выступить, конечно, "в интересах мира" и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия».

«Или, например, взять Германию», – продолжил Сталин, «уступили ей Австрию, [...] уступили Судетскую область, бросили на произвол судьбы Чехословакию, нарушив все и всякие обязательства, а потом стали крикливо лгать в печати о "слабости русской армии", о "разложении русской авиации", о "беспорядках" в Советском Союзе, толкая немцев дальше на восток, обещая им легкую добычу и приговаривая: вы только начните войну с большевиками, а дальше все пойдет хорошо. Нужно признать, что это тоже очень похоже на подталкивание, на поощрение агрессора». Далее Сталин отметил, как англо-французские и американские газеты наперебой кричали, что, де, немцы скоро захватят Советскую Украину. «Похоже на то, что этот подозрительный шум имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований».

Далее Сталин заметил, как некоторые политики и деятели прессы Европы и США пишут и говорят, что «немцы жестоко их "разочаровали", так как вместо того, чтобы двинуться дальше на восток, против Советского Союза, они, видите ли, повернули на запад и требуют себе колоний. Можно подумать, – сказал Сталин, – что немцам отдали районы Чехословакии как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом, а немцы отказываются теперь платить по векселю».

«Необходимо, однако, заметить, что большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства; может окончиться для них серьезным провалом», – заключил Сталин.

Всё это сказано понятным языком – более понятным, чем тот, которым обычно пользуются руководители великих держав. Эти слова были произнесены 10 марта 1939 года, то есть, еще до начала переговоров с западными державами. Относительно текущей политической ситуации в Европе у Сталина были чёткая позиция и понимание, более чёткие, чем у западных лидеров.

Весной и летом 1939 года произошла радикальная «ломка союзов». Это было шараханье из одной стороны в другую, внезапная дружба вчерашних врагов, когда каждое слово застревало в глотке немецких и советских газетчиков, которым приходилось каждый день полностью менять тональность сообщений – всё это было бы интересно и даже забавно, если бы не было по своим последствиям столь губительно для всего человечества. Кто в этой неразберихе в конце концов оказался умным, а кто нет, кто выиграл, а кто проиграл – покажет только будущее.

Весной 1939 года стало ясно, что Германия не удовлетворится Мюнхенским соглашением. Её устремления шли много дальше. Германия захватила всю Чехословакию. Западные державы заметили, что соотношение сил настолько изменилось, а баланс нарушен столь сильно, что они не могли этого перенести, не прибегая к военным действиям. В политике великих держав, какой она была в реальности, исстари считалось, что изменение соотношения сил затрагивает практически все крупные государства. Западные державы отправились за поддержкой к Советской России, которую они всего за год до этого высокомерно не пригласили в Мюнхен. Положение изменилось таким образом, что сейчас уже Советский Союз стал решающим фактором европейской политики. Каждая группа стран пыталась перетянуть его на свою сторону. Положение западных держав было незавидным. В 1939 г. их представители в течение нескольких месяцев безрезультатно прорабатывали в Москве возможность заключения договора. Неудача переговоров, возможно, объяснялась тем, что западные державы не согласились на требования Советского Союза, в числе которых было, например, то, что

прилегающие к Советскому Союзу государства, включая Финляндию, получили бы положение некоего предполья и передовых укреплений, относящихся к зонам военных действий договаривающихся держав. Одновременно с ходом этих переговоров советское правительство, предположительно, вступило в переговоры и с Германией.

В течение многих лет в мире звучали заверения, каким непримиримым врагом большевизма был национал-социализм. От обоих заклятых врагов в адрес друг друга неслись угрозы и оскорбления. И вдруг появилось сообщение, что 23 августа 1939 года в Москве Риббентроп и Молотов подписали договор о ненападении и дружбе²⁹. Он означал полный перелом во всей системе межгосударственных отношений.

Гитлер, оперевшись спиной на Москву, хотел избежать войны на два фронта и получить свободные руки для военных действий на Западе, после того, как сначала вместе со Сталиным он снял с повестки дня одно более мелкое дело – уничтожение и раздел Польши. Заметив, что женеvские договорённости о международной безопасности – это просто пустые слова без реального наполнения, Сталин, в свою очередь, посчитал, что Советская Россия может полагаться только на саму себя. Недоверие Кремля в отношении западных держав после подписания Мюнхенского соглашения только укрепилось. Литвинов, поборник идеи коллективной безопасности, чья политика потерпела фиаско, в мае 1939 года был освобожден с поста народного комиссара по иностранным делам. На его место пришёл Молотов, в задачи которого входило приведение внешней политики Советского Союза в соответствие с реальностями времени. Советский Союз боялся национал-социалистическую Германию. Он чувствовал себя одиноким, оставленным на милость Германии. Нужно было прорвать блокаду, в которой, по мнению Советского Союза, оказалась страна. Советский Союз рассчитывал решить эти проблемы августовским договором 1939 года. Подписание договора могло принести с собой и многое другое. Согласно германской теории, которую Советский Союз, как можно предположить, с удовольствием воспринял, всей Восточной Европе была уготована участь исключительного пастбища этих двух друзей. Другие великие

---

²⁹ 23 августа 1939 г. был заключен «Советско-германский договор о ненападении», а 28 сентября 1939 г. был заключен «Советско-германский договор о дружбе и границе». Автор объединяет названия двух договоров.

державы объявлялись на этой территории «чуждыми силами» – «raumfremde Mächte» – которые не имели там права голоса. Раздел добычи и грабёж жертв – в данном случае использовался термин «восстановление порядка» – принадлежали в этой части Европы именно упомянутым компаньонам. Почти половина Польши, страны Балтии, часть Финляндии и две области Румынии – Бессарабия и Северная Буковина составляли советскую часть добычи, как позже и подтвердилось.

Еще больше дал договор 1939 года. С его помощью Советскую Россию окончательно затянули на пути новой политики. Его авторитет, выросший за последние годы, значительно укрепился. Старый имперско-русский империализм проснулся от спячки. Okрепло ощущение силы, собственной значимости, стремления показать себя с лучшей стороны и величия. Советскому Союзу открылись ворота в Европу. Он смог, как действующий игрок, вступить в свои права великой державы при решении европейских дел. «Московский договор от 23 августа 1939 года перевернул всё до основания, он принес в жертву идею самой Европы и повлѣк за собой войну», – пишет бывший министр иностранных дел Румынии и посол в Москве Г. Гафенку, внимательный наблюдатель, имевший возможность непосредственно следить за развитием событий (*Préliminaires de la Guerre a l'Est*. P. 313)³⁰. Он обращает внимание и на то, в какой мере идентичность систем и мировоззрения способствовало облегчению сотрудничества этих стран: одинаково авторитарный, свободный от контроля режим; одинаковое влечение к простым, смело прочерченным географическим линиям; одинаковый культ силы и насилия; одинаковый экономический романтизм; одинаковое желание взломать устройство мира и «удивить богов»; одинаковое презрение к малым государствам и желание их поглотить; одинаковое учение, в соответствии с которым государство, не имеющее достаточно ресурсов защищать себя, должно исчезнуть, поскольку оно только мешает игре больших. В этих наблюдениях Гафенку много истинного. Советская Россия присвоила себе старые традиции и устремления царской России. Гафенку вспоминает рассказ немецкого посла графа фон Шуленбурга, который говорил ему, как Молотов, когда речь зашла о делах на Балканах и Дунае,

---

³⁰ *Gregoire Gafenco. Préliminaires de la Guerre à L'Est. Fribourg, 1944. (Прелюдия к войне на Востоке).*

произнёс, что для Советской России вопрос означал устранение того униженного положения, которое было навязано России в результате неудачной для неё Крымской войны (Ibid. P. 82).

Преследовали ли стороны договора в августе 1939 года какие-то другие далеко идущие, но скрытые цели, об этом трудно сказать по причине отсутствия документов. Отказался ли Гитлер от запланированного ранее захвата территорий в России и был ли он готов к мирному сотрудничеству со своим восточным соседом в этом их общем «жизненном пространстве»? Выступая 26 ноября 1941 года, Риббентроп сказал, что Гитлер, «основываясь на некоторых явлениях в России и полученной оттуда информации, надеялся, что Советский Союз постепенно станет миролюбивым партнёром Германии и других стран, граничивших с Россией». Или же и в этом случае Гитлер намеревался разбить своих противников по одному, повернувшись на Восток только после того, как будут решены дела на Западе. Это вполне возможно. Были ли у Сталина какие-то задние мысли и в чём они заключались? Высказывались предположения, что Кремль ставил целью развязывание войны между Германией и западными державами, чтобы окрепший Советский Союз, не будучи вовлечённым в войну, мог занять ключевое положение среди великих держав, ослабших в результате войны – иными словами, тот же самый расчёт, на который, по мнению Москвы, полагались западные державы в отношении Советского Союза и Германии. Такой план хорошо укладывался в политику великих держав. В нём, однако, всегда содержалась опасность того, что нельзя было наперёд знать, как повернётся ход войны и получится ли остаться в стороне. Именно война, начавшаяся в 1939 г., являет собой классический пример трудности таких планов – если Сталин и считал так, то он ошибался. Готов предположить, что в планах Советского Союза в августе 1939 на первом месте стояли оборонительные аспекты. Скорее всего, Сталин пытался сохранить мир, чтобы укрепить границы государства и, помимо этого, в соответствии с августовским договором, отодвинуть западные границы, повысив тем самым безопасность государства на случай агрессии.

В марте 1944 года, во время наших переговоров в Москве о возможностях заключения мира, где мы были вместе с министром Энкелем, Молотов акцентировал, что в 1939 г. Советский Союз имел в виду оборонительные аспекты. После того, как он несколько раз

подчеркнул, что осенью 1939 года Финляндия не согласилась на предложения Советского Союза по переносу границы, я заметил, что тогда отношения между Советским Союзом и Германией были хорошими и Советскому Союзу, следовательно, не нужно было опасаться никакого нападения. Молотов ответил: «Да, это правда. Но нам надо действовать с дальним прицелом. Мы всегда знали, какова сущность гитлеровской Германии». В ходе наших переговоров Молотов еще дважды возвращался к этой теме. Он сказал, что они, опасаясь будущих боевых действий, внесли свои предложения по переносу границы на Карельском перешейке. «Мы знали уже тогда (1939)», – сказал он, «что грядёт большая война. [...] Вы и сами можете заметить, что в 1939 г. мы были правы». Конечно, у этих слов Молотова, произнесённых спустя почти пять лет, не было безоговорочной доказательной силы в отношении того, что думали в Кремле в августе 1939.

Возможно, что Московский договор от 23 августа 1939 года и предшествовавшее ему Мюнхенское соглашение останутся на скрижалях истории как роковые и злополучные государственные акты. Вначале не было известно, что включал в себя августовский договор, которым, как потом стало ясно, группу малых народов и стран, в их числе и Финляндию, грубо оставили на милость великих держав. Хотя можно было подозревать, что договор содержит и тайные статьи, о них тогда ещё не было точных сведений. Но когда в сентябре Германия и Советский Союз напали на Польшу и разделили её между собой, и когда Кремль начал активные действия против стран Балтии и Финляндии, а также летом 1940 года и против Румынии, стало очевидным, что договор Риббентропа–Молотова заложил основу для такого развития событий.

Положение Советского Союза осенью 1939 год было исключительно выгодным. Все искали его расположения. Позади осталось время слабости России, когда, пользуясь ею, от неё отошли западные территории. Сталин поднял Россию на ноги. Москва стала практически центром политической жизни Европы. Туда пришлось поехать представителям Англии и Франции. Туда полетел министр иностранных дел Германского рейха – не говоря уже о нас, малых странах. Советская Россия была мощным фактором международной

политики. Именно с такой великой державой и в таких условиях Финляндии пришлось вести переговоры по жизненно важным вопросам.

Деятельность государств, особенно великих держав, определяет ужасающий и слишком часто имеющий кроваво-красный оттенок «государственный интерес», «Staatsräson», «Raison d'Etat». То, что руководители государства в тот или иной момент *считают* интересом своего государства, является высшим законом. Государственный интерес достаточен, чтобы оправдать нападение Советского Союза на Финляндию в 1939 г., обращение со странами Балтии в 1939–1940 гг., нападение Германии на Бельгию в 1914 и 1940, на Голландию, Данию и Норвегию в 1940, аншлюс Германией Чехословакии в 1939, нападение Италии на Абиссинию в 1935, Албанию в 1939 и Грецию 1941, агрессию Германии и Советского Союза против Польши и четвёртый раздел этой страны в 1939. Он покрывает собой любое насилие. Он ставит руководителей государств вне сферы добра и зла. – «Right or wrong, my country»³¹, «Закон джунглей» – вот его лозунги. Более слабые государства, которых великие державы в своих расчётах при необходимости держат в качестве инструментов, или безжалостно грабят и затаптывают тех, кому довелось оказаться у них на пути. Таков ход истории. В летописях хладнокровно оставляют следующую запись: «wie es gewesen und wie es geworden ist»³². И пусть будут уничтожены целые народы, сухо констатируют, что мир под воздействием какой-то непонятной, тайной, мистической силы сделал шаг вперёд, или что события пошли именно в том направлении, как они и должны были идти.

В таких условиях, при господстве современных понятий, пустая затея говорить о моральных и этических принципах, и более высоких, с гуманитарной точки зрения, целях в международных отношениях. Бесплезно принимать их во внимание при выяснении отношений слабых с великими державами. Это вскоре смогла ощутить на себе Финляндия. Право малых на самостоятельное существование не признаётся сильными, хотя по численности населения малые и средние государства Европы в общей сложности не уступают крупным, и их вклад в человеческую цивилизацию столь же весом, что

---

³¹ Права она или нет, но это моя страна (англ.).

³² Как было и как стало (нем.).

и больших. Столь удручающим, не только с точки зрения низости человеческой морали, как хочется сказать, но и вследствие слабости политического разума – снова, по моим оценкам, – равно как и по причине ветхозаветности государственного мышления, остаётся положение человечества ещё и в XX столетии. Может ли когда-либо ситуация измениться в лучшую сторону, по этому вопросу существуют различные мнения.

Из моего дневника за 5.05.1939: «Сегодня жизнь малых государств зиждется на взаимной зависти больших, их ривалитете, то есть, соперничестве. Сейчас оно весьма активно. Германия предлагает северным и некоторым другим малым государствам подписать договор о ненападении. Россия предлагает, чтобы Англия, Франция и она сама выступили гарантами государственной независимости всех государств, граничащих на западе с Россией, от Финляндии до Румынии. Англия и Франция гарантируют самостоятельность Голландии и Бельгии».

«С обеих сторон усиленно навязываются гарантии малым.

«А если великие державы договорятся и поделят малые государства между собой, как это уже было сделано с Польшей в 18-м веке? Заключат новые мюнхенские соглашения».

«Когда наступит время, при котором независимость и самостоятельное существование малых государств будут основываться на чём-то ином, а не на соперничестве великих держав? Такая попытка, правда, пока неудачная, была сделана с помощью Лиги Наций. Соперничество великих держав – зыбкая основа для этого».

Осенью 1939 года Финляндия не имела такого сомнительного союзника и гаранта³³ для более слабых и меньших по численности населения государств: обращенных к нам конкуренции и зависти со стороны больших. На основе договора от 23 августа 1939 года Германия и Советский Союз, следуя печальному примеру царской России и старой Пруссии, Екатерины II и Фридриха II, поделили между собой соседние государства, что на этот раз сняло напряженность конкуренции между ними на данном направлении. То, что Советская Россия имела полную свободу действий в своей зоне, не вызвало ни малейших сомнений. Положение Финляндии на

---

³³ Имеется в виду Лига наций.

переговорах осени 1939 года было крайне невыгодным, практически безнадёжным.

IV

Первые переговоры в Москве

Мы прибыли в Москву утром 11 октября. На вокзале нас встречали заведующий протокольным отделом Народного комиссариата иностранных дел Барков и наш посол Ирье-Коскинен вместе с сотрудниками посольства, а также шведский посланник Винтер работниками шведского посольства.

Весь день я провёл в переговорах с Ирье-Коскиненом, которого знал много лет. Я был дружен с его покойным отцом – сенатором и генеральным директором школьного управления. В отношении предстоящих переговоров мы были едины в том, что надо было попытаться избежать противоречий и заключить договор, поскольку речь могла идти о будущем Финляндии.

Ирье-Коскинен позвонил в комиссариат иностранных дел, чтобы узнать, когда я мог бы нанести визит вежливости наркому Молотову. Молотов сообщил, что примет меня вечером того же дня, однако немногим позже сообщили, что «поскольку Молотов считал, что я устал с дороги», то он просил меня прибыть на следующий день. Дело в том, что в этот день был подписан договор между Советской Россией и Литвой, и Молотов устраивал обед для литовской делегации.

В четверг 12 октября в 17 часов состоялись как ознакомительный визит, так и первое заседание в Кремле, где у Молотова, как председателя Совета Народных Комиссаров, был свой рабочий кабинет. Я впервые шёл в Кремль дорогой, которая потом станет мне знакомой. Уже сама церемония, особенно в первый раз, была интересной. Меня сопровождали, как и всегда потом, когда я передвигался по Москве, два сотрудника службы безопасности. Они никаких проблем не создавали. Это были молодые, дружелюбные

люди. Они помогали мне и позже моей жене при посещении театров, музеев и т.п., давая полезные советы в незнакомом городе.

Когда мы подъехали к Кремлю, моя машина первой въехала в ворота. Затем следовали охранники на своей машине. У ворот Кремля нас ждал офицер, осведомлённый о моём прибытии. Удостоверившись в моей личности, он [на своей машине] поехал первым, так что выстроился караван из трёх машин. Территория Кремля весьма обширна. Он напоминает собой маленький город. У лестницы нас встречал комендант Кремля, который представился по-военному. Поднявшись на лифте на второй этаж и пройдя длинный коридор, мы вошли в комнату ожидания. Спустя мгновение нас провели в большой рабочий кабинет Молотова. В другом конце кабинета находился его письменный стол, рядом с которым была дверь в соседнюю комнату, откуда к нам вышел Сталин. У стены стоял длинный стол для переговоров.

Со стороны Советского Союза на заседании присутствовали сам Сталин и Молотов, а также заместитель наркома Потёмкин и советский посол в Хельсинки Деревянский. С нашей стороны, помимо меня, были министр³⁴ Ирье-Коскинен, военный эксперт полковник Паасонен, а также начальник сектора МИД Ньюкопп в качестве нашего секретаря.

Я впервые увидел как Сталина, так и Молотова. Естественно, что знакомство со Сталиным, властелином 170-миллионной державы, о котором было так много сказано в мировой прессе и литературе, вызывало у меня интерес. Момент после подписания соглашений с балтийскими странами и перед началом собственных переговоров был не слишком удобен для объективного и неторопливого анализа личности Сталина.

О Сталине написано много. Оценки, как и следовало ожидать, весьма различны. Его официальные советские биографии, а также газеты и другие издания заполнены непомерным восхвалением. В речах и статьях его называют «Великим Сталиным», «великим вождём народов» и т.п. С другой стороны, противники Сталина использовали в отношении его самые жесткие слова, какие можно было найти в своём лексиконе.

---

³⁴ В данном случае министр – дипломатический ранг.

Во время переговоров осени 1939 года Сталин присутствовал на семи заседаниях из восьми. Когда я работал послом в Москве, то был у него всего однажды. Поэтому я не пытаюсь дать ему сколько-нибудь глубокую оценку. Сталин одевался в застёгнутый до последней пуговицы серый полувоенный френч, хорошо известный по многим фотографиям, на ногах у него были высокие сапоги и в руке – трубка. Он был коренаст, с густой шевелюрой и такими же густыми усами. Он сидел в торце стола, по левую руку сидели Молотов и другие члены советской делегации, с другой, по правую руку, – я и остальные финны. Сталин с энтузиазмом участвовал в переговорах, временами вставал из-за стола и ходил взад-вперёд, продолжая внимательно следить за ходом разговора, потом вновь садился на своё место. Он производил впечатление сильного, рассудительного и деловитого человека. Говорил коротко и чётко, понимал юмор, что, впрочем, видно из его опубликованных речей и статей. На меня он не произвёл неприятного впечатления.

Молотова, у которого мне позже пришлось бывать не раз, его враги в своё время прозвали «усердной посредственностью». Внешне он и правда не производит особого впечатления – из-за близорукости был вынужден носить пенсне, но не надо было долго говорить с ним, чтобы понять полнейшую беспочвенность такого утверждения. Он был нещадно трудолюбив; прост в обращении; конкретен и краток в своих выступлениях; ему были чужды броские фразы. Он был истинным русским патриотом, в сердце которого – под толстым слоем марксистских предрассудков – живёт огромная любовь к своему отечеству и который ставит превыше всего интересы русского народа и российского государства – так говорит о нём один русский эмигрант, служивший в самом центре советской административной системы и порвавший с коммунистами. Итак, типичный и талантливый представитель российской державы. В личном общении со мной он всегда был вежливым и дружелюбным, но трудным и жестким переговорщиком. *Un negociateur terrible*³⁵, – сказал о нём один иностранный дипломат.

В тот же день, когда у меня состоялись первые переговоры в Кремле, посол Соединенных Штатов Северной Америки Штейнгардт был у Молотова и передал ему личное обращение президента

---

³⁵ Ужасный переговорщик (*фр.*).

Рузвельта, которое было адресовано Председателю Президиума Верховного Совета СССР Калинину. В нём Рузвельт высказывал «своё глубокое пожелание, чтобы Советский Союз не предъявлял Финляндии никакие требования, которые находились бы в противоречии с сохранением и развитием дружеских и миролюбивых отношений между двумя странами, а также с их самостоятельностью». Возможно, что именно из-за этой меры, предпринятой Рузвельтом, Штейнгардт был настроен оптимистически: «С финским вопросом всё будет в порядке», сказал он. Молотов ответил Штейнгардту, что требования Советской России весьма умеренны. «Мы, несомненно, придём к результату, если правительство Финляндии займёт разумную позицию». Так я и записал в своём дневнике.

Дипломатическую поддержку нам оказывали правительства Швеции, Норвегии и Дании. Молотов, правда, в тот день не принял послов Северных стран, но они направили ему ноты одинакового содержания. В них говорилось, что все Северные страны с озабоченностью следят за переговорами, начавшимися между Советским Союзом и Финляндией, а также высказывались надежда и озабоченность в отношении того, чтобы эти переговоры не ставили своей целью создание препятствий, которые помешали бы Финляндии, как полностью независимой стране, придерживаться своего курса нейтралитета, проводимого ею во взаимодействии с другими Северными странами. В конце текста выражалось искреннее пожелание того, что переговоры смогут укрепить дружеские связи между Советским Союзом и Финляндией. Принимая во внимание дипломатический язык, цель этих нот, равно как и обращения президента Рузвельта, была достаточно ясна.

Таким образом, мы заручились дипломатической поддержкой. В то время я и сам был склонен переоценивать значение такой поддержки. Я пометил в своём дневнике: «Сотрудничество Северных стран, похоже, играет на нас. Мы не одиноки, как государства Балтии. Россия заметит, что дела Финляндии интересуют и других». Последующий ход событий, однако, показал, что руководители Кремля не придали особого значения ни обращению посла Соединённых Штатов, ни предложениям правительств малых Северных стран. Они понимали, что дипломатические акции не подкреплены военной силой.

Калинин направил на обращение президента Рузвельта следующий ответ: «Считаю уместным напомнить Вам, господин президент, что государственная независимость Финляндской республики была признана свободным волеизъявлением Советского Правительства 31 декабря 1917 года, и что суверенитет Финляндии обеспечен за нею мирным договором между РСФСР и Финляндией от 14 октября 1920 года. Указанными актами Советского Правительства определены были основные принципы взаимоотношений между Советским Союзом и Финляндией. В соответствии с этими принципами ведутся и нынешние переговоры между Советским Правительством и Правительством Финляндии. Вопреки тенденциозным версиям, распространяемым кругами, очевидно, не заинтересованными в европейском мире, единственной целью указанных переговоров является упрочение взаимоотношений между Советским Союзом и Финляндией и укрепление Дружественного сотрудничества обеих стран в деле обеспечения безопасности Советского Союза и Финляндии»³⁶.

Молотов, рассказывая в своём выступлении на сессии Верховного Совета СССР об этих действиях Рузвельта, добавил в весьма невежливом тоне: «Можно подумать, что у Соединенных Штатов Америки лучше обстоят дела, скажем, с Филиппинами или с Кубой, которые давно требуют от США свободы и независимости и не могут их получить, чем у Советского Союза с Финляндией, которая давно уже получила от Советского Союза и свободу и государственную независимость»³⁷.

Пришло время рассмотреть ход первых переговоров.

Разговор как на них, так и позже, шёл «свободно». Диалог проходил без особых формальностей. Нередко вместе изучали карты, разложенные на столе, что подчас вызывало бурный обмен мнениями*.

Наше положение на переговорах было трудным. Противоположная сторона была мощной в военном отношении

---

³⁶ Ответное письмо М.И. Калинина зачитал в своем Докладе о внешней политике Правительства на Внеочередной пятой сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г. В.М. Молотов. См.: <http://doc20vek.ru/node/1397>

³⁷ Там же.

* В ходе первой поездки запись переговоров вёл заведующий сектором МИД Ньюкопш. На них, помимо моих собственных заметок, основывается мой рассказ.

великой державой, против которой наши вооружённые силы могли не выдержать. Советский Союз находился в хороших отношениях с Германией, которая признала, что Финляндия относится к сфере интересов Советского Союза, что стало ясно чуть позже и о чём уже говорилось. Мы не могли ожидать военной помощи ни от кого, о чем Советский Союз хорошо знал. У нас были лишь чёткие договоры и законное право, но поскольку противоположная сторона нас не признавала и за нами не было достаточной силы, наше положение было тревожно слабым. К тому же, мы не знали точно, в чём заключались предложения русских. Я не имел полномочий предлагать что-либо конкретное, исключая дискуссии о трёх малых островах в Финском заливе. Поэтому на первой встрече я ограничился главным образом выслушиванием требований Советской России и общими высказываниями.

В начале переговоров Молотов сказал, что их объектом будут как политические, так и экономические вопросы. Последние предполагали решение политических проблем в соответствии с изменившейся международной ситуацией. Отношения Советского Союза и Финляндии за прошедшие 20 лет были достаточно хорошими, однако, когда их устанавливали, в Европе царил мир. Сейчас же шла большая война. Такая ситуация могла нести с собой опасные сюрпризы, которые затрагивали безопасность и Советского Союза, и Финляндии. Советский Союз чувствовал опасность для себя, поэтому и искал быстрого решения вопроса. Договорами с Эстонией, Латвией и Литвой Советский Союз решил вопрос безопасности с учетом интересов каждой из сторон. Эти договоры не затрагивали внутренние дела этих стран, как, например, социальные и экономические условия в них, равно как и не распространялись на сферу внешней политики. Таким образом, благодаря договорам независимость балтийских государств только окрепла. Сейчас на повестке дня стояло заключение аналогичного договора о взаимной помощи с Финляндией. «Как финское правительство отнеслось к этому предложению?» – спросил Молотов. – «В какой форме такой договор мог бы заинтересовать Финляндию?»

Сначала я ответил, что Финляндия хотела бы поговорить о торговом соглашении. Тогда с советской стороны были поставлены некоторые политические вопросы. Предлагалось подписать такой же договор, какой Советский Союз заключил с балтийскими

государствами. Нашей политикой был нейтралитет. Мы входили в ту же группу, что Швеция, Норвегия и Дания. Идентично с ними мы придерживались линии безоговорочного нейтралитета и хотели оставаться вне всяческих конфликтов между великими державами. Договор о взаимопомощи, заключённый с великой державой, не вписывался в наш нейтралитет, поскольку таким образом мы могли быть втянуты в противоречия между великими державами. Поддержание максимально хороших отношений с Советским Союзом составляло одну из важнейших целей нашей политики. Мы понимали устремления Советского Союза по обеспечению безопасности, которые, однако, можно было гарантировать и иным способом, чем тот, что был предложен советской стороной.

Затем разговор зашёл о договоре между Балтийскими странами и Советским Союзом, после чего Молотов спросил, что я имел в виду, упомянув, что устремления Советского Союза можно было обеспечить иначе. Советский Союз также хотел оставаться вне военных конфликтов, и «слава Богу, что до настоящего времени нам это удавалось. Никто, однако, не знает, что может произойти». В этой связи я получил повод заявить о том, что мы готовы обороняться, если на нас нападут. Молотов: «Естественно, что каждое государство готово защищать себя».

Когда разговор пошёл в сторону общих рассуждений, Сталин прервал его вопросом: «Является ли позицией правительства Финляндии то, что договор о взаимопомощи не согласуется с нейтралитетом Финляндии?» Когда я ответил «Да», Сталин оставил вопрос о договоре и перешел «на другой курс». Показывая на карте, он сказал: «В 1919 году Юденич напал на Ленинград через южное побережье Финского залива. В том же году английский флот, используя в качестве базы остров Койвисто³⁸, совершил нападение на Кронштадт, при этом было потоплено два русских крейсера. Мы хотим сделать так, чтобы подобные сюрпризы в будущем были невозможны. Что Вы думаете об ограниченном локальном договоре о взаимопомощи для обороны Финского залива? Речь идёт о защите фарватера в Финском заливе и базе, подобной Гибралтару».

---

³⁸ Имеется в виду о. Большой Берёзовый – крупнейший в составе Бьёркского архипелага, ныне Берёзовых островов. Нападение английского флота на Кронштадт было совершено 18 августа 1919 г.

Я ответил, что мы понимаем важность обороны Ленинграда и могли бы обсудить средства для достижения этой цели, но о неприкосновенности континентальной части Финляндии мы не могли говорить. Сначала я недостаточно точно понимал, какой договор имели в виду Сталин и Молотов, но по ходу разговора стало ясно, что он предполагал передачу Советскому Союзу базы в северной части Финского залива, а также обязательство каждой из сторон, Финляндии и Советского Союза, в случае войны совместно оборонять Финский залив. В этой связи я заметил, что оставление Финского залива вне зоны боевых действий отвечает интересам и Финляндии, в связи с чем по нашему предложению в Тартуский мирный договор был внесён пункт о нейтрализации Балтийского моря, а, следовательно, и Финского залива, но пойти на договор, который включал бы в себя передачу иностранному государству базы, находящейся на территории Финляндии, мы не могли. Молотов ответил, что нейтрализации недостаточно. Аландские острова были нейтрализованы, но Финляндия считала это недостаточной гарантией, стремясь вместе с Швецией построить на островах укрепления. Это тоже был локальный договор. Оборона Аландских островов была сравнима с предложенным ими договором о совместной обороне Финского залива. Аландский вопрос не раз становился темой обсуждения. Изучалась и нота по Аландским островам, переданная Советскому Союзу финским правительством.

Чтобы перевести дискуссию, начавшую приобретать излишне широкие рамки, в сторону конкретных вопросов, я заявил, что со стороны Советской России были уже в Тарту в 1920 г., а также и в более поздний период, сделаны предложения по укреплению безопасности Ленинграда, которые касались островов в восточной части Финского залива и которые мы готовы были бы обсудить, но мы не можем отказываться от неприкосновенности континентальной части Финляндии. Заметив, что мы выступали против «локального соглашения», Сталин и Молотов на этот раз оставили этот вопрос в покое и перешли к «третьей линии». Молотов: «Нас интересует вопрос о том, как можно было бы эффективно обеспечить безопасность Финского залива. Можете ли вы предоставить нам в аренду на 30 лет часть вашей территории в западной части Финского залива? Вы, ведь, предоставили Англии никелевую концессию сроком

на 99 лет в районе Петсамо³⁹ на территории, полученной от России по Тартускому мирному договору». Некоторое время разговор шёл об этой концессии. После того, как я обратил внимание на то, что Финляндия получила Петсамо в виде компенсации, Молотов сказал: «Мы и сейчас можем произвести обмен. Предоставьте нам в западной части Финского залива такую же концессию, как вы предоставили Англии в Петсамо, но для военных целей. Кроме того, граница в Петсамо плохая. Мы хотим вернуть полуостров Рыбачий⁴⁰. Вы получите компенсацию в Восточной Карелии».

Далее Молотов сообщил, что Советский Союз для обороны Ленинграда хотел бы получить на Карельском перешейке территорию, которую он показал на карте. Сталин добавил, что Советский Союз хотел бы также получить острова, расположенные в восточной части Финского залива, включая Гогланд. Молотов обещал в порядке компенсации территорию в Репола⁴¹, площадь которой была в полтора раза больше, но Сталин сразу увеличил её до двукратной. «Вы получите те местности, где организовали бунт против нас», шутливо произнёс он. Аренда Ханко Советскому Союзу не представляет никакой угрозы для Финляндии. Туда будет введён оккупационный контингент численностью четыре – пять тысяч человек. «В случае возможного конфликта с Советским Союзом Финляндия, которая может мобилизовать около 100 000 человек, способна легко уничтожить советскую группировку. Вы, финны – странные люди. Ваша ненависть к царю была вполне понятна, но вы без всяких причин перенесли вашу ненависть на Советский Союз. Не думаете ли вы, что царская Россия вела бы с вами такие переговоры? Совсем нет», – сказал Сталин.

Прояснив таким образом намерения русских, я сообщил о желании связаться со своим правительством, отметив, что только после этого смогу продолжить переговоры. Молотов был готов провести следующий раунд переговоров в тот же день в 23 часа – шёл

---

³⁹ По-русски Петсамо. Далее по тексту – Петсамо.

⁴⁰ Полуостров Рыбачий по-фински назывался Каластаясааренто, далее по тексту везде – Рыбачий.

⁴¹ Реболы (*фин.* Repola), в наст. время село в Муезерском районе Республики Карелия, в 1918–1920 являвшееся предметом территориальных споров между Финляндией и Советской России. По Тартускому миру – в составе РСФСР.

уже седьмой час вечера, – но я сказал, что это невозможно. О времени следующей встречи решили договориться отдельно.

Как видно из вышеизложенного, у русских было три различных «линии» поведения. Во-первых, аналогичный договор о взаимной помощи по образцу тех, что были заключены со странами Балтии. От этой линии Сталин отказался после непродолжительных переговоров, перейдя на вторую, предполагавшую ограниченное, «локальное соглашение», означавшее совместную оборону Финского залива. Поскольку мы отказались одобрить и её, он оставил этот вариант, предложив создание базы в Ханко, а также перенос границы на Карельском перешейке и в районе Петсамо.

Вечером я направил телеграмму в Хельсинки.

На следующий день встреча не состоялась, поскольку на мою телеграмму еще не пришёл ответ. Мы использовали этот день для посещения огромной сельскохозяйственной выставки. Какой-то профессор сельхознаук выступил перед нами с докладом, представив в нём весьма впечатляющие результаты. Я отметил в своём дневнике: «Если урожайность и производство действительно настолько высоки, то должна быть и продукция для продажи. Но её нет. Было бы хорошо направить толкового специалиста, чтобы получить правильное представление о положении дел в России».

После получения ответа из Хельсинки во второй половине дня 14 октября состоялась вторая встреча в Кремле.

Наш военный эксперт полковник Паасонен подготовил памятную записку, которую я зачитал в начале встречи. В ней отмечалось, что после того, как Советский Союз подписал договоры с Балтийскими государствами, безопасность Финского залива была гарантирована на все возможные случаи. Поэтому предложения Советского Союза Финляндии не имеют никакого смысла. В записке рассматривалась даже такая теоретическая возможность, согласно которой враг Советского Союза, несмотря на военное сопротивление Финляндии, мог бы выйти на континентальную часть страны и попытаться через территорию Финляндии напасть на Советский Союз. Далее разъяснялось, насколько малы возможности успеха такой попытки. В конце памятной записки затрагивался вопрос трёх островов восточной части Финского залива – Сейскари, Лавансаари и

Пенинсаари⁴², которые находились неподалёку от побережья Советского Союза. Я сообщил, что мы готовы вести переговоры об их передаче за компенсацию, чтобы Советский Союз мог включить их в свою систему обороны.

Сталин, внимательно слушавший чтение записки, сказал, что она односторонняя и, с позиции Советского Союза, чрезмерно оптимистична. Им надо принять во внимание и самые плохие возможности. Молотов сказал безотносительно к записке:

— Я рассматриваю это как политические вопросы. Предлагаемые вами три острова недостаточны. Договоры, заключённые со странами Балтии, обеспечивают безопасность только одной стороны Финского залива. Сейчас в Европе идёт большая война. Мы должны быть начеку. В том случае, если ситуация, например, на Дальнем Востоке, будет вызывать всё возрастающее беспокойство, что потребует переноса туда нашего внимания, мы не можем сделать это, не решив предварительно вопрос о безопасности Ленинграда. Ленинград находится в 32 километрах от границы. Сегодня у нас есть пушки, дальнобойность которых составляет 50-60 километров. Вам и самим невыгодно то, что существует постоянная угроза Ленинграду, которая портит наши взаимоотношения. Требованием советского руководства является граница Петра Великого.

Несмотря на мои заверения, что мы хорошо знаем границу Петра Великого, на столе разложили историческую карту, которую вместе принялись изучать.

— Я: Эта граница бесполезна как в военном, так и совершенно невозможна в экономическом отношении.

Сталин показал на карте линию: Суванто - река Вуокса - Юряпянярви - Муолаанярви - Йоханнес⁴³: «Военные всегда просят слишком много. Мы примем во внимание честолюбие народа Финляндии и удовлетворимся меньшим, от чего уже не сможем отказаться».

---

⁴² Малый остров, до 1950 г. Малый Лавенсари (*фин.* Peninsaari), находится между островами Сейскар и Мощный.

⁴³ В наст. время: Суходольское озеро - река Вуокса - Большое Раковое озеро - Глубокое озеро - Советск.

Затем Молотов перешёл к Ханко и Финскому заливу. Он еще раз поднял вопрос о заключении «локального договора», имеющего целью оборону Финского залива, спросив, не пойдём ли мы на него. Этот договор включал бы в себя как базу в Ханко, так и обязательство вместе оборонять Финский залив.

– Я: Мы хотим остаться в стороне от любого конфликта.

– Молотов: Вы же хотите вместе с Швецией оборонять Аландские острова. И это локальный договор о взаимной помощи.

По этой теме опять завязалась длинная дискуссия, в ходе которой мы вновь изучали ноту нашего правительства Советскому Союзу. Молотов хотел приравнять соглашение о строительстве укреплений на Аландских островах и договор об обороне Финского залива. Я вновь заметил, что предлагаемый ими договор не согласуется с нейтралитетом Финляндии. Если бы нам пришлось выполнять наши обязательства по взаимной помощи, то мы оказались бы втянутыми в войну между великими державами. Следовало принимать во внимание, что Советский Союз – это великая держава, а Швеция нет.

В этот момент Сталин и Молотов окончательно отказались от «локального договора» по Финскому заливу: «Тогда отдайте нам Ханко, упомянутую территорию на Карельском перешейке и острова в Финском заливе». Я вновь повторил, что Ханко и Карельский перешеек – это части континентальной Финляндии, которой мы не можем поступиться. Предлагаемые нами острова представляют достаточную защиту.

«А чего вы, собственно говоря, боитесь? Не боитесь ли вы, что Финляндия нападёт на вас?», – спросил я.

– Молотов: Мы не боимся агрессии со стороны Финляндии. Мы боимся провокации со стороны третьей державы. Мы уже однажды подвергались такой агрессии, и нам надо позаботиться о её отражении.

– Сталин: Мы должны иметь возможность перекрыть проход в Финский залив. Если бы фарватер, ведущий к Ленинграду, не шёл вдоль вашего побережья, нам не нужно было вообще поднимать этот вопрос. В царский период у России были Порккала и укрепления на

острове Найссаар с 16-дюймовыми орудиями, а также военно-морская база в Таллине⁴⁴. Тогда враг не мог пройти через этот заслон. Мы не просим Порккалу, которая находится слишком близко от столицы Финляндии. Между Ханко и Палдиски⁴⁵ мы можем установить мощный заслон. В морской обороне существует закон, что проход в залив преграждается в его горловине, перекрёстным огнём батарей, расположенных на обоих берегах. В вашей памятной записке высказывается предположение, что противник не сможет вторгнуться в акваторию Финского залива, но если вражеский флот там окажется, то Финский залив уже нельзя будет оборонять. Вы спрашиваете, какая держава могла бы напасть на вас? Англия или Германия. С Германией у нас сейчас хорошие отношения, но в этом мире всё может измениться. Юденич наступал через Финский залив. Позже Англия сделала то же самое. Это может повториться. Если вы боитесь предоставить нам базы на континентальной части, то мы можем прорыть канал вокруг Ханко. Тогда база больше не будет находиться на континентальной территории Финляндии. Как Англия, так и Германия могут сейчас направить в Финский залив крупные военно-морские силы. Сомневаюсь, что вы тогда сможете остаться вне конфликта. Когда война между ними закончится, то флот победителя войдёт в Финский залив. [...] Мы просим, чтобы расстояние от Ленинграда до границы было 70 километров. Это минимальное требование, и Вы не должны думать, что будем готовы поступаться нашим требованием. [...] С географией мы ничего поделать не можем, да и Вы с ней ничего не можете поделать. В Ленинграде и его окрестностях проживает почти 3 ½ миллиона человек, почти столько же, как во всей Финляндии. Раз уж нельзя перенести Ленинград, придется границу отодвинуть подальше. В отношении Койвисто⁴⁶ надо принять во внимание, что если там разместить 16-ти дюймовые орудия, то можно было бы полностью воспрепятствовать действиям нашего флота в восточной части Финского залива. Мы просим 2 700 км² и предлагаем взамен больше 5 500 км². Какая-то другая великая держава поступает подобным образом? Нет! Только мы, поскольку мы настолько глупы.

---

⁴⁴ Речь идет о системе обороны Финского залива под названием Морская крепость Императора Петра Великого (1913–1918 гг.).

⁴⁵ В 1762–1922 гг. – город назывался Балтийский Порт.

⁴⁶ Ныне г. Приморск, Ленинградская область.

—Я: Вы говорите так, будто Финляндия угрожает Советскому Союзу войной?

—Сталин: Мы не боимся нападения со стороны Финляндии, но Англия или Германия могут надавить, чтобы заставить Финляндию принять участие в агрессии против Советского Союза.

—Я: Вы преувеличиваете эту опасность. Наше правительство не может согласиться с предлагаемой Вами границей.

После этого разговор зашёл о Петсамо. В этой связи Молотов сказал, что в России многие требуют, чтобы вся территория Петсамо была возвращена Советскому Союзу: «Арендуйте нам Ханко или Порккалу на 30 лет, как вы предоставили англичанам концессию в Петсамо на 99 лет». Снова дискутировали о никелевой концессии Петсамо.

—Сталин: «Англия получила концессию на территории Петсамо, и Германия пыталась сделать то же самое. Цель обеих – нападение на Мурманск». Он заметил, что Россия продала Аляску Соединённым Штатам. «Гибралтар – собственность Англии, и это не мешает независимости Испании. Оборона горловины Финского залива требует единой системы управления огнём, и поэтому у нас должна быть базы на обоих берегах залива».

После обмена репликами я сформулировал: «Мы считаем, что Ленинград защищен от атак с моря через Финский залив. Мы будем обороняться, если наш нейтралитет будет нарушен, и если это произойдёт в связи с агрессией против Советского Союза, мы автоматически будет втянуты в войну по обороне Советского Союза».

Молотов привычно перевёл разговор к вопросу о строительстве укреплений на Аландских островах, желая представить его в качестве прецедента, который был бы сравним с тем, что войска Советской России могли бы находиться на территории нейтральной Финляндии, ровно так же, как по предложению Стокгольма, войска Швеции находились бы на Аландах. Он добавил: «И в наших интересах, чтобы Финляндия оставалась нейтральной. У нас нет никаких претензий на Аландские острова. Мы надеемся, что вы сможете сохранять их в своём распоряжении. Но вам также следует понять наше положение как великой державы. Мы должны быть способны перекрыть противнику проход в Финский залив».

– Я: Вам также следует понять наше положение. Мы не можем пойти на то, что наша безопасность будет урезана.

– Молотов: Мы и пальцем не вмешаемся в ваши собственные дела и не посягнем на вашу независимость.

– Сталин: Заверяю Вас, что договоры с Эстонией, Латвией и Литвой ни в коей мере не угрожают их независимости, напротив, она только укрепилась посредством этих договоров.

– Я: Наш нейтралитет столь же безусловен, как и нейтральный статус других Северных стран. Мы не хотим быть втянутыми ни в какую войну.

– Сталин: Если мы сейчас договоримся по поднятым вопросам, то, с нашей стороны, вы можете создавать оборонительные сооружения на Аландских островах, если, конечно, будете делать это в одиночку.

После того как разговор продолжался около двух с половиной часов, я сообщил, что поскольку затронутые вопросы совершенно новые, мне надо отправиться в Хельсинки для обсуждения их с моим правительством. Молотов заметил, что решение этих вопросов нельзя откладывать.

– Сталин: Вы проводите мобилизацию и эвакуируете население городов. В ваших газетах говорят о русском империализме. Мы также направили войска к границе. Такая ситуация не может долго продолжаться.

– Я: Вы же не можете поверить, чтобы мы собирались напасть на вас.

– Сталин: Это стоит денег. Неужели это необходимо для вашей политики?

– Я: Предложенное Вами решение невероятно трудно для Финляндии. Неужели нельзя найти другие средства для обеспечения безопасности Финского залива и Ленинграда?

– Сталин: Если вопросы будут решены, мы можем на основе взаимности демонтировать оборонительные сооружения на границе, подкрепить договор о ненападении и согласиться на создание

фортификационных сооружений на Аландских островах, при условии, что это будете делать вы сами.

Договорились, что переговоры будут продолжены в Москве 20 или 21 октября и что до нашего отъезда нам будет передан письменный отчет о предложениях Советского Союза.

На третьем заседании, которое прошло в тот же вечер в 21.30, мы получили письменное предложение Советского Союза. Оно было следующим:

«Главной озабоченностью Советского Союза на переговорах с правительством Финляндии являются два вопроса:

а) обеспечение безопасности Ленинграда;

б) уверенность в том, что Финляндия будет на основе дружеских отношений находиться в тесном взаимодействии с Советским Союзом. Оба пункта необходимы для сохранения в неприкосновенности от внешней агрессии принадлежащего Советскому Союзу побережья Финского залива, а также побережья Эстонии, которую Советский Союз обязался оборонять.

Для выполнения этой задачи необходимо:

1) быть способным огнём артиллерии с обоих берегов Финского залива перекрыть горловину Финского залива, чтобы вражеские военные и транспортные корабли не могли вторгнуться в акваторию Финского залива;

2) иметь возможность воспрепятствовать выходу врага к тем островам в Финском заливе, которые расположены вдоль фарватеров, ведущих к Ленинграду с запада и северо-запада;

3) перенести границу с Финляндией на Карельском перешейке, которая в настоящее время находится на расстоянии в 32 км от Ленинграда, то есть, в пределах зоны досягаемости дальнобойной артиллерии, немного севернее и северо-западнее.

Отдельно встаёт вопрос о полуострове Рыбачий в районе Петсамо, где граница была демаркирована неумело и искусственно, и что должно быть исправлено в соответствии с прилагаемой картой.

Исходя из вышеизложенного, необходимо на основе совместного договора и общих интересов решить следующие вопросы:

1) Финляндия соглашается сдать в аренду Советскому правительству порт Ханко и прилегающую к порту территорию в радиусе 5–6 морских миль на юг и на восток, а также в радиусе 3 морских миль на запад и север, сроком на 30 лет для постройки усиленной береговой артиллерией военно-морской базы, способной совместно базой в Палдиски, расположенной на южном берегу Финского залива, перекрывать артиллерийским огнём вход в Финский залив. Для защиты военно-морской базы правительство Финляндии должно разрешить правительству Советского Союза иметь в порту Ханко следующий гарнизон:

1 пехотный полк,

2 дивизиона зенитной артиллерии,

2 авиаполка.

1 танковый батальон,

в общей сложности не более 5 000 человек личного состава.

2) Советскому военному флоту предоставляется право на якорную стоянку в заливе Лаппвик.

3) СССР передаются по обмену следующие территории:

острова Гогланд, Сейскари, Лавансаари, Тютерсаари, Бьёрке, а также часть Карельского перешейка от деревни Липола до южной окраины поселения Койвисто, западные части полуострова Рыбачий, общей площадью 2 761 км² согласно прилагаемой карте.

4) В порядке компенсации упомянутых в пункте 3 территорий Советский Союз передаст Финляндской Республике территории Советского Союза в районе Репола (Ребола) и Поросозеро (Пороярви) площадью 5 529 км² согласно прилагаемой карте.

5) Подкрепление существующего советско-финляндского пакта о ненападении путём дополнения его статьёй о взаимных обязательствах не вступать в группировки и коалиции государств, которые прямо или косвенно были бы враждебны той или другой стороне.

6) Разоружение своих укреплений на Карельском перешейке, идущих по обе стороны вдоль финляндско-советской границы, и оставление в приграничной зоне обычных пограничных войск.

7) СССР обязуется не возражать против вооружения Аландских островов собственными силами Финляндии, имея в виду, что вооружении Аландских островов не будет участвовать ни одна внешняя держава, включая Швецию».

В списке передаваемых Советскому Союзу островов, упомянутых в пункте 3, первоначально были острова Сомери и Нарви. Я обратил внимание на их значение для судоходства. Сталин сверился с картой и вычеркнул их.

В отношении пункта 6 я заметил, что понимаю вопрос таким образом, что мы могли бы обсудить вопрос о создании демилитаризованной зоны на Карельском перешейке в качестве альтернативы обмена территориями. Сталин ответил, что демилитаризованная зона не может компенсировать обмен территориями, что является необходимым. После него можно было бы уничтожить приграничные укрепления, находящиеся по обе стороны границы и оставить там лишь войска, необходимые только для охраны границы.

Я хотел также выяснить, имелась ли возможность на основе предлагаемого русскими «локального договора», касавшегося Финского залива, прийти к удовлетворительному результату. Я спросил: «Если мы заключим договор об обороне Финского залива на основе того, что каждая сторона обороняла бы свою часть Финского залива, и мы в соответствии с ним рассматривали бы каждую попытку вторгнуться военными силами в акваторию Финского залива как ситуацию *casus belli*⁴⁷, то можно ли в таком случае отказаться от территориальных вопросов?»

- Сталин ответил: Нельзя! Территориальные вопросы являются неотъемлемой частью договора. Недостаточно, что вы будете оборонять только свою часть. Но если в Ханко будет находиться полк советских войск, то нападение на Ханко означало бы войну против всего Советского Союза, и противник должен принимать в расчет, что совершает нападение на всю военную мощь Советского Союза, то есть, на его 120 дивизий».

---

⁴⁷ Повод к войне (*лат.*).

Молотов добавил, что локальный договор включает в себя всё, что есть в их предложении, а также общее обязательство вместе оборонять Финский залив.

На реплику полковника Паасонена, что технически было бы возможно совместными силами перекрыть вход в Финский залив, не прибегая к созданию базы Советского Союза в северной части Финского залива, Сталин ответил: «У нас нет полного доверия к вам. В таком случае руководство военными действиями нельзя передать единому командованию».

Я заметил, что такое предложение весьма негативно скажется на общественном мнении в Финляндии, на что Сталин ответил, что вопрос можно разъяснить, поскольку речь идёт о безопасности Ленинграда.

Полковник Паасонен сослался на то, что состав группировки, предполагаемой к размещению в Ханко, уже сам по себе вызовет недоумение. Какова была бы, например, задача танков? Ведь боевые танки обычно не используются в береговой обороне. Кроме этого, в Ханко трудно построить аэродром.

– Сталин: Танковый батальон там мог бы выполнять задачи охранения. Если нельзя построить аэродром, то тогда там должны быть гидросамолёты. Мы исходили из того, что там будет 120 самолётов, как истребителей, так и бомбардировщиков.

В завершении возник короткий диалог. Я обратил внимание на то, что все подобные вопросы должны быть переданы на одобрение парламента, что требует для быстрого решения квалифицированного большинства 5/6 всех голосов.

Сталин и Молотов (шутливо): «Не сомневайтесь, вы получите 99% голосов, да еще и наши голоса в придачу».

Полковник Паасонен обратился к Сталину: «Как это согласуется с Вашим лозунгом “Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим”»?

– Сталин: Я объясню вам. В Польше мы не взяли чужой земли, да и сейчас стоит вопрос об обмене территориями.

В конце встречи Сталин сказал, что они ждут нашего возвращения 20 или 21 октября.

– Молотов: Подпишем договор 30 числа, а на следующий день я устрою вам обед.

Мы ответили: «Поживём-увидим! Дата нашего возвращения зависит от нашего правительства». Мы выехали из Москвы в тот же вечер. По моей просьбе посол Ирве-Коскинен отправился вместе с нами в Хельсинки.

Я рассказал о первых переговорах достаточно подробно, поскольку на них стало ясно, как видели и как аргументировали ситуацию руководители Советской России. Никаких новых подходов позже не появилось.

Были ли заявления и предложения русских искренними? У нас в этом плане высказывались сомнения. Как полагали у нас, цель Советов – получить более выгодное положение, чтобы потом было легче напасть на Финляндию. Трудно знать самые сокровенные мысли и тайные замыслы русских. В уже упомянутой записке, переданной мне русскими, был один важный пункт. В нём говорилось, что главной проблемой Советского Союза на переговорах с финским правительством, помимо обеспечения безопасности Ленинграда, была «уверенность в том, что Финляндия на основе дружественных отношений будет находиться в тесном взаимодействии с Советским Союзом» – в точном переводе: «уверенность в том, что Финляндия будет твёрдо оставаться на основе дружественных отношений с Советским Союзом». Это содержало прямую программу политики Советского Союза в отношении Финляндии – программу, которую Кремль и хотел последовательно осуществлять.

Есть повод заметить, что те же взгляды и причины, которыми большевики в 1939 г. обосновывали свои требования, проявлялись и намного раньше.

Финляндия в экономическом и культурном отношении не имела для Советского Союза большого значения. Но в военном плане русские считали Финляндию, по причине её географического положения, весьма значимой для России. Заметно, что с течением времени значение Финляндии в замыслах русских возросло. По мнению Петра Великого, безопасность Петербурга требовала переноса границы вплоть до Выборга, хотя он, как я позже расскажу,

был готов для достижения мира отказаться от Выборга⁴⁸. Во времена правления Александра I вся Финляндия оказалась в составе Российской империи⁴⁹, правда, по крайней мере, в то время, правительство России не считало завоевание Финляндии важным. Но когда Россия в течение столетия имела право приступить на территории Финляндии к осуществлению военных мероприятий, военное значение Финляндии в планах русских стало, похоже, усиливаться.

Военное значение Финляндии для России стало для русских превращать в некую идею фикс. Этот вопрос беспокоил даже кадетов, членов конституционно-демократической партии, образованной в 1905 г., и находившихся далеко от Куропаткина. Представители кадетов, оказавшиеся после Первой мировой войны в эмиграции во Франции, и которые всегда были друзьями Финляндии и искренними защитниками её прав, высказывали в своих воззваниях 1919 г. в отношении военных баз и Карельского перешейка даже более далеко идущие требования, обосновывая их также, как Сталин и Молотов осенью 1939 года⁵⁰. Так и на мирных переговорах в Тарту в 1920 г. со стороны Советской России акцентировали вопрос об обороне Ленинграда от нападения через Финский залив, внося в этом отношении разные предложения. – Во второй половине 1930-х годов, как уже говорилось выше, со стороны Советского Союза стали высказываться мнения, что Финляндия может стать ареной боевых действий в случае агрессии против Советской России. Большевики усвоили те же взгляды, держа в поле зрения Германский рейх, хотя Сталин и Молотов осенью 1939 года говорили и об Англии.

Мысль, пусть даже укоренившаяся в сознании народа, далеко не всегда верна. В истории каждого народа – здесь история России не является исключением – можно найти мысли и планы, которые долгое время господствовали в общественном сознании, но потом оказывались неправильными и неудачными. Стремление Советской России к укреплению обороны северных рубежей и Ленинграда

---

⁴⁸ Одним из важнейших итогов Северной войны стало включение в состав Российской империи Карельского перешейка с Выборгским уездом.

⁴⁹ Финляндия вошла в состав Российской империи в результате Русско-шведской войны 1808–1809 гг.

⁵⁰ Conférence politique russe: Mémoire sur la Question Finlandaise ja Quelques Considérations sur le Probleme Finlandais. Paris, 1919.

понятно. По моему убеждению, некоторый пересмотр границ и обмен территориями вполне мог стоять на повестке дня в 1939 г. Но этот вопрос, даже с позиции интересов великой державы, имеет и другую сторону, хотя великие державы не придают этому особого значения. Александр I в эпоху наполеоновских войн считал лояльность народа Финляндии важным фактором защиты от удара в спину. Сегодня, по мнению великих держав, малые государства не имеют малейшей возможности сохранить свой нейтралитет, равно как и не стать плацдармом для агрессии в войнах между великими державами. Малые народы десятилетиями жили в воображаемом мире. Во многих малых государствах проводилась безнадёжная политика, весь смысл которой сводится к одной шведской фразе «vad-skulle-det-nytte?» («кому от этого польза?»), в то время, как разделяющая их политика «sauve-qui-peut» («спасайся, кто может») доминировала в их поведении. Всё это не могло не подкреплять сомнения великих держав в отношении возможностей самостоятельного существования малых. Политика малых государств завершилась катастрофой и привела к тому, что большие стали относиться к ним снисходительно, подчас даже пренебрежительно.

Всё же, условия были различными. Характер народов, их военные качества, географическое положение и т.п. не были одинаковыми. Если бы финский народ был твёрдо убеждён в том, что ему нечего бояться со стороны России, то Финляндия была бы, как я и сказал Сталину, автоматической защитницей Советского Союза от попыток агрессии через её территорию. Кремль не придавал нашей обороноспособности никакого реального значения. Разгром хорошо вооружённой Финляндии – в 1939–1940 гг. мы были плохо вооружены – потребовал бы достаточно большой армии. переброска такой армии через достаточно широкое море в континентальную часть Финляндии, через удобные для обороны побережье, острова и шхеры, для боевых действий на территории Финляндии не мог не быть сопряжён со значительными трудностями, особенно в ситуации, как предполагал Кремль, если эта великая держава, в данном случае Германия, не была связана масштабной агрессией против Советской России. Сомневаюсь, что Кремль учёл всё это в своих расчётах.

Такая политика Советской России, при которой Финляндия могла бы придерживаться провозглашённого нейтралитета, как она решила и была готова поступить, была обоснована с точки зрения

интересов и самой России. Создание миролюбивых и добрососедских отношений между Финляндией и Советской Россией заслуживало, по моему мнению, большего внимания, чем то, какое ему уделял Кремль. Есть повод добавить, что в истории отношений Финляндии и России можно найти подтверждение моему тезису. Политика России в отношении Финляндии, как при царе Николае II, так и при большевиках, начиная с 1939 года, вряд ли обеспечивала интересы Российского государства и приносила нужные результаты.

Я рассматривал отношения Финляндии и Советского Союза с точки зрения Советской России. Я встал на позицию «реальной политики» великих держав, в которой малым народам и их интересам не придается никакого значения. Но должно ли всегда быть именно так? Неужели за малыми государствами не будет признаваться никакого права на самостоятельную жизнь? Будут ли они всегда рассматриваться лишь как объект великодержавной политики? Этот вопрос каждый финн, находившийся в подавленном состоянии души, задавал себе осенью 1939 года.

Возможно, читатель воскликнет: Что за странные фантазии, что за сентиментализм! Во внешней политике надо быть твёрдыми, хладнокровными, циничными – цинизм даже считается свойством настоящей дипломатии. Во внешней политике правят эгоизм, «интересы». Но какова, собственно говоря, «хладнокровная» и «эгоистичная» политика великих держав, если посмотреть на неё с точки зрения их собственных интересов? Была ли она целесообразна и мудра?

Все великие державы, точнее их руководители, сами решают, чего требуют «интересы» их государства, они сами размышляют, что есть «государственный интерес». Иными словами, речь идёт только о субъективном заключении лидеров, что они *считают* интересом своего государства и поэтому думают, не использовать ли для этого пафосное выражение «политическая необходимость». Последствия и результаты, положение различных народов и всего мира можно объективно установить и зафиксировать. Их разрешено критиковать – нам, малым государствам, особенно после того, как мы сможем страдать от этого в той же мере, в действительности даже больше, чем те, кто вызвал эти страдания: великие державы. Зачастую, обычно после крупных бедствий и человеческих страданий, становится

понятно, что тот воображаемый «государственный интерес», та «политическая необходимость были ошибками. – Я пишу эти строки летом 1943 года, когда результаты государственной политики великих держав у всех на виду. По крайней мере, сейчас должно быть яснее ясного, к каким трагическим результатам эта политика привела и великие державы, в какую жуткую ситуацию она ввергла Европу и весь мир. Мир – не только его совесть, но и в буквальном смысле этого слова лежащий при смерти, изуродованный и кровоточащий мир, – составляющие его малые и крупные народы безнадежно взывают к более мудрой и гуманной политике. Вместе с великими державами и мы, малые, присоединяемся к этому крику отчаяния. С чистой совестью мы, малые, можем сказать, что не являемся виновниками этого бедствия. Мы спрашиваем, неужели не откроются глаза руководителей великих держав, неужели они на собственном горьком опыте не увидят, что насущные интересы как больших, так и малых народов связаны с тем, чтобы справедливости и морали в конце концов было воздано должное, чтобы они имели влияние в международных отношениях?

Как с точки зрения интересов больших, так и малых народов вряд ли можно не заметить, что политика великих держав привела к трагическим результатам, собственно говоря, завела в тупик. Но великие державы, похоже, не следят внимательно за своими конкретными «интересами», хотя и постоянно говорят о них. Возможно, ими или, точнее, их правительствами, управляет тайное, свойственное человеческой природе влечение, жажда превосходства, гегемонии, стремление к мощи и «славе» своего государства, присущий всем им «империализм». Утверждают, что «человек – это хищный зверь». Лидеры великих держав считают себя «инструментами судьбы, провидения в гигантском потоке исторических событий. Они сами субъективно решают, какова сокровенная цель «покровительницы истории». Такой путь ведёт в хаотический, иррациональный мир, где отсутствуют предпосылки для диалога и мышления. Неким утешением становится лишь основанная на исторических фактах констатация, что планы превосходства, гегемонии, в течение последних столетий не приводили к успеху, но были обречены на провал. Но снова возникает сомнение: Хотят ли и способны ли лидеры великих держав извлечь урок из своего опыта?

Судьба распорядилась сделать нашу страну соседкой великой державы России. И какой державы? Великой державы, которая по своему населению в 50 раз крупнее Финляндии и богата материальными ресурсами; извечного и единственного врага Финляндии, против которого столетиями оборонялся наш народ, которого мы боялись и намерениям которого не доверяли; великой державы, главным принципом политики которой на всех этапах истории была территориальная экспансия, завоевание всё новых стран, и в состав которой, пусть с собственными правами, Финляндия входила в течение 100 лет; и, наконец, государства, внутреннее экономическое и общественное устройство которого, а также мировоззрение, идеалы и устремления являются чуждыми общественным условиям Финляндии и идеалам народа Финляндии. Боязнь того, что Советский Союз стремится вернуть границы царской России, подчинить Финляндию своей власти, уничтожить и погубить её, что его вступление на континентальную часть территории Финляндии способствует осуществлению этих целей, была как никогда близка к осуществлению.

Проблема малых народов и государств касается не только Финляндии. Малых народов и государств много. Они никуда не исчезли. В 1938 году, до начала Второй мировой войны, в Европе было, если не принимать в расчет совсем крошечные и Польшу, 21 малое государство, общая численность населения которых достигала 143 миллионов человек, а с Польшей, которая находилась в том же положении, 177 миллионов. Иначе говоря, практически столько же, как и население тогдашних четырёх великих держав – Германии, Англии, Франции и Италии, на территории которых в Европе проживало в общей сложности 211 миллионов человек. Оно было более чем в два раза больше, чем население крупнейшей на тот момент европейской великой державы – Германии. Население же любой из оставшихся трёх держав оно превышало в 3-4 раза. Оно было равно населению как европейской, так и азиатской части Советской России вместе взятых. Собственно говоря, Францию вряд ли можно отнести к великим, поскольку её 40-миллионный народ не может противостоять в войне 80-миллионной Германии. То же касается и Италии.

Несмотря на это, малые государства играют в международной политике незначимую роль, а великие державы обращаются с ними в

реальности только как с объектами политики. Этот, вызывающий озабоченность, факт, конечно, зависит от того, что малые государства разобщены, занимают различное положение и их объединение в солидарную в военном отношении силу, к сожалению, невозможно. Кроме того, разнятся интересы малых государств и их отношение к великим державам. Обеспечение жизни и будущего столь большого количества населения, да еще имеющего столь важное значение для успеха всего человечества, трудно переоценить. В прогресс и культуру человечества малые народы внесли свой вклад: одни весьма заметный, подчас даже больший, чем какая-то великая держава. Другим, несомненно, ещё предстоит сделать это, если им дадут спокойно работать. Раньше или позже необходимо найти решение проблемы безопасности народов.

Но в 1939 г. находились еще далеко – бесконечно далеко – от пути права и справедливости. Господствовала грубая политика силы великих держав. В мире доминировало кулачное право. Это нам нельзя было забывать, хотя в Финляндии обычно именно так и поступали.

В Хельсинки 16–21 октября

В Хельсинки мы прибыли утром 16 октября. На вокзале встречали председатель парламента, премьер-министр и некоторые другие члены правительства, посол Швеции, а также большая толпа людей. По сообщениям газет, после моего отъезда в Москву количество иностранных корреспондентов практически удвоилось.

После того, как я побывал у министра иностранных дел Эркко, собрался «военный кабинет», в которых входили премьер-министр Каяндер, министр иностранных дел Эркко, министр финансов Таннер и министр обороны Ниукканен. Я выступил с отчётом о переговорах в Москве. После заседания я предложил премьер-министру Каяндеру, чтобы Таннер отправился вместе со мной в Москву, поскольку речь шла об очень серьёзных и важных делах. Каяндер принял моё предложение. Согласился и Таннер. Позднее я сказал об этом Эркко, который тоже согласился со мной. Таннер в течение многих десятилетий был моим другом, мы вместе участвовали во многих делах. Например, мы хорошо и весьма успешно работали вместе на мирных переговорах в Тарту. Он был председателем социал-демократической партии и влиятельным политиком. У меня было две причины сделать такое предложение: переговоры были настолько важны, что я не хотел брать на себя всю ответственность. Вторая причина заключалась в следующем: я издавна был известен как человек, который особенно хотел избежать противоречий с Россией и с помощью переговоров снять возникающие разногласия. Если бы я один выступал в качестве представителя Финляндии, то могло возникнуть представление, что я не достаточно жёстко вёл себя на переговорах, где достижение результата, даже в самом лучшем случае, было сопряжено с неприятными для нашего народа жертвами. «Только бы П(аасикиви)

не сломался», – написал Эркко Таннеру в письме, которое Таннер опубликовал в своих мемуарах (см. с. 95)⁵¹. Эта точка зрения отражала мнение обо мне, как старом приверженце линии газеты «Суометар», не только Эркко, но и многих других. Для того, чтобы развеять подобные сомнения, мне было важно взять с собой влиятельного, авторитетного человека. Мы с Таннером придерживались одной общей линии. Я, однако, был готов поддержать более далеко идущие уступки, чем Таннер, поскольку не думал, что можно выйти из ситуации иным путём, и считал, по свойству своего осторожного характера, что опасность войны надо было любым образом предотвратить. Таннер, похоже, считал опасность возникновения войны меньшей, чем я. Внешняя политика, где очень часто нельзя опереться на достоверные факты и в которой правильность или ошибочность решения становятся известны только в будущем, не была самой сильной стороной личности Таннера, как станет ясно позже. Присущая Таннеру лаконичность, а также недостаточное знание русского языка привели к тому, что его высказывания на переговорах приобретали более жёсткую форму, чем та, к которой он стремился. Я в молодости довольно хорошо овладел русским языком – в 1892 г., при сдаче экзамена на степень кандидата философии, предполагавшего владение русским языком как в устной, так и письменной форме, я получил по русскому наивысшую оценку *laudatur* («похвально»). Но поскольку я не говорил на русском более полутора десятилетий, то и язык мой оставлял желать лучшего. Конечно, у нас была возможность прибегать к помощи переводчика, но дискуссия шла в свободной форме, с участием всего четырёх человек, без того, чтобы предварительно просить о возможности выступить, и поскольку наши позиции были вполне понятны, мы считали такой формат наиболее целесообразным. Иной раз Сталин, заметив, что я не могу подобрать нужное слово, помогал мне.

Сразу после обеда состоялось совещание, на котором присутствовали «военный кабинет» и высшее военное командование – маршал Маннергейм, начальник Генерального штаба генерал-лейтенант Эстерман, генерал Эш, а также я и Ирве-Коскинен плюс наш военный эксперт полковник Паасонен и в качестве секретаря начальник отдела МИД Ньюкопп.

---

⁵¹ Автор ссылается на финское издание воспоминаний В. Таннера. См.: *Таннер В. Зимняя война*. М.: Центрполиграф, 2003.

Самыми сложными вопросами были, естественно, база на полуострове Ханко и перенос границы на Карельском перешейке. В отношении островов в Финском заливе и полуострова Рыбачий в районе Петсамо было легче прийти к согласию, хотя вопрос о Гогланде, с учётом его положения, также был непрост. Самым трудным был вопрос о базе. В отношении передачи или аренды сложилась общая отрицательная точка зрения. Это была важная территория континентальной части Финляндии, и размещение там военных сил иностранного государства представляло бы угрозу для нашей страны. Но вопрос о военной базе всегда является особым случаем. Конечно, у нас не возникло никаких противоречий в плане серьёзности этого вопроса, независимо от того, в какой части нашего побережья база ни была бы размещена. Но если от неё не уйти, то встаёт вопрос о большем или меньшем зле. Владение базами в важных в военном отношении районах всегда играло и по-прежнему играет заметную роль в силовой политике великих держав. Нередки и случаи, когда одно государство владеет островами у побережья другого. Это есть и в Европе, достаточно бросить взгляд на карту.

На переговорах в Хельсинки у одной стороны превалировала резко отрицательная позиция, общая для всех членов правительства. Согласно точке зрения, которую разделяла другая сторона, нужно было и здесь попробовать найти компромиссное решение. Я поддерживал вторую точку зрения, поскольку она отвечала моим общим представлениям. Однако, и я считал передачу полуострова Ханко весьма сложным делом. Последующий ход московских переговоров показал, что и здесь можно было прийти к согласию.

Маршал Маннергейм тоже не был категорически против поиска компромисса в вопросе о базе. Также и министр Таннер, как мы увидим позже, склонялся к этой мысли. Напротив, министр иностранных дел Эркко и министр обороны Ниукканен не считали компромисс возможным. Они от начала до конца занимали отрицательную позицию. На мнение Эркко и, возможно, некоторых других, повлияло ошибочное представление о том, что Советский Союз отступит в этом вопросе, если мы будем и впредь придерживаться жёсткой линии поведения. Он считал угрозы русских «блефом». «Вполне достаточно, если мы будем вести переговоры по наиболее удалённым предлагаемым нами островам в Финском заливе; я не могу понять, почему диалог нельзя вести на этой основе», – сказал

он. Эркко был уверен, что договорённость будет достигнута. Отмечалось, что такую же точку зрения разделяют, например, в Вашингтоне, информация о чём докатилась до Финляндии. Говорили, что там высказывались опасения на тот счёт, что если мы примем слишком далеко идущие требования, то это будет означать усиление влияния Советского Союза в Финляндии. – Эркко вырос в атмосфере «пассивного сопротивления», при котором значение формального, законного права и в международных отношениях расценивалось выше, чем оно, к сожалению, есть на сегодняшний день. Он полагался на мировое общественное мнение в нашу поддержку. «Право на нашей стороне, в глазах всего мира Россию связывают подписанные с нами соглашения», – взывал он. Ему было трудно примириться с мыслью о том, что у равных в правовом отношении великой державы и малого государства в реальной жизни различное положение. «Забудь, что Россия великая держава» – был его последний совет, который он передал мне в письме при третьем отъезде в Москву. На самом деле, ему нужно было предостеречь меня: «Не забудь, что Россия – это великая держава».

Эркко был не одинок в своих рассуждениях. В аналогичных воздушных замках пребывало подавляющее большинство народа Финляндии. Идеальная позиция справедливости является, конечно, целью на будущее, к ней надо стремиться всем нам, особенно малым, но, полагаю, и большим народам. Потому что нынешнее положение принуждения не несет счастья никому. В 1939 же году мир был весьма далек от такой идеальной ситуации. Идеи Макиавелли снова заняли в международных отношениях доминирующее положение.

По мнению министра Ниукканена, также не могло быть речи о том, чтобы пойти на предложения русских. Уступки сулили бы нам верную гибель. Предложения России означали бы подчинение Финляндии влиянию России, как произошло со странами Балтии. Затем Россия будет готовить плацдарм для нового наступления, как показывали танковые батальоны, предлагаемые для размещения в Ханко и планы строительства аэродрома, а также предложение о переносе границы на Карельском перешейке, – рассуждал Ниукканен.

Перенос границы на 70 километров от Ленинграда, что предлагалось советской стороной на переговорах в Москве, военные не считали невозможным, хотя и в отношении этого предложения

можно было сделать определённые оговорки. Что касалось островов в Финском заливе, то полагали, что компромиссное предложение по Гогланду могло принести результат. Полуостров Рыбачий в районе Петсамо имел меньшее значение.

Можно спросить: понимали ли у нас сложность положения? Того, что сказали я и наш посол в Москве Ирье-Коскинен?

Об опасности и возможности возникновения войны мы не забывали, да и не скрывали этого. Ирье-Коскинен и я считали, согласно записям секретаря заседания, что если мы негативно отнесёмся к предложениям Советского Союза, тогда надо принять во внимание, что опасность войны вовсе не исключена. Со своей стороны, я заявил, в частности, следующее: «Не могу сказать, отступят ли русские от своего предложения, но надо быть готовыми к худшему. Когда Сталин говорил об обороне Ленинграда, то сказанное им кажется весьма логичным с позиции русского военного руководства». «Согласие на предложение о переносе границы на Карельском перешейке затруднительно с внутривосточной точки зрения. Но надо учитывать и то, что если Россия победит в войне против Финляндии, то она возьмёт себе много больше и без компенсаций». Серьёзность положения отражают следующие мои слова: «Сталин и Молотов заявили, что принимают во внимание исключительно военные аспекты. Если мы можем вести войну, то её надо вести, предоставив русским начать. Но если война будет проиграна, то Финляндия будет разделена». Кроме этого, я сказал и следующее: «Раньше коалиции великих держав находились в некотором равновесии между собой, и тогда малые государства имели возможность оставаться вне конфликтов. История последнего времени, напротив, показала, что малым государствам приходится один на один выяснять отношения с великими державами. Это доказывают судьбы Австрии, Чехословакии, Литвы, Польши, а также Эстонии и Латвии. Россия знает об этом и поступает соответствующим образом».

Ирье-Коскинен сказал в качестве личного впечатления, что если бы сможем удовлетворить вытекающие из интересов безопасности потребности России, которые вонне признаются достаточно широко, и если это произойдёт без ущемления достоинства Советского Союза, то тогда не будет войны. «Однако, я не могу заверить, что опасность

войны не будет сохраняться. Было бы очень важно знать, будем ли мы способны обороняться в худшем случае». В другой раз Ирье-Коскинен заявил: «Было бы очень важно знать позицию Швеции. Будет ли Швеция на деле эффективно помогать нам, если мы окажемся втянутыми в конфликт? Я полагал бы, что такое заявление со стороны Швеции имело бы большое значение».

– Маршал Маннергейм: При планировании обороны мы всегда исходили из того, что если война начнётся, то Россия будет завязана на других направлениях. Однако сейчас ситуация иная. Германия нуждается в помощи России, а руки Англии связаны.

– Таннер: Россия сейчас совершенно свободна.

– Маннергейм: Именно так.

Генерал Эстерман заметил, что мы находимся в военной изоляции, и было бы важно знать, каковы наши возможности получить помощь извне.

У министра обороны Ниукканена было своё мнение на счет возможной войны. «Россия не сможет сосредоточить против нас много войск. Наступление русских не будет мощным. Политическая ситуация во время боевых действий может измениться».

Итогом совещания было то, что высшему военному руководству поручили собрать необходимую информацию для обдумывания предложения Советского Союза.

Переговоры продолжались все следующие дни без перерывов.

Юристы готовили контраргументы и свои замечания. По их мнению, территорию, отданную в аренду другому государству, с правовой точки зрения, следовало считать принадлежащей государству-владельцу, который, по международному праву, по-прежнему отвечает за эту территорию, как, по крайней мере, за собственную территорию. Государство-владелец обязуется, таким образом, следить, чтобы как во время войны, так и мира соблюдались международные правила, касающиеся, в частности, международного нейтралитета в отношении арендованной территории. Несмотря на то, что территория Ханко была бы передана в аренду Советской России под создание военной базы, Финляндия была бы обязана контролировать соблюдение всех правил и на этой территории. Это

был прямой путь к самым сложным и запутанным проблемам, решение которых вряд ли было бы возможным. В своих заключениях юристы пошли ещё дальше. Поскольку арендованная территория по-прежнему принадлежит государству-владельцу и поскольку, согласно статусу государства, оно само самостоятельно пользуется высшей властью на своей территории, но на арендованной территории будет распоряжаться другое государство, то, по мнению юристов, государство-владелец уже нельзя в большинстве случаев считать полноправным, а только наполовину суверенным государством.

Эта аргументация показывает, в какой тупик в реальном мире может завести международное право, слепо придерживающееся теории. Юридические трудности вытекали из аренды территории. Но русские были готовы окончательно взять территорию себе путём обмена или иным способом. Тогда юридические проблемы исчезли бы сами собой. Но, по сути, эти опасности и та же самая угроза были бы в одинаковой мере связаны с базой, которая уже окончательно была бы передана в собственность иностранного государства. Аргументы юристов показались мне, оценивая их реалистически, не особенно весомыми.

Со своей стороны, я считал более разумным и осторожным действием поиск компромиссного решения. На переговорах с фельдмаршалом Маннергеймом в качестве возможного компромиссного предложения возникла идея предложить остров Юссарё.

Правительство, однако, не было готово ни к какому компромиссу в вопросе о базе. Стратегическое положение Советского Союза как на Балтийском море, так и в Финском заливе, настолько изменилось после договоров, заключённых со странами Балтии, что проникновение флота противника в акваторию Финского залива считали невозможным. О стремлении же попасть туда через территориальные воды Финляндии не могло быть и речи в связи с контролем Финляндией своего нейтралитета, а также и потому, что навигация в водах Финляндии для чужих судов была бы весьма затруднительна в случае снятия морских навигационных знаков. Ханко был настолько далеко от жизненно-важных районов Советского Союза, что возможный прорыв обороны Финляндии в случае нападения какого-то иного государства ещё не ставил бы их под

угрозу. Напротив, советские войска, размещённые в Ханко, можно было использовать для нападения на Финляндию, что давало бы постоянный повод к беспокойству.

На Карельском перешейке правительство считало возможным согласиться на обмен Куоккальского выступа⁵², вдававшегося в территорию Советского Союза. Благодаря этому граница была бы отодвинута от Ленинграда на 12–13 км, то есть, в общей сложности, на 44–45 км вместо прежних 32. Под вопросом стояла передача находящегося рядом форта Ино как отдельного укрепления. Ино находится на северном берегу восточной оконечности Финского залива напротив форта, расположенного на российском побережье. Во времена российской империи это было мощное российское оборонительное укрепление. Согласно Тартускому мирному договору, Финляндия, по требованию русских, была должна демонтировать укрепления форта, обязуясь не создавать на северном берегу восточной оконечности Финского залива такие военные укрепления, которые могли бы угрожать фарватеру, ведущему к Ленинграду, и российской части побережья. В качестве третьего предложения обсуждалась возможность передачи не только форта Ино, но и всего побережья между фортом и границей, что позволило бы Советскому Союзу получить участок побережья на северном берегу восточной оконечности Финского залива. Две последних возможности на этот раз были удалены из списка контрпредложений. В итоге остался один Куоккальский выступ, который решили предложить для передачи. Все три предложения включали в себя намного меньше того, что представляли собой требования русских.

Петсамо, как и полуостров Рыбачий, по мнению правительства, не представляли собой в военном и экономическом отношении такой проблемы, которая могла бы вызвать для Финляндии необходимость в пересмотре границы. Залив Петсамо имел для нас исключительно мирное назначение. Предложения по изменению границы, предлагаемые Советским Союзом, принесли бы Финляндии и финскому населению страдания и неудобства. Принадлежащая Финляндии часть полуострова Рыбачий господствует над побережьем Петсамо, входом в фьорд Петсамо и выходом из него.

---

⁵² Район ст. Репино (Куоккала).

На основе этих обстоятельств готовился ответ финского правительства, в котором Советскому Союзу обещали передать в порядке обмена острова Сейскари, Пенинсаари, Лавансаари и Тютерс, а также упомянутый выше выступ в районе Куоккалы. Другие требования Советского Союза отвергались как нарушающие нейтралитет Финляндии, но одновременно заявлялось о готовности Финляндии укрепить договор о ненападении взаимным обязательством сторон не поддерживать государство-агрессора.

На заседании правительства, где были приняты инструкции для переговоров, я сделал, в частности, следующие пометы записи, отражавшие моё настроение:

«Ханнула: отношения между Германией и Советским Союзом охладели. Положение Финляндии за последние дни существенно окрепло. Интерес и сочувствие мира на нашей стороне. Правда, оно не означает поставки пушек, но России придётся принять это во внимание. Россия не начнёт войну, но может возникнуть ситуация отсутствия договора. Мы выиграем время. Политическая ситуация не ухудшается. [...]По островам и по Куоккальскому выступу можно вести переговоры при условии, что мы получим компенсацию в Восточной Карелии и что будут компенсированы расходы на переселение жителей. Следовательно: Предложение I. – Если не согласятся, тогда придётся воевать».

«Эркко придерживается того же мнения, что и Ханнула. Наша ситуация улучшилась. Это обмен не ультиматумами, а мнениями».

«Ниукканен был того же мнения, что и Ханнула. Готовность Финляндии обороняться существенно выросла. (Ниукканен был готов вести переговоры по форту Ино и северной части полуострова Рыбачий)».

Другие высказывания касались деталей. Я дважды использовал право голоса, но не мог сделать пометы по существу этих выступлений.

Во время переговоров, начиная с 9 октября, когда я впервые выехал в Москву, советские самолёты неоднократно нарушали воздушную границу Финляндии. Между 9 и 19 октября было отмечено 13 таких инцидентов. При полёте группой они настолько залетали вглубь территории Финляндии, что ни о какой ошибке или

небрежности со стороны пилотов не могло быть речи. Целью были отчасти военная разведка и запугивание. Эти действия показывали незнание качеств финского народа. Нарушения воздушного пространства действовали на общественное мнение Финляндии совершенно иначе, чем, возможно, задумывалось. Правительство обязало нас потребовать привлечения виновных в этом к соответствующей ответственности, а также немедленного прекращения подобных нарушений.

Эти инструкции мы получили в качестве напутствия при отправлении в Москву. По всем основным вопросам наш ответ на требования Советского Союза был отрицательным.

18 и 19 октября по приглашению короля Швеции главы Северных стран собрались в Стокгольме, где были и министры иностранных дел. В Финляндии надеялись получить на встрече поддержку в нашем тяжёлом положении, но результаты не соответствовали нашим ожиданиям. По поводу заседания было опубликовано обычное, ничего не говорящее коммюнике. По окончании войны премьер-министр Швеции Ханссон объяснит в своём выступлении позицию страны. «Надо помнить», – сказал он, что «Северные страны для сохранения своего суверенитета не принимали на себя какие-либо взаимные военные обязательства. Правда, предыдущие переговоры по обеспечению нейтрального статуса Аландских островов предполагали военное содействие Швеции, но по этому вопросу ответ был дан уже 18 октября, непосредственно после встречи глав Северных стран, в ходе моего разговора с министром иностранных дел Финляндии, на котором присутствовали министры обороны и иностранных дел Швеции». Уже тогда были видны признаки возможного конфликта на востоке, сказал далее Ханссон, в связи с чем, считалось наиболее правильным чётко и откровенно заявить о позиции Швеции, которая содержала то, что правительство Швеции бдительно и тщательно стремится удерживать Швецию вне войны; что оно отказывается от военного вмешательства в Финляндии; что со стороны Швеции не было принято никаких обязательств, которые не были бы выполнены, и что правительству Финляндии уже с середины октября формально было объявлено, что не следовало ждать прямой военной помощи со стороны Швеции. Премьер-министр Ханссон добавил, что уже тогда была обещана

иная, не военная, помощь, если она понадобится Финляндии; такую помощь Швеция предоставила в силу своих возможностей.

Таким образом, позиция Швеции, поскольку за правительством стояло подавляющее большинство шведского парламента, была ясна, и с финской стороны в отношении неё не могло быть никакой неопределённости. Что касается обязательств оказания невоенной помощи, обещанной шведским премьером министру иностранных дел Эркко, то её Швеция в период Зимней войны предоставила в полной мере. Предполагаю, что министр Эркко, по возвращении из Стокгольма, сообщил о позиции Швеции членам кабинета министров, многие из которых остались в правительстве и после начала Зимней войны. Я же не получил об этом никакой информации. Когда в ходе войны с нашей стороны делались неоднократные обращения к правительству Швеции по поводу военного вмешательства, то у нас в этом плане существовала какая-то неясность.

VI

Вторая поездка в Москву

Когда 21 октября мы уезжали из Хельсинки, на вокзале нас провожали премьер-министр и министр иностранных дел, а также другие члены правительства, послы Соединённых Штатов и Северных стран, временный поверенный в делах СССР в Финляндии и множество другого народа. Мужской рабочий хор исполнял патриотические песни.

Мы узнали, что русские хотят переговорить с нами двое надвое. На встрече, которая состоялась в рабочем кабинете Молотова в Кремле, присутствовали только Сталин и Молотов, а также Таннер и я. Кроме того, как переводчик, участвовал заведующий отделом МИД Ньюкопп. Поскольку на заседаниях, начиная с этого момента, не было секретарей, о ходе переговоров не составлялся протокол, то и у меня самого нет других записей, кроме тех, что я делал во время заседаний и по возвращении в посольство.

Приветствуя Сталина, Таннер сказал: «Я – меньшевик». Принимая во внимание то, что большевики были яркими противниками меньшевиков, вряд ли Сталин и Молотов были особо рады услышать это слово.

В начале заседания Таннер спросил, может ли он говорить по-немецки или по-английски, но Молотов ответил, что они не понимают ни того, ни другого. Поэтому Таннер сначала говорил по-фински, что переводилось на русский. Но когда разговор пошёл в более свободной манере, то Таннер, который в некоторой степени владел русским языком, счёл более целесообразным использовать именно его.

Вначале я зачитал ответ нашего правительства на предложения русских. После этого я высказал наши замечания по поводу

нарушения воздушного пространства Финляндии советскими лётчиками. По этой теме завязалась дискуссия. Сталин сказал, что мы провели мобилизацию наших войск и что «Советская Россия также собрала кое-какие войска у границы». Это осложняло ситуацию. Советские лётчики осуществляли разведывательные полёты. Сталин признал, что в нормальных условиях нарушение границы недопустимо, но, ведь, условия тогда не были «совсем нормальными».

Я заметил, что между Финляндией и Советским Союзом существовал мир, поэтому должны быть нормальные условия. Мы призвали солдат на службу, что является мерой предосторожности в беспокойное время. Нас не касается то, что Советский Союз делает в пределах своих границ, но ни у кого нет права нарушать неприкосновенность нашей территории. Я передал Сталину список нарушений воздушного пространства. Он обещал подумать над этим. Вопрос не получил дальнейшего развития.

Затем перешли к нашему ответу. Сталин и Молотов сочли его совершенно неудовлетворительным.

Сталин, который на этой встрече преимущественно говорил от их стороны, при минимальном участии Молотова, сразу поднял вопрос о Ханко, сказав, что его решение совершенно необходимо для Советского Союза. Вопрос о передаче Ханко уже обсуждён на высшем военном совете Советского Союза, причём их предложение в отношении Ханко являлось минимальным требованием. Мы повторили, что не можем пойти на передачу Ханко. С нейтралитетом Финляндии плохо согласовывалось бы нахождение вооружённых сил иностранного государства на континентальной части нашей страны. Сталин заметил, что в царский период базы находились на территории Финляндии, включая Ханко и Порккалу. Советский Союз, сказал он, готов сделать то, что мы хотим, чтобы военная база и нахождение русских войск в Ханко в максимальной степени отвечали нашим пожеланиям. Но Советский Союз должен иметь возможность перекрёстным огнём артиллерии перекрыть горловину Финского залива, и это является их непреложным требованием. Мы ответили, что Финляндия не может на это согласиться. Таннер добавил, что ни одно финское правительство не сможет предложить это парламенту, поскольку с ним не согласится народ Финляндии.

Затем перешли к обсуждению Карельского перешейка. Сталин считал, что наше предложение ни в коей степени не могло их удовлетворить, поскольку граница осталась бы слишком близко от Ленинграда. Вместе изучали карты. Сталин начертил новую границу, которая сокращала передаваемую территорию, но была весьма далека от нашего предложения. В отношении островов Койвисто (Березовых) он сказал, что Советская Россия потребует их в любом случае. Мы ответили, что не можем согласиться и с его новой границей. Сталин неоднократно повторял, что Советская Россия для обеспечения безопасности Ленинграда должна иметь возможность владения и прилегающим к городу северным побережьем Финского залива. Поскольку у нас не было разрешения говорить ни о чем другом, кроме т.н. Куоккальского выступа, мы не могли затронуть форт Ино и примыкающую к нему полосу финского побережья. Мы не могли делать ничего иного, кроме того, чтобы занимать отрицательную позицию практически по всем вопросам. По вопросам безопасности Финского залива в Генштабе была подготовлена памятная записка, в которой, практически с теми же аргументами, которые ранее содержались в докладе полковника Паасонена, показывалось, что Финский залив защищён от внешнего нападения. Я высказал это соображение, но на Сталина эти доводы не подействовали. По ходу разговора я повторил, что мы будем оборонять нашу страну и что враг Советской России не сможет напасть на неё через Финляндию. Сталин ответил: «Финляндия мала и слаба. У вас никто не будет спрашивать разрешения. Вы не сможете, пусть и хотели бы, воспрепятствовать ему вступить на вашу территорию». Положив руку на карту в районе Ханко, он произнёс: «Великая держава высадится именно здесь и продолжит своё движение, не взирая на ваше сопротивление». Я: «Вы, господин Сталин, недооцениваете нас. Мы будем сражаться более упорно, чем Вы полагаете».

Молотов поднял вопрос о Рыбачьем, заявив, что мы ничего о нём не говорили. Я ответил, что наше правительство не понимает аргументацию, которую российская сторона изложила для изменения границы в этом районе. Наша цель в Петсамо – это исключительно мирное строительство, поэтому нам важно владеть восточным берегом Печенгского залива. При обсуждении этого вопроса Сталин сказал, что Советскому Союзу необходимо вооружить западное побережье Рыбачьего для контроля за тем, чтобы в Печенгский залив не могла

попасть ни одна великая держава – ни Англия, ни Германия. Я заметил, что в прошлый раз понял слова Сталина таким образом, что Советский Союз согласится не вооружать побережье Северного ледовитого океана аналогично нашим обязательствам по Тартускому мирному договору. Сталин утверждал, что это недоразумение. Следовательно, Советский Союз имел военные цели и на севере.

Молотов ещё спросил, что мы думаем о предложенной с их стороны компенсации. Я ответил, что этот вопрос мы еще не обсуждали, поскольку остаётся неясным, что будет передаваться. Когда этот вопрос будет прояснён, можно говорить и о компенсации.

Таннер заметил, что в Тартуском мирном договоре 1920 г. окончательно согласованы все вопросы отношений Финляндии и России и что этот договор является основой взаимоотношений между странами. По мнению Молотова, условия сейчас совсем иные, чем на момент заключения договора. «Вы, финны, не можете требовать, чтобы условия, согласованные в 1920 г., были достаточны сегодня, и чтобы нынешняя Россия была довольна договором 1920 года», – сказал он.

Разговор продолжался больше двух часов. Не появилось никаких новых предложений. К единому мнению тоже не удалось прийти. В конце встречи мы констатировали это. Мы уехали, даже не договорившись о продолжении переговоров.

Приехав в посольство, где мы жили, начали готовить телеграмму в Хельсинки. Прежде чем мы успели её отправить, позвонил секретарь Молотова, который сообщил о желании советской стороны продолжить переговоры.

В 23 часа мы снова были в Кремле у Сталина и Молотова. Молотов сообщил, что советское правительство еще раз рассмотрело вопросы, являющиеся предметом наших переговоров, а также наш ответ, считая возможным внести некоторые новые предложения. Он зачитал письменное контрпредложение, которое содержало следующее:

«В связи с меморандумом Финляндского Правительства от 23 октября Правительство Советского Союза имеет честь заявить, что на основании соображений, изложенных в меморандуме Советского Правительства от 14 октября, последнее выставило минимальные

предложения, диктуемые элементарными требованиями безопасности Советского государства, в частности Ленинграда, имеющего 3,5 млн населения. Условия эти были выставлены именно как минимальные, при этом Советское Правительство отказалось от своего предложения о заключении пакта взаимопомощи между Советским Союзом и Финляндией, дабы дать Финляндскому Правительству сохранить свой абсолютный нейтралитет, равно как оно отказалось от своего предложения о невооружении Аландских островов или об их вооружении с участием СССР, заменив это свое предложение согласием на вооружение Аландских островов национальными силами самой Финляндии. Советское Правительство пошло на эти кардинальные уступки, поскольку оно рассчитывало на дружественную позицию Финляндии и на ее возможное согласие на минимальные предложения СССР, изложенные в меморандуме от 14 октября.

Обмен мнениями 23 октября между представителями СССР (Молотов, Сталин) и Финляндии (Таннер, Паасикиви) облегчил взаимное понимание сторон, вскрыв вместе с тем наличие разногласий между ними. Учтя результаты обмена мнениями и идя навстречу пожеланиям Финляндского Правительства, Советское Правительство заявляет:

1. Советское Правительство не может отказаться от своего предложения о предоставлении Советскому Союзу военно-морской базы в Ханко, считая это свое предложение абсолютно необходимым условием для минимального обеспечения безопасности Ленинграда, при этом Советское Правительство во изменение его меморандума от 14 октября считает возможным держать сухопутные войска для охраны военно-морской базы в количестве не более четырех тысяч человек, ограничив время пребывания этих войск в районе Ханко периодом времени до окончания англо-франко-германской

войны в Европе.

2. Советское Правительство считает невозможным согласиться на предоставление десятиверстной полосы финляндской территории на Карельском перешейке в обмен на территорию СССР, как это предложено в меморандуме Финляндского Правительства от 23 октября, ибо оно считает эту меру совершенно недостаточной для обеспечения минимальной безопасности подступов к Ленинграду со

стороны восточной оконечности Финского залива. Советское Правительство, идя навстречу Финляндии, считает, однако, возможным в крайнем случае несколько изменить свое первоначальное предложение, уменьшив размер территории на Карельском перешейке, отходящей к СССР в обмен на территорию СССР согласно приложенной карте; при этом первоначальное предложение Советского Правительства об острове Бьёрке остается в силе.

3. Остальные предложения, изложенные в меморандуме Советского Правительства от 14 октября, Советское Правительство считает необходимым оставить в силе.

4. Советское Правительство принимает предложение Финляндского Правительства об изменении статьи 2 пункта 1 пакта о ненападении»⁵³.

Выслушав предложение русских, мы заявили, что существует не так много надежд прийти к взаимопониманию на его основе. Мы обещали довести предложение до сведения нашего правительства и дать ответ как можно скорее. Возникла дискуссия. Как быстро это может произойти. Сталин и Молотов считали, что мы могли бы довести предложение до нашего правительства по телеграфу. Говорили и о том, сколь много времени займёт поездка в Хельсинки. В ходе этого разговора Молотов сказал: «Вы хотите довести дело до конфликта?» Я ответил: «Мы, конечно же, стремимся избежать конфликта, но нам надо учитывать и интересы Финляндии».

Я пометил в своём дневнике 23.10: «В общем и целом в этой дискуссии в конкретной и грубой форме проявился менталитет великой державы, её позиция, которая не принимает во внимание интересы малого государства».

Обсудив вопрос после встречи, мы решили отправиться в Хельсинки для переговоров с правительством.

Их моего дневника от 23.10.:

«По-моему, надо подумать над тем, чтобы предложить России Юссярё вместо Ханко, если Россия на это согласится.

---

⁵³ Опубликовано в: Международная жизнь. 1989. № 8. С. 64–65.

На Карельском перешейке надо было бы предложить форт Ино, а также участок побережья между Ино и Куоккальским выступом, чтобы Россия могла организовать оборону Ленинграда.

На полуострове Рыбачий можно было бы предложить северную оконечность.

Кроме этого, острова в Финском заливе, которые уже обещаны.

Если на таких условиях получится заключить договор и избежать войны, это было бы хорошо. Но непонятно, согласятся ли с этим русские».

Нам, по моему убеждению, надо было искать компромиссные предложения, чтобы добиться подписания договора и избежать втягивания в конфликт, который мог стать для нас роковым. База была важнейшим вопросом для русских, и нам надо было в этом отношении идти на уступки. Надо было избежать передачи полуострова Ханко, поскольку приход Советов на континентальную часть Финляндии, расположенную далеко на западе, мог быть сопряжён с различными трудностями. Компромиссное предложение по базе было сложным, поскольку не так просто найти острова, которые хоть в какой-то мере удовлетворяли военным требованиям русских и которые можно было бы передать, не создавая для Финляндии большой опасности. Юссярё был возможным вариантом. По своему местоположению он мог бы удовлетворить русских, но его площадь была мала. Следовало задаться вопросом, удовлетворятся ли этим русские, особенно если сравнить его с территорией Ханко, вопрос о которой они вскоре поднимут на переговорах о заключении мира после Зимней войны. Но если рассуждать о претензиях русских осенью 1939 года и потерях по будущему Московскому мирному договору, следовало отметить, что разница была не столь велика, как между территориями, обозначенными Сталиным на переговорах 1939 г., и всей Карелией, и другими территориями, которые Финляндия утратит по мирному договору. В ходе одного из разговоров маршал Маннергейм упомянул в качестве возможной альтернативы какой-то другой большой остров. Сделав по базе позитивное контрпредложение, мы могли бы сдвинуться с места в переговорах, на которых мы из-за нашей резко негативной позиции не могли и пошевелиться. Возможно, по мере продолжения диалога мы могли бы

найти компромиссное предложение, поскольку, по моему впечатлению, у Сталина было желание добиться результата.

VII

В Хельсинки 26–31 октября

Мы выехали из Москвы вечером следующего дня и утром 26 октября прибыли в Хельсинки. На вокзале, несмотря на раннее утро, помимо официальных встречавших, опять было много народа.

Сначала мы посетили президента Каллио, на встрече с которым были также премьер-министр Каяндер и министр иностранных дел Эркко. Выступили с отчётом о переговорах в Москве. Через полковника Паасонена я передал предложения русских маршалу Маннергейму.

Во второй половине дня состоялось заседание правительства. До этого я был у Эркко. Я говорил о базах, предложив сделать русским контрпредложение, отдав остров Юссярё.

Из моего дневника: «Эркко по-прежнему придерживается точки зрения, что нельзя отдавать даже Юссярё. Он сказал, что подаст в отставку, если правительство не поддержит его точку зрения. Я ответил, что отставка – удивительно лёгкое решение, но она не решит ни одного вопроса. Эркко думал, что русские, несомненно, откажутся от претензий на Ханко. Он придавал очень большое внимание тем проявлениям общественного мнения, которые возникали за рубежом в нашу поддержку. Я серьёзно говорил о Юссярё, но Эркко этого не одобрил».

На заседании правительства мы отчитались и о последнем раунде переговоров в Москве. Таннер заявил, что мы должны занять определённую позицию и представить вопрос парламенту. Он отметил трудное и небезопасное положение малых государств, а также упомянул слова Молотова о том, что Тартуский договор был заключён в тогдашних условиях, сейчас же условия изменились. Нам

надо – он сказал – продумать, чем можно поступиться, и за этим предложением стоять до конца или погибнуть.

В правительстве сложилась общая позиция, согласно которой до продолжения переговоров в Москве вопрос должен быть вынесен в парламент для получения одобрения. До этого правительству следовало сформулировать своё предложение.

Министр Ханнула обратил внимание на то, что публикации газет на эту тему излишне оптимистичны, включая и те, что даны со стороны министерства иностранных дел.

В тот же вечер у премьер-министра Каяндера состоялось совещание, на котором присутствовали члены «военного кабинета» – сам Каяндер, министры Таннер, Ниукканен и Эркко, маршал Маннергейм и я.

В начале заседания Каяндер спросил, как долго мы сможем воевать.

Маннергейм представил пессимистическую точку зрения. У нас недостаточно военного снаряжения, в частности, артиллерийских снарядов.

Из моего дневника:

«По его, Маннергейма, мнению, мы не сможем выдержать войну. Это вызвало удивление и недовольство Эркко. Министр обороны Ниукканен считал, что наши возможности обороняться лучше. Завязался весьма грустный разговор о наших возможностях. По его окончании маршал покинул заседание».

Предложения русских были изучены от начала до конца.

Была высказана точка зрения о том, чтобы не соглашаться на требования по Ханко. Я предложил рассмотреть вариант Юссярё для передачи в аренду.

Эркко возражал против этого предложения, считая, со ссылкой на мнение юристов, что нейтралитет Финляндии не допускает аренду территорий. Я выразил сомнение в компетентности мнения Эркко, отметив, что, насколько мне известно, Соединённые Штаты арендуют на Кубе место под размещение военного порта.

На Карельском перешейке можно было предложить Ино как отдельный форт (предложение В). По передаче участка побережья между Ино и прежней границей (предложение С) возникли разногласия. Я считал, что надо предложить оба варианта, но сначала высказаться в пользу варианта В, сохраняя право внести и предложение С.

Когда зашла речь о Рыбачьем, Эркко отверг все уступки. Я считал, что, по крайней мере, северную часть можно было уступить, хотя Сталин и сообщил, что Советский Союз собирается создать там укрепления.

Следующие дни прошли в бесконечных заседаниях. В один из вечеров министр обороны Ниукканен пригласил в гостиницу «Кэмп» генерала Эстермана с целью «подкрепить» меня, поскольку я был настроен пессимистически в отношении возможной войны. Мы долго говорили втроём. Из моего дневника: «Эстерман сказал, что если начнётся война с Россией, то мы её проиграем. [...] Без малейшего сомнения мы войну проиграем. Это Эстерман повторял многократно. После его ухода я заметил Ниукканену, что Эстерман не смог поддержать его против моего мнения. Ниукканен сказал, что военное руководство настроено слишком пессимистично. Иными словами, как Маннергейм, так и Эстерман считают, что война будет проиграна».

28 октября: «Тяжёлый день». На заседании правительства рассматривали предложение МИД по инструкциям к переговорам. Во многих пунктах содержалась помета «окончательное предложение», включает в себя «последнюю, крайнюю уступку», что весьма наглядно отражало сложившуюся ситуацию. Я предложил убрать такие слова, поскольку, по моему мнению, они затрудняли возможность дополнительных уступок. Некоторые министры возражали против моих предложений. Из последней версии документа они все же были убраны, за исключением одной резкой фразы, подводящей в конце документа итог всему вышеизложенному: правительство Финляндии «считает, что это – крайняя граница, до которой можно дойти в своих уступках». Прежде чем показать документ Сталину и Молотову, мы с Таннером, на свой страх и риск удалили эту фразу.

В тот же день предложение рассматривалось на совместном заседании правительства и представителей парламентских фракций. Присутствовал и председатель парламента. Министр обороны

Ниукканен заявил: «Армия находится в первоклассном состоянии. Мы уступаем по артиллерии. А также по противовоздушной обороне и авиации. Фронт выдержит наступление, но в воздухе русские могут завоевать ужасающее превосходство и причинить разрушения. Военное руководство считает, что надо стараться до последнего избегать войны. Но на Карельском перешейке нельзя идти на слишком серьёзные уступки. Война выгоднее, чем требования России. Иначе впереди нас ждёт судьба Чехословакии».

Эркко сообщил – впервые за всё время, что многие иностранные государства подчёркивают важность нахождения компромисса по этому противоречию с Россией. Однако он по-прежнему оставался на своей старой позиции.

Представители парламентских фракций возражали против передачи базы в Ханко, равно как и больших территориальных уступок на Карельском перешейке. Председатель Хаккила особо отметил: «Малые государства не вернут себе то, что отдали».

Вечером вопрос рассматривался на заседании делегаций парламентских фракций, где была одобрена позиция правительства. Я представлял вопрос на заседаниях фракций Коалиционной партии и Патриотического народного движения (IKL).

В воскресенье, 29 октября, состоялось заседание правительства, на котором председатели парламентских фракций сообщили о поддержке их фракциями предложений правительства. Согласно заметкам, которые я делал в ходе заседания, представитель социал-демократической фракции Пеккала заострил внимание на опасности войны, если переговоры будут прерваны. Представитель фракции Шведской народной партии Фуруельм подчеркнул, что войну надо избежать, поэтому план правительства не следует по всем пунктам считать окончательным словом. Премьер-министр Каяндер сказал, что, если возникнут веские обстоятельства, то разрыва переговоров не получится избежать. Представители других парламентских фракций также подчёркивали, что в отношении Ханко и уступок по Карельскому перешейку нельзя идти дальше, даже если переговоры будут прерваны. Эркко, считавший, что русские будут до конца держаться за Ханко, выразил, однако, свою уверенность в том, что и они не хотят доводить конфликт до военного решения, полагая, что русские пойдут на наши предложения.

Я заявил, что считаю возможным то, что русские не откажутся от Ханко. Тогда будет важно попробовать поступить таким образом, чтобы, с одной стороны, мы не допустили прекращения переговоров, а, с другой, чтобы у них не возникло представления о нашем нежелании оставаться на своей позиции, что поставило бы нас на переговорах в заведомо слабое положение. В такой ситуации дальнейшая линия поведения должна согласовываться с министром иностранных дел.

30 октября я обедал с Эркко. Из моего дневника: «Он по-прежнему был настроен весьма оптимистически, думал, что русские примут наше предложение».

Вечером мы обсуждали с Таннером вопрос о компенсациях, который пока остаётся неясен. Мы считали, что даже если получим предложенную русскими двукратную территорию в Репола, то она не будет соответствовать ценности передаваемых нами территорий. Таннер обещал подумать над этим.

31 октября на заседании в государственном совете с участием президента были утверждены окончательные инструкции по переговорам. После заседания, получая напутствия от премьер-министра Каяндера, я поднял вопрос о Юссярё. Я сказал, что, по моему мнению, русские не откажутся от требования базы, поэтому нам надо подготовить контрпредложение, если мы хотим прийти к соглашению. Каяндер сказал, что вопрос в настоящее время прорабатывается.

Инструкции, переданные нам правительством, содержали резко отрицательную позицию по базе. Правительство Финляндии – говорилось в ответе – придерживается неприкосновенности Финляндии и её нейтралитета. Оно не может согласиться с тем, чтобы на территории Финляндии в той или иной форме содержались гарнизон или военно-морская база другого государства. Это не согласуется с суверенитетом Финляндии, международным положением Финляндии, а также принятым ею безоговорочным нейтралитетом.

Помимо старого предложения, касавшегося островов Сейскари, Пенинсаари, Лавансаари и Тютерс, правительство сообщало о готовности вести переговоры по острову Гогланд, имея в виду, что

упомянутые Советским Союзом вопросы безопасности города Ленинграда, а также безопасность Финляндии будут приняты во внимание.

Сообщалось, что на Карельском перешейке нельзя было принять даже последнее предложение Советского Союза, поскольку в этом случае пограничная линия была бы передвинута слишком близко к крупнейшему внешнеторговому порту и центру всей Восточной Финляндии. Это означало бы также пренебрежение аспектами безопасности Финляндии и отказ от принципа, в соответствии с которым будут учитываться вопросы безопасности обеих сторон. Однако правительство считало возможным согласиться на передачу несколько большей, чем было предложено ранее, территории на северном берегу Финского залива. Новая граница могла бы пройти по линии: устье реки Ваммелйоки – река Ваммелйоки – река Линтуланйоки – озеро Каукярви – нынешняя госграница. Благодаря этому достаточно протяжённая и большая по глубине территория на северном берегу оконечности Финского залива перешла бы Советскому Союзу.

Правительство согласилось передать и принадлежащую Финляндии северную часть острова Рыбачий.

Кроме этого, в ответе правительства затрагивался вопрос о компенсациях.

Отвергалось предложение Советского Союза по демонтажу оборонительного рубежа на Карельском перешейке. Безусловный нейтралитет, который был определяющим для политики правительства Финляндии, обязывал его заботиться об обеспечении своих границ. Этим были продиктованы оборонительные мероприятия, предпринятые Финляндией. В обычное время Финляндия намеревалась использовать в пограничной зоне в качестве вооружённой силы лишь пограничную охрану.

Наконец, правительство Финляндии констатировало, что Советский Союз не возражает против создания на Аландских островах оборонительных сооружений собственными силами Финляндии, что и было её целью в стремлении обеспечить нейтралитет Аландских островов.

Ответ завершался следующим образом: «Правительство Финляндии внимательно изучило вышеизложенное предложение.¹ Отрицательная позиция, которую правительство Финляндии разделяет по поводу отдельных пожеланий Советского Союза, не исходит из того, что правительство Финляндии не желает понимать те устремления, которые Советское правительство может иметь в отношении укрепления безопасности Ленинграда. Тем более, что правительство Финляндии приняло их во внимание, согласившись в известных пределах на предложения Советского Союза.

Таким образом, правительство Финляндии от имени своего единодушного народа предоставило Советскому Союзу позитивное доказательство своего желания понимать важные для Советского Союза аспекты безопасности, а также показало, что в своём стремлении поставить политические отношения на удовлетворительную основу оно пошло столь далеко, сколько позволяют её собственные независимость, безопасность и нейтралитет. Те жертвы, на которые Финляндия соглашается в пользу Советского Союза ради улучшения добрососедских отношений и укрепления мира, являются крайне тяжёлыми для народа Финляндии, поскольку они затрагивают исконное финское поселение, которое в течение столетий входило в государственную территорию Финляндии.

В завершение правительство Финляндии сообщает, что достижение этого соглашения зависит от его утверждения парламентом Финляндии в порядке, установленном конституционными законами Финляндии».

Спустя годы вновь и вновь приходится задумываться над тем, какой в действительности была атмосфера в тогдашней Финляндии. Следует признать, что в различных слоях общества, причем не только в среде далёкой от этих дел молодёжи, но и в весьма ответственных кругах, проявлялись настроения бездумной бравады. Можно было бы ожидать, что депутаты парламента от буржуазных фракций будут способны посмотреть на состояние дел с позиции разумного реализма. Собственно говоря, способных на это в их среде

практически не было. Как следует из моего дневника, один влиятельный депутат от Коалиционной партии рассказал мне на заключительном этапе Зимней войны, что его фракция во время переговоров осени 1939 года направляла своих представителей к маршалу Маннергейму, чтобы узнать его мнение. По возвращении один из них, входивший в высшее руководство партии, сказал, что Маннергейм уже старый и болезненный человек, который всего боится и слову которого нельзя доверять. Конечно, в народе и среди руководства страны ощущалась большая озабоченность. Вместе с тем превалировала какая-то фаталистическая вера. Важные внешнеполитические решения особенно сложны потому, что наперёд невозможно точно сказать, правильно ли выбранное решение. Это покажет только будущее, нередко спустя много лет. При обдумывании решений, которые требуют тех или иных жертв, всегда не отпускает мысль: может, дела, всё же, пойдут иначе, чем мы опасаемся; как знать, вдруг противная сторона уступит, если мы будем жёстко себя вести, или вдруг они блефуют. Что же касается нас, то нельзя забывать и веру финского народа в законы, документы и подписанные договоры. Советская Россия не может напасть на нас, поскольку у неё нет на то законного права, поскольку общественное мнение и симпатии всего мира на нашей стороне – так полагали. У нас в Финляндии вера в победу права была велика. В соответствии с убеждениями финского народа, право, особенно оформленное в письменном виде, благодаря какой-то мистической и необъяснимой силе, царящей во всемирной истории, всегда победит. Доказательством этого была сама история Финляндии, не в последнюю очередь, предшествующих десятилетий, когда мы, в конечном итоге, всегда обретали спасение. Значит, и сейчас мы так или иначе спасёмся – таковым было общее убеждение народа Финляндии. Это кажется наивным в нашем суровом мире. Но именно так, я полагаю, и думал финский народ в глубине своей души осенью 1939 и наступившей за ней зимой 1940 года.

VIII

Третья поездка в Москву

Вечером 31 октября мы снова отправились в Москву. Помимо полковника Паасонена и заведующего отделом Ньюкоппа с нами в качестве помощника поехал посол по особым поручениям Хаккарайнен. На вокзале нас, помимо официальных финских лиц, провожали послы Соединённых Штатов и Северных стран, временный поверенный в делах Советского Союза, а также огромная толпа простого народа.

Утром, по прибытии в Выборг, мы получили телеграмму от Эркко, в которой говорилось, что накануне Молотов на заседании Верховного Совета огласил требования Советской России, предъявленные Финляндии. Поскольку это влияло на изменение ситуации, Эркко призывал нас вернуться в Хельсинки. Несколько позже пришло сообщение, что приказ о возвращении отменён. Мы связались с Эркко по телефону. Он сказал, что госсовет, собравшийся на своё заседание в 3 часа ночи, большинством голосов решил передать вопрос о продолжении или прекращении поездки на рассмотрение Таннера и меня. По мнению Эркко, поездку следовало прервать и вновь обсудить возникшую ситуацию. Мы не видели причин для прекращения поездки, считая необходимым продолжение переговоров, несмотря на выступление Молотова.

Накануне в Москве началась сессия Верховного Совета СССР. На ней надо было принять представителей завоёванных Советским Союзом Западной Украины и Западной Белоруссии, которые прибыли просить согласия Верховного Совета на включение упомянутых народов и территорий в состав Советского Союза. До рассмотрения этих вопросов Молотов выступил с докладом о внешней политике Правительства Советского Союза.

Выступление Молотова и по прошествии времени не утратило интереса. Сначала он затронул отношения Советского Союза с Германией. Договор, подписанный 23 августа, положил конец ненормальным отношениям между двумя державами, – сказал Молотов. На смену вражде, всячески подогревавшейся со стороны некоторых европейских держав, пришло сближение и установление дружественных отношений между СССР и Германией. События показали, что новые советско-германские отношения строятся на прочной основе двухсторонних интересов. Советский Союз всегда считал сильную Германию необходимым условием прочного мира в Европе. Затем Молотов коснулся молниеносного распада Польши, «этого уродливого детища Версальского договора», которой не помогли ни английские, ни французские гарантии. Население завоеванных Красной Армией территорий с неописуемым восторгом приветствовало новую великую победу советской державы, – сказал Молотов. В-третьих, он говорил о войне между Германией и англо-французским блоком. «О восстановлении старой Польши, как каждому понятно, не может быть и речи». Поэтому бессмысленным является продолжение теперешней войны ради этой цели. Идеологическая война против гитлеризма бессмысленна, даже преступна. Действительная причина войны Англии и Франции против Германии – это опасение потерять мировое господство. Советская Россия поддерживает стремления Германии к миру. Положение Советского Союза и его международное значение значительно укрепились благодаря последовательной мирной политике.

Говоря о прибалтийских странах, с которыми только что были заключены договоры о взаимопомощи, Молотов подчеркнул, как дружественные отношения, существовавшие между ними и Советским Союзом, создали благоприятные предпосылки для проведённых только что переговоров и подписанных договоров. Поскольку прибалтийские страны в силу своего географического положения являлись своеобразными подступами к СССР, эти пакты предоставляют право иметь военные базы, которые обеспечивают безопасность и самих прибалтийских государств. Характер этих соглашений не предполагает никакого вмешательства Советского Союза в дела Эстонии, Латвии и Литвы. Напротив, все эти пакты взаимопомощи твердо оговаривают суверенитет, неприкосновенность

прибалтийских государств, а также принцип невмешательства в дела другого государства. В основе этих пактов лежит взаимное уважение государственной, социальной и экономической структуры другой стороны. «Мы стоим за честное и пунктуальное проведение в жизнь заключенных пактов на условиях полной взаимности и заявляем, что болтовня о советизации прибалтийских стран выгодна только нашим общим врагам и всяким антисоветским провокаторам», – сказал Молотов.

«В особом положении находятся наши отношения с Финляндией», продолжал Молотов. «Это объясняется, главным образом, тем, что в Финляндии больше сказываются разного рода внешние влияния со стороны третьих держав. Беспристрастные люди должны, однако, признать, что те же вопросы обеспечения безопасности Советского Союза и, особенно, Ленинграда, которые стояли в переговорах с Эстонией, – стоят и в переговорах с Финляндией. Можно сказать, что в некотором отношении вопросы безопасности для Советского Союза здесь стоят даже острее, поскольку главный, после Москвы, город советского государства – Ленинград, находится всего в 32 километрах от границы Финляндии. [...] С другой стороны, морские подступы к Ленинграду также в значительной мере зависят от того – враждебную или дружественную позицию в отношении Советского Союза занимает Финляндия, которой принадлежит вся северная часть побережья Финского залива и все острова вдоль центральной части Финского залива. Считаясь с таким положением, а также с создавшейся в Европе обстановкой, можно рассчитывать, что со стороны Финляндии будет проявлено должное понимание». После этого Молотов подчеркнул, что только Советское Правительство, признающее принцип свободного развития национальностей, могло обеспечить независимость Финляндии и что никакое правительство в России, кроме советского, не может допустить существование независимой Финляндии у самых ворот Ленинграда.

Затем Молотов перешёл к проходившим в это время переговорам и заявил, что в современной международной обстановке, когда в центре Европы развертывается война между крупнейшими государствами, чреватая большими неожиданностями и опасностями для всех европейских государств, Советский Союз не только имеет право, но и обязан принимать серьезные меры для укрепления своей

безопасности. При этом естественно, что Советское Правительство проявляет особую заботу относительно Финского залива, являющегося морским подступом к Ленинграду, а также относительно той сухопутной границы, которая в каких-нибудь 30 километрах нависла над Ленинградом. Сославшись на различные небылицы относительно требований Советского Союза, он посчитал предложения Советского Союза в переговорах с Финляндией максимально скромными и ограничивающимися тем минимумом, без которого невозможно обеспечить безопасность СССР и наладить дружеские отношения.

Затем Молотов изложил содержание советских предложений – как сначала было предложено заключение договора о взаимной помощи между Советским Союзом и Финляндией, но поскольку правительство Финляндии сочло, что подписание такого договора находится в противоречии с политикой её безусловного нейтралитета, то Советский Союз не стал настаивать на своём предложении. Тогда было предложено перейти к конкретным вопросам, которые касались вопросов обеспечения безопасности Советского Союза и особенно Ленинграда. Молотов объяснил необходимость переноса границы на Карельском перешейке и аренды базы в горловине Финского залива. «Мы не сомневаемся в том», сказал он, «что создание такой базы соответствует интересам не только Советского Союза, но и безопасности самой Финляндии». Затронув другие предложения Советского Союза, по которым, как он полагал, вполне достижимо взаимопонимание, а также обещание советского правительства по поводу вооружения Аландских островов, разоружения укрепленных районов на Карельском перешейке и усиления договора о ненападении, Молотов заявил: «После всего этого мы не думаем, чтобы со стороны Финляндии стали искать повода к срыву предполагаемого соглашения. Это не соответствовало бы политике дружественных советско-финских отношений и, конечно, нанесло бы серьезный ущерб Финляндии.

Мы уверены, что руководящими финляндскими кругами будет правильно понято значение укрепления советско-финских дружественных отношений и финляндские деятели не поддадутся какому-либо антисоветскому давлению и подстрекательству со стороны кого бы то ни было».

Рассказав о послании президента Соединённых Штатов Америки Рузвельта в поддержку Финляндии, направленном на имя Председателя Президиума Верховного Совета Калинина, о чём я уже говорил, Молотов закончил эту часть своего выступления следующими словами: «После такого ясного ответа Председателя Президиума Верховного Совета СССР должно быть совершенно понятно, что, при наличии доброй воли, Финляндское правительство пойдет навстречу нашим минимальным предложениям, которые не только не противоречат национальным и государственным интересам Финляндии, но укрепляют ее внешнюю безопасность и создают широкую базу для дальнейшего широкого развития политических и хозяйственных отношений между нашими странами»^{54*}.

Кроме этого, Молотов коснулся отношений Советского Союза с Турцией и Японией.

Нельзя не считать одностороннее доведение до общественности предложений Советского Союза и хода незавершённых переговоров, мягко говоря, странным поступком, неприемлемым с точки зрения обычных процедур. Это оказало вредное воздействие на весь ход переговоров. Если целью этого не было поставить нас перед «свершившимся фактом» и тем самым оказать на нас воздействие, что стало бы просчётом, в нём отразилось снисходительное пренебрежение великой державы к малому государству; на переговорах с другой великой державой такое поведение вряд ли стало бы возможным. Однако, в общем и целом выступление Молотова было сдержанным и деловитым. Конечно, в нём сквозило истинно русское предубеждение, когда говорилось о, якобы, существовавшем в Финляндии антисоветском давлении и подстрекательстве извне, со стороны третьих государств, которому, якобы, были подвержены финляндские деятели. Нетрудно догадаться, что эти расплывчатые намёки были адресованы западным великим державам; с Германией Советский Союз только что заключил долгосрочный договор. Эти подозрения не имели под собой ни малейших оснований. Кроме того, в докладе Молотова можно было в двух местах прочесть некую угрозу, или, по крайней мере,

---

⁵⁴ Цит. по: Доклад Молотова.....

* Часть доклада Молотова, касающаяся Финляндии, в переводе на финский язык полностью включена в том I «Сине-белой книги» Финляндии, С. 53–58. В данном случае цитируется русская стенограмма доклада Молотова.

предупреждение, когда говорилось о том, что предложения Советского Союза сокращены «до того минимума, без которого [...] нельзя развивать дружественные отношения с Финляндией», а также давалось понять, что срыв запланированного Советским Союзом соглашения «нанес бы серьезный ущерб Финляндии»⁵⁵.

В прениях по докладу выступил лишь один оратор, депутат А.А. Кузнецов, представитель Ленинграда, один из членов советского руководства. Внешняя политика Советского Правительства, сказал он, была за прошедшие два месяца настоящим триумфом: договоры дружбы и границе между СССР и Германией, оказание помощи народам Западной Украины и Белоруссии, пакты о взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой. [...] Истекшие два месяца полностью подтвердили правильность оценки политического значения советско-германского сближения. Заключенный советско-германский договор о ненападении не только оправдал себя, но и позволил пойти дальше по пути укрепления мирных, дружественных отношений между двумя самыми большими государствами в Европе. Он напомнил о «мертворожденном польском государстве», а также об охватившем всю Советскую Россию «безграничном патриотическом подъёме», вызванном вступлением Красной Армии в Польшу. Заключенные пакты о взаимопомощи между СССР и Эстонией, Латвией и Литвой имеют крупнейшее политическое значение. Они лишней раз подчеркивают принципы советской политики по отношению к малым народам. Эти договоры служат действительному укреплению дела мира. «Тем более непонятным становится поведение правящих кругов Финляндии. Я не знаю, на кого рассчитывают представители этих правящих кругов». По предложению Кузнецова внешняя политика правительства была единогласно одобрена.

Однако вернёмся к нашей поездке!

Мы прибыли в Москву утром 2 ноября. На вокзале встречали заведующий протокольным отделом Барков и полномочный представитель СССР в Финляндии Деревянский, посланники Северных стран – Винтер от Швеции, Масенг от Норвегии и Болт-Йоргенсен от Дании, а также наш посол Ирвё-Коскинен и сотрудники нашего посольства.

---

⁵⁵ В данном предложении приводятся не цитаты из речи Молотова, но ее авторское изложение.

Вечером мы присутствовали на заседании советского парламента, Верховного Совета. Оно проходило в Кремле, в большом, светлом, хорошо освещённом зале. В другом конце зала, за рядами президиума, в лучах света возвышался большой памятник Ленина. В зале, включая балкон, собралось около двух тысяч человек. Учитывая значимость обсуждавшихся вопросов, все они на этот раз рассматривались на совместном заседании двух палат Верховного Совета.

Членов Президиума и других членов руководства, особенно Сталина, делегаты приветствовали вставанием и бурными аплодисментами. Раздавались возгласы: «Да здравствует товарищ Сталин! Товарищу Сталину ура!» Главные персоны размещались на возвышении по обе стороны от трибуны; налево от председателя – члены правительства, Председатель Совета Народных Комиссаров Молотов в первом ряду, справа – руководители партии. Сталин, у которого в тот момент не было другой официальной должности, кроме должности генерального секретаря партии, разместился сзади, в третьем ряду.

На повестке стоял вопрос о принятии Западной Белоруссии в состав Советского Союза. В зал заседания вошла делегация, человек двадцать-тридцать, заняв место перед трибуной. В стенограмме отмечено: «Бурные аплодисменты. Овация всего зала. Все встают. Раздаются возгласы: «Да здравствует освобожденный народ Западной Белоруссии!», «Да здравствует наш вождь, учитель и друг товарищ Сталин!»

Право передаётся белорусским представителям. Первым, согласно стенограмме, выступал рабочий-пильщик, вторым поэт, третьей была женщина, а четвёртым крестьянин. Все они говорили по-белорусски; на вопрос председателя, нужен ли перевод на русский, делегаты ответили отрицательно. Пятым был инженер, говоривший по-польски. Его выступление тоже не переводилось. Шестым был крестьянин, говоривший на русском языке. Седьмая, крестьянка, опять говорила по-белорусски. Восьмой, рабочий текстильной фабрики, снова говорил по-польски, после чего было ещё два выступления на белорусском языке. Во всех выступлениях в ярких выражениях говорилось о том, в сколь ужасающих условиях жил ранее народ Белоруссии и как наступило счастье. Советскую Россию,

Красную Армию, но особенно Сталина, высокопарно благодарили за счастливый поворот судьбы. Первый выступавший зачитал заявление Полномочной Комиссии Народного Собрания Западной Белоруссии, в котором содержалась просьба о принятии Белоруссии в состав Советского Союза и воссоединении в рамках Белорусской Советской Социалистической Республики, после чего заявление было передано председателю. Всех выступавших встречали бурными аплодисментами, неоднократно прерывавшими выступления. От имени Правительства выступил заместитель Председателя Совета народных комиссаров Булганин, предложивший, чтобы Верховный Совет удовлетворил просьбу представителей Западной Белоруссии. Голосовали поднятием рук отдельно по каждой палате. Стало ясно, что никто не голосует против и не воздерживается от голосования, в связи с чем председатель констатировал, что обе палаты единогласно одобрили просьбу представителей Западной Белоруссии.

Я впервые был на заседании Верховного Совета СССР, на которых позже, уже будучи послом, имел возможность неоднократно присутствовать, а также знакомиться со стенограммами предыдущих заседаний.

Специфический тон выступлений делегатов, понятно, обращал на себя внимание северянина. Создавалось впечатление, что существовали определённые устоявшиеся клише, которые накладывали отпечаток на каждое выступление и от которых не отклонялся никто из ораторов, включая членов правительства. Его неотъемлемой частью было то, что лейтмотив выступления всегда шёл в одной и той же тональности. Страстно благодарили советскую систему, сталинскую конституцию, «нашу славную партию Ленина-Сталина» и советскую демократию; превозносили великолепный прогресс Советской России, доказывали, насколько счастливой, зажиточной и культурной была жизнь народа, а также сколь плачевны были условия в капиталистических странах; с гордостью говорили о военной мощи Советского Союза; и, прежде всего, в каждом выступлении в чуждой для представителя Севера тональности и количестве превозносили Сталина. Место для слов благодарности в адрес Сталина и его превознесения было в каждом выступлении, даже в заявлениях членов советского правительства. «Великий руководитель народов», «Величайший гений человечества», «Великий Сталин» – были самыми распространёнными эпитетами. Всегда за

выступлением следовали бурные аплодисменты, часто кричали «Да здравствует Сталин!» Когда аплодисменты продолжались достаточно долго, председатель с помощью громкого электрического звонка подавал знак, что овации можно завершать, регулируя тем самым продолжительность этой демонстрации в зависимости от важности дела или персоны. Это был весьма практичный порядок.

В один из дней «Правда» рассказала о мероприятии, на котором Сталин принимал в Кремле представителей армянских деятелей искусства. Первым выступил председатель комитета по делам искусства при СНК, завершивший свою речь следующими словами: «На мою долю выпало безграничное счастье передать приветствие тому, кто, подобно ослепительному солнцу, озарил всю нашу жизнь, кто возродил наш народ к новой, светлой жизни, Вам, дорогой всем нам Иосиф Виссарионович! Да здравствует вдохновитель наших побед Великий Сталин!» Здесь сразу пахнуло временами царской России.

Я рассказываю об этом только для констатации, но вовсе не для критики. Пропаганда должна применяться в соответствии со свойствами и менталитетом каждого народа. То, чего не понимаем мы, жители северной страны, может подходить другому народу. Привычки и поведение других не стоит оценивать с позиций наших условий и наших взглядов. Похоже, что использование высокопарных слов всегда было свойственно русским, независимо от того, кем они были – подданными царя или большевиками. Культ личности имеет в Советском Союзе, как и вообще в странах с диктаторскими режимами, совершенно иное значение, чем у нас, народов, выросших в условиях либеральных принципов гражданских свобод, где стараются придерживаться умеренности и соразмерности. Ход событий показал, что в Советском Союзе использование присущей им мощной пропаганды позволило добиться значительных результатов. Руководители Советского Союза, старые и опытные вожаки масс, знают свой народ и то, с помощью каких средств им можно управлять. Сталин умеет оценивать значение культа личности в руководстве народами Советского Союза. Он понимает и юмор. На съезде Коммунистической партии в 1934 году он критиковал тех, кто говорит, но не работает. Когда таких людей снимают с должностей, они в удивлении разводят руками и восклицают: «Разве мы не делали всего того, что требовалось? [...] Разве мы не провозглашали лозунги

партии и правительства, разве мы не выбирали весь состав Политбюро в почетный президиум и не направляли приветствия товарищу Сталину – чего же ещё от нас хотят?» Так сказал Сталин под смех присутствующих.

Говоря о советском парламенте, Верховном Совете, необходимо помнить, что этот орган делает только первые шаги. Поэтому к нему нельзя предъявлять те требования, которым, соответственно западному опыту, можно удовлетворить лишь в результате длительного парламентского развития и сложившихся при этом традиций. Если нормальное развитие продолжится, то появятся основа и возможность для формирования органов, отвечающих потребностям народа России и государства.

Повторюсь – я рассказываю это не для того, чтобы критиковать. Но почему я упомянул это? Потому, что, слушая разговоры в Верховном Совете и знакомясь с его деятельностью, меня не оставляла мысль: Этот парламент, его формы работы и царящая в нём атмосфера не подходят нам. Он чужд нашим традициям, нашему мировоззрению, нашим принципам и идеалам.

Выше уже говорились о том, что на заседании Верховного Совета белорусы и поляки говорили на своих языках; так же накануне поступали и представители Западной Украины, когда их принимали в состав Советского Союза – это был внешний признак равенства национальностей. Тогда использование новыми гражданами своих языков произвело хорошее впечатление. С законодательной точки зрения, различные национальности Советского Союза имеют свои языковые права. О заседаниях Верховного Совета в газете «Известия» публиковались короткие информационные сообщения на языках всех республик, входивших в союз, то есть, после присоединения новых территорий они были опубликованы на шестнадцати языках, включая и финский, из-за Восточной Карелии⁵⁶. Но на обычных заседаниях свои языки использовались редко. Так, на заседании Верховного Совета в августе 1938 года только трое из 113 ораторов, а на февральском заседании 1941 года лишь один из 68 выступивших говорили не на русском языке. Из практических соображений на

---

⁵⁶ Карело-Финская Автономная Советская Социалистическая Республика была образована в 1936 г. В период с 31.03.1940 по 16.07.1956 – Карело-Финская ССР, затем – автономная республика в составе РСФСР.

заседаниях Верховного Совета, где были представители многих десятков маленьких национальностей, использование различных языков привело бы к непреодолимым трудностям. В союзных республиках ситуация была иной. В соответствии с большевистскими принципами, в вопросах национальной политики допускалось свободомыслие, но, как легко предположить, русский язык, главный язык государства, укрепляет свои позиции за счёт местных языков.

Вечером 3 ноября состоялась заседание в Кремле. На этот раз присутствовали Молотов и Потёмкин. Молотов сообщил, что Сталин не сможет принять участие. От нас были Таннер и я, а также министр Хаккарайнен в качестве переводчика.

Я зачитал наш ответ на предложение русских и передал его Молотову вместе с картами. Из короткого выступления Молотова стало ясно, что наш ответ их не удовлетворил. Его особо интересовало, входит ли форт Ино в предлагаемую нами территорию на Карельском перешейке, на что я ответил отрицательно. Разговор касался преимущественно Ханко и Карельского перешейка. В нём повторялись те же мысли, что и раньше. Поскольку Сталина не было, разговор был бесплодным. Молотов не мог формулировать предложения русских и держался за исходные предложения. В завершение Молотов сказал: «Сейчас вопрос обсудили гражданские официальные лица. Поскольку они не пришли к соглашению, вопрос надо передавать военным». Это были серьёзные слова. Разговор, продолжавшийся около часа, завершился, причём не было даже согласовано время следующей встречи.

На следующий день мы получили приглашение в Кремль на вечер. На этот раз снова присутствовали Сталин и Молотов.

Придерживаясь хорошей переговорной практики, Сталин сначала затронул вопрос о компенсациях. Он уточнил значение некоторых деталей и, получив необходимые пояснения, сообщил, что они принимают предложенные нами принципы выплаты компенсации. Он спросил, насколько ориентировочно может вырасти сумма компенсации в денежном исчислении, заметив, что во избежание затяжки при решении вопроса было бы хорошо при подписании договора указать величину суммы, которую Советский Союз разом выплатит правительству Финляндии. Мы ответили, что у нас не было возможности сделать оценку этого, поскольку мы хотели

держат этот вопрос в секрете, но мы постараемся прояснить его к следующей встрече.

Затем Сталин сказал: «Продайте нам Ханко, если вы не хотите арендовать его. Тогда эта территория будет относиться к Советскому Союзу и, соответственно, находиться в рамках его суверенитета». Мы ответили, что не сможем согласиться с этим. Сталин повторил, что Советский Союз не может отказаться от требования военной базы. Он снова заметил, что Финляндия слишком мала и слаба, чтобы защищать свой суверенитет против великой державы, сославшись на судьбу Польши, а Польша, всё же, была намного крупнее Финляндии. Я сказал, что географическое положение Польши иное, чем Финляндии. Мы в любом случае будем защищаться против любого агрессора. Я добавил, что Сталин недооценивает оборонительные возможности Финляндии. Я сказал, что поскольку мы будем отстаивать нашу собственную неприкосновенность и наш нейтралитет против возможного врага России, мы тем самым будем сражаться за Россию. Сталин отметил, что мощный Советский Союз полезен и для интересов Финляндии, поскольку именно советская власть предоставила Финляндии независимость и только она может терпеть самостоятельную Финляндию у своих границ. В это утверждение Сталина нам было не совсем удобно углубляться.

Поскольку по вопросу Ханко не удалось прийти к взаимопониманию, Сталин показал на карте три острова к востоку от Ханко – Хермансё, Коё и Хэстё-Бусё – спросив, не можем ли мы передать или предоставить их в аренду, а также якорную стоянку в Лаппохья*. По поводу этого нового предложения мы ответили, что не обсуждали этот вопрос с нашим правительством, но эти острова находятся столь близко от полуострова Ханко, что об их передаче, равно как и самого Ханко, не могло быть и речи. Мы обещали сообщить этот вопрос нашему правительству и дать ответ на следующем заседании.

После этого говорили о Карельском перешейке. Сталин провёл на карте новую линию границы, чуть южнее от своего прежнего

---

* В письме, которое будет упомянуто позже, Молотов перечислил и некоторые другие острова. Хотя на показанной нам карте и некоторые другие острова были перечёркнуты красным крестом, в ходе встречи речь шла только об упомянутых трёх островах, которые я отметил для памяти.

предложения, отметив, что остров Койвисто для них необходим. Мы держались своего предложения. Сталин отказался от идеи демонтажа оборонительных укреплений на перешейке. По поводу полуострова Рыбачий Сталин сказал: «Мы подумаем», что, возможно, указывало на их готовность удовлетвориться его северной частью, как мы и предлагали. Об островах в Финском заливе не было сказано ни слова, что, предположительно, указывало на возможность прийти к согласию по этому вопросу. Встреча продолжалась около часа.

Мы с Таннером были уверены в том, что без решения вопроса о базе не удастся прийти к соглашению, вследствие чего, чтобы продвинуться дальше в этом вопросе, нам надо было подготовить контрпредложение. Да и на Карельском перешейке, по нашему мнению, предложение было недостаточным. Поэтому в телеграмме с изложением хода переговоров, направленной нами правительству, был задан прямой вопрос:

«Можем ли мы предложить остров Юссярё и линию Ино?»

В эти дни правительство Швеции через своего посланника Винтера вновь обратилось по нашему вопросу с нотой в адрес правительства Советского Союза. Молотов, который был недоволен, ответил, что переговоры между Советским Союзом и Финляндией не касаются других государств. Прочитав ноту, он вернул её назад, сказав, что не принимает её.

Посланники Дании и Норвегии встречались по финскому вопросу с заместителем Молотова Лозовским. Лозовский также ответил, что переговоры не касаются посторонних.

Правительства Северных стран оказывали нам дипломатическую поддержку, но, как я уже отмечал, меры, за которыми не было угрозы применения силы, не действовали на Кремль.

Из моего дневника: «6.11. были на завтраке у шведского посланника Винтера и его супруги. Винтер рассказал, что советник посольства Германии фон Типпельскирх сказал ему пару дней назад, что, согласно его предположению, если не будет подписан договор между Советским Союзом и Финляндией, то Россия нападет на Финляндию. Эта информацию противоречила тем сведениям, которые мы получали из других источников. Винтер также слышал,

что статья в «Правде», опубликованная несколько дней назад, инспирирована самим Сталиным.

У нас возник трёхдневный перерыв, пока мы ожидали ответ из Хельсинки на нашу телеграмму. 6 и 7 ноября в Москве проходили традиционные торжества по случаю годовщины революции. Молотов устроил приём в особняке на Спиридоновке, принадлежавшем ранее крупному промышленнику царского времени. Мы также были приглашены, но из-за простуды я не решился пойти на праздник. Таннер и остальные финны там были.

Рано утром 8 ноября мы получили ответ из Хельсинки:

Новые инструкции президента, которые были сообщены председателям парламентских фракций, были следующими:

Аренда, покупка, обмен на территории Ханко или в другой части финского побережья невозможны. Аналогично Лаппохья, включая Хермансё, Коё и Хэстё-Бусё. Упоминание Юссярё категорически запрещено. Кроме того, он не подходит для этой цели.

[...]На Карельском перешейке граница по линии Койвисто невозможна. Можете предложить линию Ино без включения Линтуланйоки – Сиесярви – Уконкорпи, которые можно обсудить в связи со спрямлением изгиба Кирьосало. Сообщить, что Ино может обсуждаться только при условии отказа русских не только от планов в отношении Койвисто, но и Ханко. Имеет смысл начать разговор по острову Суурсаари, чтобы получить представление об их позиции.

На полуострове Рыбачий речь может идти о передаче лишь северной части.

Суммы компенсации в другой телеграмме. Можете сделать такое предложение при условии, что оно будет обсуждаться как единое целое».

Язык телеграммы столь резок, словно за ней стояли мощные силы и средства великой державы.

День ушёл на обсуждение между собой. Поскольку мы полагали, что на основе полученных инструкций невозможно прийти к договору, мы для исключения возможных неясностей направили в Хельсинки телеграмму следующего содержания:

«Инструкции пришли. Если на этой основе не получится заключить договор, можем ли мы допустить прекращение переговоров?»

На это пришёл ответ:

«Вы знаете, что в уступках пошли настолько, насколько позволяют наши безопасность и независимость. Если на предложенной основе не будет договора, то вы, возможно, прервёте переговоры».

Последнее заседание, на котором снова присутствовали Сталин и Молотов, состоялось в Кремле вечером 9 ноября.

Мы с Таннером договорились о словесной форме, в которой изложили отрицательную позицию правительства по поводу передачи островов, расположенных восточнее полуострова Ханко, для точности положив её на бумагу в следующем виде:

«На прошлом заседании со стороны Советского Союза поступило предложение, что в том случае, если Финляндия не сочтёт возможным предоставить Советскому Союзу военную базу в Ханко, она была бы предоставлена на расположенных неподалёку от Ханко островах Хермансё, Коё и Хэстё-Бусё, включая якорную стоянку в порту Лаппохья.

Мы представили это предложение нашему правительству, получив позже ответ, согласно которому, правительство считает, что те же причины, которые препятствуют предоставлению военной базы в Ханко, касаются и упомянутых островов.

Финляндия не может предоставить другому государству военные базы в пределах своей территории и своих границ. На предыдущих заседаниях мы неоднократно отмечали эти причины. Таким образом, правительство Финляндии не считает для себя возможным пойти на это предложение».

После того, как я зачитал это заявление, Сталин сказал как бы самому себе и, по-моему, с некоторым нетерпением: «Из этого ничего не выйдет». Молотов, увидев передо мною листок бумаги, спросил, можно ли получить его, на что я ответил согласием, передав текст. Сталин, все же, начал рассуждать о базе на подступах к Ханко, изучал лежавшую на столе карту, после чего показал остров Руссярё,

расположенный перед Ханко, и спросил: «А этот остров вам необходим?» Я ответил, что он существенным образом входит в оборонительную систему полуострова Ханко и что по этой причине его передача невозможна. Этот вопрос, как и предложение русских о передаче трёх островов вместо Ханко, указывали на то, что Сталин хотел решить вопрос путём согласия и был готов в отношении базы к поиску какого-то компромисса. Здесь для нас был удобный момент сообщить, что мы найдём какой-то другой остров и сделаем ответное предложение, но по причине полученных от правительства жёстких инструкций у нас не было другой возможности, как оставаться на безоговорочно отрицательной позиции.

Конечно, я не могу сказать, удовлетворился бы Сталин Юссярё. По своему расположению этот остров подходил, но его площадь была мала. Она была примерно равна площади Руссярё, указанного Сталиным. У маршала Маннергейма было и другое предложение. Но сделав позитивное промежуточное предложение, мы могли бы продолжить разговор о базе. Нерушимое «нет», многократно повторенное малым государством на переговорах с гигантской державой, загнало вопрос в тупик.

Русские перешли к обсуждению Карельского перешейка. Молотов, придерживаясь предложения советской стороны по границе, вновь спросил об Ино. Поскольку, согласно полученным нами инструкциям, обсуждение этого вопроса было обусловлено отказом русских от планов по Ханко и Койвисто, мы и здесь не могли идти на уступки. Я уклончиво ответил, будто мы полагали, что Ино упомянут между прочим, вскользь. Молотов сказал, что они всегда о нём говорили. Они также отметили важность территории, расположенной за фортом. Я в свою очередь спросил, какой, по их мнению, должна быть ширина этого участка. На это Сталин ответил: «Примерно 20 км». Мы перевели разговор на Гогланд, показав на карте, что мы могли бы предложить. Сталин и Молотов в один голос сказали, что этого слишком мало, прекратив дальнейшее обсуждение этого вопроса.

В ходе разговора я, в частности, сказал о том, что на основе предложения финского правительства можно было бы заключить договор, который был бы выгоден Советской России, добавив шутливо, что Сталин может быть уверен в том, что по поводу

договора ни мне, ни Таннеру не будут по возвращении петь песен. Сталин: «Не сомневайтесь, они споют вам!»

Другие вопросы на этой встрече не обсуждались. В завершение разговора Таннер заявил, что разногласия столь велики, что к договору прийти не получится, после чего Сталин отметил, что они касаются двух вопросов – базы в северной части Финского залива и Карельского перешейка. Мы встали и попрощались со Сталиным и Молотовым. Прощание было дружеским. В ходе как этой, так и предыдущих встреч, отношение лично к нам было вежливым. О продолжении переговоров не было сказано ни слова.

По прибытии в посольство мы телеграммой отправили в Хельсинки отчёт о заседании, добавив, что считаем переговоры завершившимися. На следующее утро пришла телеграмма: «Правительство полностью одобряет вашу позицию».

Мы собирались уехать из Москвы через пару дней, но в пол первого ночи с 9 на 10 секретарь Молотова неожиданно привёз нам следующее письмо:

«Ознакомившись с переданным вами мне сегодня (9 ноября) письменным заявлением финского правительства, я устанавливаю неправильность изложения в этом заявлении предложения Советского правительства от 3 ноября.

На самом деле Советское правительство предложило 3 ноября с.г. следующее.

1. Советское Правительство, считаясь с заявлением Правительства Финляндии о том, что оно не может согласиться на то, чтобы гарнизон или база для морского флота другого государства держались «на территории Финляндии», предложило Правительству Финляндии продать Советскому Союзу соответствующий участок земли в районе порта Ханко. Такое решение снимало бы возражения, исходящие из того, что этот участок земли является территорией Финляндии, так как после продажи Советскому Союзу он стал бы уже территорией СССР.

2. Далее Советское Правительство заявило, что если почему-либо участок земли около Ханко не может быть продан или обменен, то оно предлагает Правительству Финляндии либо продать, либо

обменять острова Хэрмансэ, Куэ, Хэстэбусэ, Логшэр, Фурушэр, Экэн и ещё некоторые острова поблизости от указанных, как это сделало Правительство Финляндии, уступая некоторые острова в Финском заливе и территорию на Карельском перешейке.

Ввиду изложенного я считаю беспредметным и искажающим позицию Советского Правительства следующее возражение, изложенное в записке гг. Паасикиви и Таннера от 9 ноября с.г.: «Финляндия не может предоставить другому государству военные базы в пределах своей территории и своих границ».

Ясно, что, если район Ханко или острова восточнее Ханко будут проданы или обменены на соответствующую территорию СССР, они уже не могут находиться ни в пределах, ни в границах финляндской территории».

Ввиду изложенного возвращаю вам вашу записку от 9 ноября.

9.11.1939.

В. Молотов»⁵⁷.

Мы толком не поняли, какова была цель этого письма. Мы надеялись, что оно откроет дверь к продолжению переговоров. 10 ноября мы отправили Молотову ответную записку следующего содержания:

«Вчера вечером мы имели честь принять Ваше письмо, касающееся прошедших между нами переговоров, а также возвращённое Вами наше письменное заявление, которые мы передали Вам на вчерашнем заседании.

По этому поводу мы имеем честь сообщить следующее:

После заседания, прошедшего 3 (точнее 4) числа текущего месяца, мы сообщили нашему Правительству, что Советский Союз по-прежнему желает получить в районе Ханко для создания военной базы территорию, передача которой, по выбору Правительства Финляндии, могла произойти в форме аренды, покупки или обмена. Кроме того, мы сообщили, что Советский Союз предлагает в качестве альтернативы и на тех же условиях передачу островов Хэрмансэ, Куэ,

---

⁵⁷ Международная жизнь.1989. № 8. С. 67 – 68.

Хэстэбусэ, расположенных неподалёку от Ханко, а также якорной стоянки в порту Лаппохья. Таким образом, позиция Советского правительства соответствующим образом и полностью доведена до Правительства Финляндии.

На это наше сообщение нами 8.11. был получен ответ, в соответствии с которым Правительство Финляндии не считает возможным согласиться на передачу в любой форме территории в районе Ханко или другой части побережья Финляндии под создание военной базы. На основе данной инструкции мы подготовили вышеупомянутое короткое заявление.

Три острова, Хэрмансэ, Куэ, Хэстэбусэ, предложенные советской стороной на переговорах 3 (4) числа, как это видно на карте, окружены территориальными водами Финляндии. Таким образом, они оставались бы в пределах границ Финляндии и в том случае, если Финляндия уступила бы их другому государству. О других островах – Логшэр, Фурушэр, Экэн и пр. – которые перечисляются в Вашем письме и которые ещё больше увеличивали бы площадь упомянутой территории, не было речи на переговорах 3 (4) числа текущего месяца.

В ответе Правительства Финляндии от 31.10.39 кратко изложено, почему правительство, принимая во внимание международное положение Финляндии, её безусловную политику нейтралитета, а также твёрдое стремление оставаться в стороне от всех группировок великих держав, включая войны и противоречия между ними, не может согласиться на передачу любой иностранной державе территории Ханко или островов, вплотную примыкающих к континентальной части Финляндии.

Правительство Финляндии, которое искренне желает укреплять отношения с Советским Союзом, заявило о своей готовности пойти на большие уступки, чтобы удовлетворить пожелания Советского Союза. Вместе с тем, оно не может пойти столь далеко, чтобы отказаться от жизненных интересов своей страны, что означало бы предоставление иностранной державе военной базы в горловине Финского залива.

В завершение мы не можем от имени Правительства Финляндии не выразить нашего глубокого пожелания, чтобы между Финляндией и Советским Союзом было достигнуто соглашение на основе тех

уступок, имеющих своей целью достижение взаимопонимания, и которые сделаны Советскому Союзу со стороны Финляндии.

Примите и т.п.».

Мы составили письмо, имея в виду возможность продолжения переговоров. Поскольку на следующий день не было никаких новостей, мы телеграммой сообщили в министерство иностранных дел, что переговоры, предположительно, прерваны по причине военной базы, а также предложили выехать домой следующим вечером, на что было получено согласие.

13 ноября мы сообщили Молотову о нашем отъезде следующим письмом:

«Поскольку на наших переговорах с Вами и с господином Сталиным не удалось найти основу для планировавшегося договора между Советским Союзом и Финляндией, мы сочли целесообразным сегодня вечером вернуться в Хельсинки.

Доводя это до Вашего сведения и выражая благодарностью за оказанное нам дружеское отношение, мы выражаем надежду, что в будущем переговоры могут привести к результату, удовлетворяющему обе стороны.

Примите наши и т.п.».

Мы выехали из Москвы тем же вечером. Накануне «Правда» и «Известия» опубликовали опровержение ТАСС, официального телеграфного агентства Советской России, по поводу «советско-финляндских переговоров». В нём говорилось, что английская газета «Дейли Экспресс» [Daily Express] опубликовала сообщение корреспондента агентства «Эксчейндж Телеграф» из Хельсинки, согласно которому «Сталин снова отклонил последние уступки, которые были сделаны Финляндией». По этому поводу ТАСС был уполномочен заявить, что сообщение «Дейли Экспресс» совершенно не соответствует действительности. «Никаких «последних уступок» финны не делали, ввиду чего И. В. Сталин не мог отклонить того, чего вообще не было. По данным ТАСС, финны не только не идут навстречу минимальным предложениям Советского Союза, а, наоборот, усиливают свою непримиримость. До последнего времени на Карельском перешейке финны имели две-три дивизии на фронте

против Ленинграда, а теперь они увеличили число дивизий, висящих над Ленинградом, до семи, демонстрируя этим свою неуступчивость». Это сообщение ТАСС было и ответом на наше письмо Молотову.

В эти дни «Правда» и «Известия» рассказывали о статьях в журнале «Сойхту» (Факел), представлявшем взгляды левых студентов-социалистов, а также в газете мелких земледельцев, в которых говорилось о необходимости согласиться на условия русских. В советских газетах также появились публикации антифинляндского толка. Корреспондент ТАСС в Хельсинки прислал весьма красочное представление о ситуации в Финляндии.

В своём отчёте о третьем раунде переговоров, который я передал по возвращении домой в министерство иностранных дел, я написал следующее:

«О переговорах у меня сложилось то общее впечатление, что важнейшее разногласие связано с требованием военной базы на северном побережье Финского залива. Скорее всего, такая база входит в общий военно-политический план Советского правительства и военного командования по обеспечению господства в восточной части Балтийского моря. Также возможно, что с ней связано и стремление поставить Финляндию в какую-то зависимость от Советской России. По моему мнению, интересы России в отношении Финляндии всегда были по своему характеру военными (стратегическими), причем другие (торгово-политические и культурные) никогда не играли существенной роли. – Что касается второго разногласия, Карельского перешейка, то, насколько я понимаю, здесь можно так или иначе прийти к соглашению. По остальным вопросам (острова в Финском заливе, полуостров Рыбачий и компенсации) также, похоже, можно прийти к взаимопониманию.

«От предложения по заключению оборонительного союза между Финляндией и Советским Союзом Сталин отказался уже во время первого и второго раунда переговоров.

«Хотя в нашем последнем послании мы пытались иметь в виду возможность продолжения переговоров, следует признать, что переговоры на завершающей стадии оказались в весьма сложном положении. Трудно сказать, как их можно возобновить. Я считаю, что Сталин с большим удовольствием хотел бы прийти к соглашению во

избежание военных конфликтов. Не исключено, что дело может принять такой оборот, при котором русские могут создать нам новые трудности. И тот факт, что Молотов в своей речи 31 октября раскрыл требования Советского Союза, может осложнить дело, поскольку сейчас снижение требований русских означало бы их отступление на глазах у всего мира».

Переговоры были прерваны, впереди ожидали беды, хотя этого в Финляндии сразу не осознали.

Выдвинутые русскими условия, которые Сталин смягчал в ходе переговоров, были продуманны и признаны необходимыми правительством Советского Союза и высшим командованием – независимо от того, что мы думали о них и об их важности для обороны России. Но помимо этого, как в связи с речью Молотова, так и в других отношениях, этот вопрос стал делом престижа для Советской России. Для великой державы престиж – это серьёзный вопрос – серьёзнее, чем мы, представители малых государств, даже можем себе вообразить. Это – весомая реальность, к которой надо относиться с особым вниманием. Когда дело заходит столь далеко, то великая держава, согласно принятой ныне морали, считает себя вынужденной идти до конца – по-плохому, если не удастся добиться своего по-хорошему. Советский Союз ранимо относится к своей чести, но в этом отношении он совсем не отличается от других великих держав. Незадолго до начала англо-бурской войны тогдашний французский посол Поль Камбон спросил у члена английского кабинета министров, хорошо известного Джозефа Чемберлена, является ли вопрос уитлендеров (переселившихся в Трансвааль подданных Великобритании) достаточным основанием для большой военной экспедиции. Чемберлен пылко ответил: «Не в этом дело; честь Англии под вопросом. Буры разбили нас; их надо научить принимать во внимание такой большой народ, как мы» (Paul Cambon par un diplomate, зр. 191)⁵⁸. В конечном итоге, в поведении великих держав по отношению к малым нет особых различий. В общении с равными себе они, понятно, используют совсем иной язык.

Начиная с осени 1939 года произошло много всего. Естественно, что я не мог вновь и вновь не возвращаться в своих мыслях к роковым событиям осени 1939 года.

---

⁵⁸ *Cambon Paul. Ambassadeur de France (1843–1924). Paris: Plon, 1937.*

Моей первой мыслью было: искренни ли Сталин и Кремль и шла ли речь, если отбросить задние мысли, только об обеспечении безопасности советского государства от опасности со стороны Финляндии? Именно это вызывало в Финляндии сомнения. Кто знает цели Кремля?

Из моего дневника периода Зимней войны за 26.01.40: «Заседание в правительстве с участием президента. Каллио зачитал речь, которую он произнесёт на закрытии и открытии сессии парламента. Он собирался сказать, что стало ясно – советское правительство на переговорах с Финляндией стремилось к большевизации Финляндии. На это я заметил, что у меня по ходу переговоров не сложилось такого впечатления, напротив, я думаю, что мы могли прийти с Советским Союзом к соглашению, которое не привело бы к большевизации Финляндии. Я предложил внести изменения в эту часть выступления Каллио. Моё замечание не получило поддержки». Президент Каллио не исключил предложенный мною пункт из своей речи, но, напротив, сказал, что Советский Союз, также и своим отказом от переговоров с законным правительством Финляндии, показал, что руководители Советского Союза не только стремились к захвату территорий, но и преследовали цель большевизации Финляндии.

Если, как я думал, целью Кремля было стремление обеспечить безопасность государства на случай опасности, идущей через территорию Финляндии, то в своей деятельности он не был одинок. Та же мысль об опасности со стороны малых и слабых в военном отношении государств для своих могущественных соседей, похоже, относится к главным принципам политики великих держав. Известный немецкий историк Фридрих Мейнеке определяет это следующим образом: «Главный закон политики власти заключается в том, что каждое слабое государство, не способное защититься собственными силами, [...] рискует стать зоной низкого давления, в которую могут устремиться потоки воздуха с соседних территорий, порождая бурю» (*Die Idee der Staatsräson*. S. 525)⁵⁹.

Давайте предположим, что Сталин был искренен и речь шла об обороне Советской России.

---

⁵⁹ *Meinecke Friedrich*. *Die Idee der Staatsräson in der Neueren Geschichte*. München und Berlin: Druck und Verlag von R. Oldenbourg 1925.

Тогда возникает вопрос: неужели хорошие отношения между Финляндией и Советским Союзом, при которых Финляндия чувствовала бы себя в безопасности, не являются приемлемой политикой и с точки зрения Советской России? Эту мысль мы пытались донести на переговорах, но Сталин и Молотов смотрели на ситуацию с позиции великой державы, пренебрегающей малыми народами. Финляндия, как сказал Сталин, была слабой и неспособной отстаивать свой нейтралитет. Последующие события подтверждают правильность того, что нейтральная Финляндия, которая, как и Швеция, хотела оставаться вне войны между великими державами и была готова обороняться даже вооружённым путём, могла стать лучшей альтернативой в политике Советского Союза.

В свете последующих событий можно также спросить: была ли политика Советского Союза, как в вопросе военной базы, так и в других отношениях, целесообразной? Я не имею в виду то обоснование, которое мы предложили в ходе переговоров, а именно, что положение Советского Союза в восточной части Балтийского моря было безопасным, поскольку на основе соглашений, заключенных с прибалтийскими странами, ему принадлежало южное побережье Финского залива. Единственным противником, которого Советский Союз мог опасаться на этом направлении, была Германия. Помимо Германии Сталин упомянул и Англию, но выход упомянутой державы в Балтийское море был маловероятен. В войне против Германии приобретения Московского мира, такие как военная база в Ханко, да и другие, не имели принципиального значения для Советской России. Военная база в Ханко пала в 1941 году спустя несколько месяцев сопротивления. В 1941 г. Германия напала на Советский Союз на всём протяжении сухопутной границы, что было вполне естественным.

Однако, несмотря на то, имела эта база какое-то значение или нет, мысль о подобном решении глубоко укоренилась в головах русских, причём не только большевиков, но, как мы видели, и русских даже царского времени, включая и либерально мыслящих кадетов. Это был реальный факт, который надо было принимать во внимание, сколь бы ни прискорбно это было для нас. В политике великих держав система владения базами распространена повсеместно.

Моим стремлением было избежать превращения разногласия в противоречие. Превосходство было слишком велико. Не было никаких сведений о возможности получения военной помощи. Со стороны Германии нам советовали пойти на заключение договора. Только если бы условия были совершенно невозможны, тогда, по моему разумению, можно было пойти на принятие безнадёжного решения.

Не лучше ли было, пойдя на уступки, прийти к соглашению с Советским Союзом и избежать войны? В Финляндии к этому обычно относятся отрицательно. Другие же считают, что пока ничего нельзя сказать с полной уверенностью. Я лично полагал, как во время переговоров, так и после них, заключение договора лучшей для нас альтернативой. В этом я ещё больше убедился за прошедшие годы. Как мы видели, Сталин отходил от некоторых своих предложений и формулировал новые, несколько отличающиеся от старых. Вместо базы в Ханко он предложил три острова и якорную стоянку в порту Лаппохья. Исходя из разговора, произошедшего в ходе последних переговоров, создавалось впечатление, что Сталин по-прежнему хотел прийти к согласию по этому вопросу. На Карельском перешейке наши войска достаточно быстро отошли на рубеж Суванто – Сумма. Это свидетельствует, что и с военной точки зрения, по Карельскому перешейку можно было найти компромиссное решение. Генерал-майор Айро считал, что и Московский мир не уменьшал наши оборонительные возможности (статья «Некоторые аспекты общих оборонных возможностей Финляндии» в книге: *Koocomateos: Kunnia ja isänmaa*. S. 22–23), что, по моему мнению, является достаточно смелым утверждением. Если компенсация была бы достаточной, на что советская сторона, похоже, была готова, то и договор не был бы для Финляндии постыдным.

Говорят: Кремль не был искренен. Действительной целью было подготовить осуществление империалистических притязаний Советского Союза, захвата Финляндии и присоединения ее, по образцу прибалтийских стран, к Советскому Союзу – возможно, в качестве первого шага в стремлении выйти к Атлантическому океану.

Что думали про себя Сталин и другие кремлёвские вожди, невозможно сказать. Сомнительно, что относительно скромный перенос границы на Карельском перешейке и база возле Ханко были

бы столь необходимы русским для подготовки завоевания Финляндии. На переговорах я пришёл к заключению, что Сталин изначально не собирался завоёвывать Финляндию. На переговорах его требования в отношении Финляндии были много меньшими, чем предъявленные прибалтийским государствам. Он легко отказался от «балтийского» договора о взаимопомощи, равно как и от «регионального соглашения» и, как удалось заметить, он, похоже, был готов формулировать новые предложения. Но с началом войны, возможно, как раз под влиянием этого факта, а также, очевидно, по причине полученных им неверных сведений относительно настроений и боевого духа финского народа, он предпринял меры, которые мы, финны, не могли расценивать иначе, как попытку под прикрытием спектакля с правительством Куусинена захватить Финляндию и присоединить её к Советскому Союзу.

Если Советская Россия позже всё же напала на нас, то и в этом случае с помощью договора мы выиграли бы время, пополнили наши скудные запасы вооружений, а также лучше смогли выдержать войну, чем это было зимой 1939-1940. Независимо от нас к осени 1940 и зиме 1941 годов германо-российский кризис получил развитие, созрел и повлиял на наше положение. Конечно, Зимняя война принесла нам честь и славу, завоевав симпатии всего мира, но она не предотвратила и не компенсировала злосчастный Московский мир.

Каким было бы наше положение в начале и ходе независимой от нас войны между Германией и Россией, если бы мы смогли осенью 1939 года договориться с Кремлём? Можно предположить, что мы, как Швеция, остались бы вне войны, если бы она нас не задела. Возможно, дипломатическим путём нам удалось бы подправить договор как раз в части военной базы. С какими трудностями по поддержанию нашего нейтралитета в случае завоевания Германией стран, расположенных в южной части Финского залива, нам пришлось бы столкнуться, этого никто не может сказать. Но стремление оставаться вне войны наилучшим образом отвечало бы интересам осторожной политики, которой нужно придерживаться малому государству.

Многие сегодня считают такие рассуждения совершенно бесполезными. Английский историк Джон Роберт Сили говорит: «Заблуждение полагать, что крупные государственные события, поскольку они имеют большие масштабы, совершенно иным,

роковым, образом детерминированы, чем обычные частные события; это заблуждение ограничивает их критическую оценку. Нельзя сформировать мнение или оценку крупной национальной политики, если изначально отказываешься думать, что и другая политика была бы возможной» (*The Expansion of England*, с. 189)⁶⁰. Упомянутый выше немецкий историк Фридрих Мейнеке высказывает ту же самую мысль иначе: «У каждого государства в каждый конкретный момент времени есть перед собой определённая политическая линия, являющаяся лучшей, представляющей идеальный *Staatsräson*, государственный интерес [...] Историческая оценка государственной деятельности является ни чем иным, как попыткой вскрыть тайну того или иного действительного государственного интереса – *Staatsräson*» (*Die Idee der Staatsräson*. S. 2).

О ходе истории высказываются и совершенно иные мнения. Даже сам Ранке⁶¹ писал: «Я не знаю, правильно ли, как принято, так много говорить о допущенных ошибках, неиспользованных возможностях, произошедших просчётах. Всё идёт поверх соответствующих голов с предопределённостью, в которой есть что-то неизбежное, что-то роковое». И в другом месте: «Ошибка людей при больших потрясениях и в состоянии сильного возбуждения ожидать или слишком опасаться намерений отдельных людей. Движение следует за бурным потоком, который уносит с собой и тех, кто думает, что управляет им». Летописец Первой мировой войны Уинстон Черчилль пишет в своём военном дневнике: «Когда исследуешь причины возникновения мировой войны, то замечаешь, в сколь малой мере отдельные люди могут контролировать судьбы мира. Совершенно справедливо сказано, что в действиях людей всегда больше ошибок, чем планов. Ограничение, касающееся и самых способных [...] проблема, столь превышающая их способности – всё надо принять во внимание, прежде чем можно высказать полностью отрицательный приговор в отношении побеждённых или столь же оправдательное решение в отношении победителей. События имеют склонность следовать определённой линии, и никто не может придать им другое направление». Далее Черчилль спрашивает: «Могли ли мы путём невероятного напряжения сил создать мощное объединение, основание которого позволило бы обеспечить мир и величие

---

⁶⁰ Seeley John Robert. *The expansion of England*. Macmillan, 1883.

⁶¹ Леопольд фон Ранке – немецкий историк XIX в.

Европы?» – Покорно он отвечает на свой вопрос: «Я не знаю». Он размышлял о тех гигантских проблемах, которые предшествовали Первой мировой войне.

Является ли подобный подход правильным и в отношении к событиям мирового уровня? Можно ли просто констатировать и признавать бессилие людей, особенно ведущих государственных деятелей, заранее соглашаясь с освобождением их от ответственности за судьбы народов? Неужели достаточно в состоянии полной беспомощности удовлетвориться простым пожатием плечами, фиксируя постигшее человечество несчастье и недостаточность человеческих сил? Может, как говорят, бросить топор в озеро, отказавшись от самой попытки сделать это? Бездонные страдания и потрясения Второй мировой войны способствуют возникновению ощущения подобной безнадежности.

Сегодня много горят о роли «судьбы» и «случая» в определении хода исторических событий. Действительно, самые глубинные и великие вопросы жизни и смерти не подвластны человеку, они вне пределов его разумения, находясь где-то в сумрачном царстве мистики. Но разве совместная жизнь людей, как в отдельном государстве, так и в расположенных рядом друг с другом государствах, цель которой состоит в служении людям – а какая другая цель здесь может быть? – не является предметом обдумывания и в тех случаях, когда речь идёт о великих державах, оказывающих влияние на мировые события? Многие воскликнут: это же рационалистское философствование, а не постоянное эмпирическое мышление на основе исторической действительности!

По крайней мере, перед такими задачами, пусть меньшими по значению, и много меньшими, хоть и важными для нас, событиями осени 1939 года трудно отдаться во власть такой беспомощности и безнадежности. Думая над этими вопросами, в том числе и в свете последующих событий, во мне ещё больше окрепла мысль о том, что наше поведение осенью 1939 года, когда мы допустили разрыв переговоров, было одной из самых важных и серьёзных ошибок в серии внешнеполитических просчётов за последние годы. Ошибки допускались и раньше, и в 1938 году, и в начале 1939 года. Затем их делали одну за другой вплоть до нынешнего 1944 года. Но осень 1939 – это точка отсчёта всех последующих событий.

IX

Последние недели ноября

По возвращении в Хельсинки уже после начала войны наш посол Ирве-Коскинен сообщил о ситуации, сложившейся после разрыва переговоров, следующее:

«После того, как переговорщики от Финляндии государственный советник Паасикиви и министр Таннер уехали из Москвы вечером 13 ноября, ситуация оставалась довольно спокойной. В правительстве Советского Союза, очевидно, ещё ожидали, что Финляндия, в конце концов, пойдёт на сделанные ей предложения или, по крайней мере, выступит с новыми предложениями. Однако параллельно, скорее всего, всё время готовились к вооруженному варианту решения вопроса. В посольство стали ежедневно поступать сведения о переброске войск, правда, у посольства не было точной картины о том, в каких масштабах они реально производились у нашей восточной границы. Одновременно в дипломатическом корпусе строились догадки о постоянном развитии событий. Полагали, что переговоры по инициативе одной или другой стороны ещё будут продолжены и что путём взаимных дополнительных уступок удастся прийти к мирному решению. В возможность войны, то есть того, что Советский Союз начнёт её для продавливания своих требований, на этом этапе не верил никто, за исключением, пожалуй, Германии».

«О позиции посольства Германии в этот период необходимо сказать следующее: посол, граф фон дер Шуленбург, да и другие представители посольства не скрывали свой точки зрения, согласно которой Финляндии следовало бы согласиться с требованиями советского правительства. Было понятно, что они действовали согласно полученным инструкциям, поскольку у меня сложилось впечатление, что, по крайней мере, сам граф фон дер Шуленбург

переживал по поводу политики, проводимой Гитлером в отношении Финляндии. Вопрос о том, было ли об этой политике или, возможно, о чем-то большем договорено уже во время визитов Риббентропа в Москву, широко обсуждался в дипломатических кругах, но никаких более достоверных сведений нельзя было получить. Напротив, создавалось впечатление, что и фон дер Шуленбург об этом ничего не знал».

Мы, переговорщики, прибыли в Хельсинки утром 15 ноября. Уже в Терийоки ⁶² встречал народ, который приветствовал нас пением патриотических песен. На вокзале Хельсинки встречали председатель парламента Хаккила и премьер-министр Каяндер, другие члены правительства и многотысячная толпа народа.

Уже в первой половине дня мы были у президента Каллио, перед которым в присутствии премьер-министра Каяндера отчитались о переговорах. Президент выразил удовлетворение нашими действиями. Вскоре после этого, в тот же день, я посетил министра иностранных дел Эркко. В разговоре с ним я заострил мысль о том, что главное требование русских – это военная база на побережье Финского залива. Из моего дневника за 15.11.: «Я также обратил внимание на серьёзность создавшегося положения. Нам надо быть готовыми к войне. [...] Я сказал Эркко, что надо было бы подумать о приглашении Соединённых Штатов выступить в роли посредника между нами и Москвой. Эркко полагал, что через Италию можно было бы сделать что-то для обеспечения такого посредничества. Эркко по-прежнему оставался оптимистом и не особо казался особо озабоченным».

Моим стремлением в последующие дни и недели было так или иначе возобновить прерванные переговоры. Я думал, что для этого ещё оставались возможности. Выступление Сталина и Молотова на заключительной стадии переговоров не включало в себя предъявление возможного ультиматума, а, напротив, производило впечатление того, что дверь для новых предложений ещё открыта.

Представители руководящих кругов Финляндии, за редким исключением, и ещё в большей степени широкое общественное мнение, не понимали серьёзности сложившейся ситуации. Полагали

---

⁶² Терийоки, с 1948 г. Зеленогорск.

совершенно невозможным, чтобы Советский Союз начал войну против нас, тех, у кого не было ни малейшего намерения ввязываться в военные конфликты, и кто желал лишь жить своей спокойной жизнью на основе ясных соглашений. Мировое общественное мнение было на нашей стороне. Мы усвоили понимание справедливости, присущее народам Северных стран, и развивались, особенно в течение последних двух десятилетий, в духовной атмосфере, сформированной образом мышления, исходящего из укоренившегося среди малых народов права на самоопределение, а также принципа равноправия независимых государств, как малых, так и больших. Мы не понимали русский менталитет и, прежде всего, мы не понимали, как великая держава видела ситуацию и как она относилась к малым народам – подход, который самым существенным образом отличался от вошедшего в плоть и кровь образа мышления нашего, как, впрочем, и других малых народов. Общественное мнение Финляндии не могло и представить, что против нас в столь очевидном вопросе могло быть применено вооружённое насилие. Здесь в мышлении нашего народа, как и многих других малых народов, в его убеждении, основанном на праве, сквозило что-то наивное, чуждое реальному миру.

Когда я уже был послом в Москве, Молотов при обсуждении одного сложного вопроса, воскликнул: «Если бы мы прошлой осенью заключили договор, то сегодня не было бы этих печальных дел». Я ответил: «Уезжая из Москвы, я думал, что переговоры ещё не завершены и что я вскоре вернусь сюда в четвёртый раз». Молотов: «Но ведь Сталин был столь терпелив в отношении Вас». Я: «Если бы мы, северяне, вели между собой столь важные переговоры, мы бы еще долго продолжали попытки прийти к согласию, прежде чем переговоры были бы прерваны. Но понимание чужого менталитета – это одно из самых сложных дел, господин Молотов». Молотов на мгновение примолк, прежде чем мы продолжили работу.

Вечером 15 ноября у премьер-министра Каяндера состоялось заседание правительства, на котором я изложил ход переговоров в Москве. Аналогичный доклад я сделал и на следующий день для президиума парламента и председателей парламентских фракций. В качестве собственного мнения я добавил и то, что уже содержалось в моём письменном отчёте, упомянутом ранее. Согласно моему

дневнику, я ещё сказал: «Можно предположить, что (за требованиями Советского Союза) просматривается война с Германией, поскольку против какого другого государства Россия стала бы готовиться к войне на Балтике?» В моём дневнике в этой связи есть и следующее умозаключение: «Что делать? Трудно сказать! Русские вряд ли оставят всё как есть, поскольку их требования стали известны из речи Молотова. Вопрос может стать и, скорее всего, уже стал вопросом престижа для Сталина и правительства России. Мы, переговорщики, пытались оставить дверь приоткрытой для продолжения переговоров».

На заседании правительства Таннер выступил после меня. Он высказал предположение, что по вопросу военной базы можно было бы прийти к соглашению с русскими, если бы мы предложили Юссярё.

Эрко: «В отношении базы все заняли отрицательную позицию». По мнению министра Ниукканена, с этим можно было не торопиться. Надо смотреть, как будет складываться большая политика. От этого зависит отношение России к Финляндии. Ниукканен по-прежнему был столь оптимистичен, что считал возможным приступить к демобилизации значительной части армии. Эрко также считал, что «надо подождать».

В эти дни я часто беседовал с маршалом Маннергеймом. Он был очень обеспокоен и боялся, что русские предпримут против нас военные действия. Наше военное ведомство имело много недостатков. Боевой дух солдат был высок, поэтому он считал, что если война начнётся, то на начальном этапе мы добьёмся успеха, но, в конечном итоге, не выдержим войну. У Советской России были развязаны руки, для неё делом престижа стала бы победа в войне. Россия имела бесконечные возможности для восполнения ущерба, чего мы были лишены. Поэтому мы в итоге и проиграем. На островах Финского залива и в Петсамо мы не сможем оказать сопротивления. В Финляндии, сказал Маннергейм, господствует атмосфера пассивного сопротивления. «У неё есть свои хорошие стороны, но пассивное сопротивление всегда с самого начала обречено на поражение» – здесь Маннергейм зашёл слишком далеко – «оно не спасет нас во время войны». Нам неоткуда ожидать эффективной помощи. Поэтому мы должны были делать всё возможное, чтобы избежать втягивания в

военный конфликт с Советским Союзом. Было необходимо добиться заключения договора с Советским Союзом. Чтобы добиться этого, нужно было предложить русским Юссярё или что-то другое, сколь неприятной ни была сама мысль о базе на побережье Финского залива. Нам нужно было выступить с инициативой возобновления переговоров. Маннергейм сказал, что многократно говорил об этом с президентом. – Того же мнения, что и Маннергейм, был генерал Вальден, с которым я также часто встречался в эти дни.

Запись в моём дневнике от 15.11.: «Это высказывание Маннергейма удачно. Пассивное сопротивление может держаться какое-то время, но с его помощью нельзя добиться изменений. Оно исходит из предположения, что в ближайшее время произойдут какие-то независимые от нас события, которые нам помогут. Сейчас такие события не просматриваются».

Также я ежедневно общался с Таннером. Запись в дневнике от 16.11.: «Таннер у меня. Рассказал ему о своих разговорах с маршалом Маннергеймом и генералом Вальденом. [...] Таннер надеялся, что русские предложат продолжить переговоры. Он считал это возможным. Он рассказал, что в их парламентской фракции сегодня состоялось обсуждение вопроса. Все были категорически настроены против военной базы и, особенно, против передачи островов к востоку от Ханко. Я выразил сомнение в отношении того, что русские выступят с инициативой продолжения переговоров. Напротив, это надо безотлагательно сделать нам самим».

Запись в дневнике от 17.11.: «В половину восьмого в выставочном комплексе “Мессухалли” состоялся вечер, посвящённый обороне страны. Красивый праздник, много народа и хорошие выступления. Энтузиазм бурлит, настроение замечательное, но поможет ли это, это совсем другой вопрос».

Старая истина гласит, что люди с удовольствием верят в то, на что надеются. В серьёзных внешнеполитических делах такое мышление тем легче пробивает себе путь, поскольку заранее практически невозможно сказать, как будут разворачиваться события. В этом-то и состоит главная трудность. Нам в любом случае тяжело идти на уступки Советскому Союзу. И всегда можно думать, что как бы ты ни поступил, ситуация, все же, может сложиться иначе, чем ты опасался. Относительное затишье в дни после переговоров

подкрепляло веру и надежды людей. Особенно веру тех, кто всё время оставался оптимистом. Эта тенденция просматривалась в публикациях прессы. Газета «Ууси Суоми» писала, что отсутствие договора лучше, чем плохой договор. Иного мнения придерживался известный внешнеполитический комментатор газеты «Социал-демократ Финляндии» Рейнхольд Свенто, который заметил, что позиция «Ууси Суоми» была бы правильной, если бы мы могли быть уверены, что наше отношение к России оставалось бы прежним, основанном на Тартусском мирном договоре и соглашении о ненападении; но в общем плане позиция, не опирающаяся на договор, может стать опасной для небольшой страны. Ещё большую озабоченность высказывали Маннергейм и Вальден, с которыми я соприкасался каждый день. Из моего дневника за 18.11.: «Ужинал с Маннергеймом и Вальденом. Много говорили. Маннергейм весьма озабочен. Прежде всего тем, что военное ведомство имеет массу недостатков. [...] Опасался, что русские могут напасть и приступить к военным действиям против нас. В последние дни на участке железной дороги в Раасули ⁶³ отмечено много поездов. Они могут напасть и в Северной Финляндии. Он, как и Вальден, считает, что с русскими надо заключить договор, отдав им какой-нибудь остров или какие-то острова в Финском заливе, если не будет иного способа прийти к соглашению». Аналогичные заметки о моих переговорах с Маннергеймом и Вальденом есть в дневнике за 19 и 22 ноября.

К числу оптимистов относился, прежде всего, министр иностранных дел Эркко, с которым я встретился позже в тот же вечер 18 ноября и которому рассказал о разговорах с Маннергеймом и Вальденом. Из моего дневника: «Говорил с Эркко. Он сказал, что от России не слышно никаких плохих новостей. Газеты не нападают на нас. Посол Ирве-Коскинен ничего не сообщает. Эркко не боялся, что русские предпримут против нас какие-либо военные действия. [...] Эркко, как обычно, был весьма оптимистичен. 'Можешь спокойно отправляться в отпуск', – сказал он мне. Эркко, казалось, думал, как и прежде, что русские отказались от требований базы». Оптимизм Эркко распространялся и на состояние военных дел. «Наши оборонные возможности вовсе не так плохи», – писал он мне при отъезде в третью поездку в Москву. В это время в Финляндии

---

⁶³ Раасули, с 1948 г. – Орехово.

зачитывались книгой одного военного «Оборона Финляндии», в которой в радужном свете были представлены наши военные возможности. Ее наперебой расхваливали в различных газетах.

20 ноября я записал в дневнике о своем посещении Таннера в министерстве финансов, где рассказал о моих беседах с Маннергеймом и Вальденом, а также упомянул то, что мне сказал Эрко. Я спросил, собирается ли правительство предпринимать какие-либо меры. Из моего дневника: «Таннер рассказал, что сегодня было заседание внешнеполитической комиссии правительства. На нём было решено, что половина мобилизованных войск будет распущена по домам. [...] Таннер сказал, что не получил никаких вестей с границы. Нет никаких подтверждений того, что русские собирают войска против нас. В правительстве полагают, что, по крайней мере, в эту зиму русские не будут нас беспокоить и, следовательно, не начнут никаких военных действий. Думают, что мы можем быть спокойны. [...] Поэтому правительство, во всяком случае, в настоящий момент, не будет предпринимать никаких действий для возобновления переговоров с Советским Союзом. Всё останется так, как есть на сегодняшний момент».

Это, также как и решение о начале учёбы в школах с 1 декабря, показывает со всей достоверностью, сколь далеки от всяческих военных конфликтов были мысли представителей правительственных кругов. Вера в то, что Советский Союз не начнет зимнюю военную кампанию, превалировало в некоторых военных кругах. Такую точку зрения мне изложил один из высших офицеров Генштаба. Маршал Маннергейм и по этому вопросу придерживался иного мнения.

23 ноября из Стокгольма в Хельсинки прибыл генерал Эрнст Линдер. Один дипломат сказал ему, что посол Соединённых Штатов в Москве Штейнхардт, недавно побывавший в Стокгольме, говорил, что, по его разумению, Советский Союз не станет нападать на Финляндию и предпринимать какие-либо военные действия против Финляндии, несмотря на разрыв переговоров. Подобное мнение, известие о котором быстро докатилось до Хельсинки, способствовало укреплению оптимистических взглядов.

26 ноября я сделал запись в своём дневнике о встрече с Таннером, которому рассказал о встрече с Маннергеймом, отметив, что маршал весьма обеспокоен сложившейся ситуацией. Он считает,

что нам надо прийти к соглашению с Советским Союзом, а также быть готовыми договориться по вопросу о базе. «Я спросил, что думает правительство? У Таннера не было никакой новой информации. Вопрос о переговорах сейчас не обсуждается. Таннер полагал, что мы можем подождать неделю-другую, прежде чем приступить к каким-либо действиям. Я сказал, что Эркко не способен разобраться с этим вопросом. По моему мнению, он, Таннер, должен стать министром иностранных дел». Что ответил Таннер, я не записал. Помню лишь, что он отверг эту мысль.

В тот же день 26 ноября произошёл инцидент в местечке Майнила. Молотов вручил Ирве-Коскинену ноту, в которой утверждалось, что советские войска, находившиеся на Карельском перешейке в районе деревни Майнила, подверглись артиллерийскому обстрелу со стороны Финляндии, в результате чего погибли трое рядовых и один младший командир, ранено семь рядовых и двое из командного состава. В ноте отмечалось, что Советское правительство на недавних переговорах с Таннером и мною неоднократно указывало на опасность, которую несёт сосредоточение многочисленных регулярных войск в непосредственной близости от границы в направлении Ленинграда. Советское правительство отмечало, что сосредоточение финляндских войск под Ленинградом не только создает угрозу Ленинграду, но и представляет на деле враждебный акт против СССР, уже приведший к нападению на советские войска и к жертвам. «Советское правительство не намерено раздувать этот возмутительный акт нападения со стороны частей финляндской армии, может быть, плохо управляемых финляндским командованием. Но оно хотело бы, чтобы такие возмутительные факты впредь не имели места. Ввиду этого Советское правительство, заявляя решительный протест по поводу случившегося, предложило финляндскому правительству отвести свои войска подальше от границы на Карельском перешейке – на 20-25 километров, и тем предотвратить возможность повторных провокаций». «Нота Молотова не содержит угроз. По своим требованиям она весьма умеренна», записал я в своём дневнике.

В эти дни антифинляндская пропаганда в Советской России постоянно усиливалась. На заводах и в других местах началось проведение митингов, на которых принимались резкие резолюции против Финляндии, которая, якобы, вероломно напала на Советский

Союз. Во многих из них одновременно восхвалялась мирная политика Сталина – так сообщал Ирве-Коскинен в упомянутом выше отчёте, делая вывод, что даже политические комиссары пока не рассматривают войну как средство решения. Маршал Маннергейм в эти дни побывал с инспекционной поездкой на Карельском перешейке, вернувшись в Хельсинки 27 ноября. На следующий день он опубликовал в газетах своё заявление, в котором высказал мнение, что утверждение российской стороны основывается на недоразумении, поскольку наши передовые артиллерийские батареи, а именно батарея лёгкой полевой артиллерии, располагалась на расстоянии 20 километров от советской границы. В свою очередь, тяжёлая артиллерия была дислоцирована не менее чем в 50 километрах от границы.

Правительство ответило нотой от 27 ноября. В ней отмечалось, что, по результатам проведённого расследования, артиллерийский обстрел не производился с финской стороны, как это утверждает правительство Советского Союза. В то же время расследование показало, что на советской стороне границы в районе Майнилы в указанное время производились стрельбы. С финской стороны можно было видеть место разрыва снарядов у деревни Майнила на поляне, которая находится всего в 800 метрах от границы за открытым полем. Таким образом, возможно, имел место несчастный случай в ходе учебных стрельб на советской территории. Поэтому финская сторона отвергала протест Москвы и констатировала, что со стороны Финляндии не было предпринято никаких враждебных действий против Советского Союза.

По поводу того, что в ноте Молотова содержалась ссылка на сделанные Таннеру и мне предупреждения об опасности, которые вызывала концентрация регулярных войск вблизи Ленинграда, было замечено, что с финской стороны в непосредственной близости от границы были размещены лишь подразделения погранвойск; там не было артиллерии, дальность действия которой была бы достаточна, чтобы стрелять через границу. Хотя не было какой-то конкретной причины для отвода войск от пограничной линии, правительство Финляндии все же было готово обсудить предложение о том, чтобы отвести на определённое расстояние войска, расположенные по обе стороны границы.

Правительство Финляндии с удовольствием констатировало, что советское правительство не стремится раздуть значение этого вопроса. Чтобы устранить малейшую неясность в этом вопросе, правительство Финляндии предложило поручить пограничным уполномоченным по Карельскому перешейку с обеих сторон изучить данный вопрос, как, собственно, и предполагало действующее соглашение о пограничных уполномоченных. Нота поступила Ирье-Коскинену вечером 27 ноября. Позднее в тот же вечер он отправил ее в Комиссариат иностранных дел.

В ответ Молотов во второй половине дня 28 ноября отправил Ирье-Коскинену резкую ноту, в которой говорилось, что поступивший накануне ответ финского правительства представляет собой «документ, отражающий глубокую враждебность правительства Финляндии к Советскому Союзу и призванный довести до крайности кризис в отношениях между обеими странами.

1. Отрицание со стороны правительства Финляндии факта возмутительного артиллерийского обстрела финскими войсками советских войск, повлекшего за собой жертвы, не может быть объяснено иначе, как желанием ввести в заблуждение общественное мнение и поиздеваться над жертвами обстрела. Только отсутствие чувства ответственности и презрительное отношение к общественному мнению могли продиктовать попытку объяснить возмутительный инцидент с обстрелом "учебными упражнениями" советских войск в артиллерийской стрельбе у самой линии границы на виду у финских войск.

2. Отказ правительства Финляндии отвести войска, совершившие злодейский обстрел советских войск, и требование об одновременном отводе финских и советских войск, исходящие формально из принципа равенства сторон, изобличают враждебное желание правительства Финляндии держать Ленинград под угрозой. На самом деле мы имеем здесь не равенство в положении финских и советских войск, а, наоборот, преимущественное положение финских войск. Советские войска не угрожают жизненным центрам Финляндии, ибо они отстоят от них на сотни километров, тогда как финские войска, расположенные в 32 километрах от жизненного центра СССР – Ленинграда, насчитывающего 3 с половиной миллиона населения, создают для него непосредственную угрозу. [...]

советские войска, собственно, некуда отводить, так как отвод советских войск на 20-25 километров означал бы расположение их в предместьях Ленинграда, что является явно абсурдным с точки зрения безопасности Ленинграда. [...] Если правительство Финляндии отказалось отвести свои войска на 20-25 километров, это означает, что оно намерено держать Ленинград под непосредственной угрозой своих войск.

3. Сосредоточив под Ленинградом большое количество регулярных войск и поставив, таким образом, важнейший жизненный центр СССР под непосредственную угрозу, правительство Финляндии совершило враждебный акт в отношении СССР, несовместимый с пактом о ненападении, заключенным между обеими странами. Отказавшись же отвести войска хотя бы на 20-25 километров после происшедшего злодейского артиллерийского обстрела советских войск со стороны финских войск, правительство Финляндии показало, что оно продолжает оставаться на враждебных позициях в отношении СССР, не намерено считаться с требованиями пакта о ненападении и решило и впредь держать Ленинград под угрозой. Но правительство СССР не может мириться с тем, чтобы одна сторона нарушала пакт о ненападении, а другая обязывалась исполнять его».

Ввиду этого Советское правительство считало себя свободным от обязательств пакта о ненападении.

Исходя из финского понимания вопроса, с такой трактовкой нельзя было согласиться. В соответствии с первой статьёй Договора о ненападении и о мирном урегулировании конфликтов между Финляндией и Советским Союзом, подписанного 21 января 1932 года, нападением считалось всякое насильственное действие, нарушающее целостность и неприкосновенность территории другой стороны. Советский Союз утверждал, что с финской стороны выстрелы в Майнила были как раз таким действием. Финская сторона отрицала сам факт стрельбы. Согласно 5 статье Договора, договаривающиеся стороны обязались решать возникающие между ними споры, независимо от их природы или происхождения, мирными средствами, прибегая к согласительной процедуре. Она должна использоваться, в частности, в отношении «вопроса о том, было ли нарушено или нет

взаимное обязательство о ненападении». Таким образом, по Договору, в данном случае надо было прибегнуть к согласительной процедуре.

Такую позицию правительство Финляндии изложило 29 ноября в ответной ноте на представленную выше ноту советского правительства. Одновременно правительство Финляндии предложило безотлагательно созвать согласительную комиссию для рассмотрения возникших разногласий. В качестве альтернативы правительство Финляндии заявило о своей готовности передать урегулирование вопроса внешнему нейтральному посреднику. Для того, чтобы максимально убедительно подтвердить своё искреннее стремление прийти к взаимопониманию с правительством Советского Союза и отвергнуть утверждения Советского правительства, что Финляндия заняла в отношении его враждебную позицию и стремится поставить под угрозу безопасность Ленинграда, правительство Финляндии заявило о своей готовности договориться с правительством Советского Союза об отводе сил обороны, находящихся на Карельском перешейке, за исключением подразделений пограничных войск и таможенной службы, на такое удаление от Ленинграда, чтобы не оставалось малейшей возможности для утверждений об их угрозе безопасности города.

Еще до того, как Ирвьё-Коскинен успел получить инструкции по вручению этой ноты, первый заместитель народного комиссара иностранных дел СССР Потёмкин поздно вечером 29 ноября передал ему ноту, которой разрывались дипломатические отношения с Финляндией. Принимая эту ноту, Ирвьё-Коскинен сообщил, что ответ Финляндии на подходе и что правительство Финляндии согласно на односторонний отвод войск, размещённых на Карельском перешейке. Потёмкин сказал, что решение правительства Советского Союза уже принято и что его задачей была только доставка этого решения адресату. В ночь с 29 на 30 ноября Ирвьё-Коскинен, которому не удалось попасть на приём к Молотову, доставил ноту правительства Финляндии в Народный комиссариат иностранных дел.

Советская нота по инциденту в Майниле от 26 ноября была как по форме, так и по содержанию весьма умеренной. Содержащееся в ней предложение об отводе наших войск на Карельском перешейке от границы на 20-25 километров – поскольку советское правительство «хотело бы, чтобы такие возмутительные факты впредь не имели

места» – вовсе не было невозможным. Но следующая нота советского правительства от 28 ноября, которая была ответом на нашу ноту, переданную накануне, была жёсткой, предельно напористой, дававшей понять, что советское правительство уже определило свою позицию. Когда я читал в газетах нашу первую ответную ноту, она в тот момент казалась мне вполне приемлемой. Но сейчас, много позже, уже узнав образ мышления большевиков, я вновь задумывался над этим вопросом, то начинаю в какой-то степени понимать тот напор, который буквально бьёт из следующей ноты советского правительства. Правительство СССР основывало свое предложение на сообщении Генерального штаба Красной армии о событиях в Майниле. Когда же мы не только назвали его безосновательным, но и сослались на то, что причиной может быть неумелость советских войск, проявленная в ходе учений у самой финской границы, то это уже можно было считать оскорблением достоинства Красной армии, а в таких вопросах русские весьма щепетильны. Кроме того, замечание советского правительства относительно того, что предложенный нами одинаковый отвод войск привёл бы к дислокации советских войск в пригородах Ленинграда, имело под собой основания. Поэтому с нашей стороны было бы разумно согласиться на односторонний отвод войск от границы, что мы и сделали в нашей последней ноте, а также предложить перенести решение вопроса в согласительную комиссию. Не исключено, что возможный выигрыш нескольких дней не позволил бы добиться чего-либо существенного, особенно с учётом того, что мы сами не были готовы вносить новые предложения. Да и Кремль уже решил в любом случае добиваться выполнения своих требований.

Но был ли инцидент в Майниле провокацией советской стороны, имевшей целью добиться положения, определённого I статьёй Договора о ненападении: нарушение территориальной целостности договаривающейся стороны для получения оснований денонсации этого договора?

В насквозь злобной и лживой книге «Финляндия», вышедшей в Советской России в конце 1940 года, говорится о том, что премьер-министр Каяндер выступил в Хельсинки 23 ноября «с провокационной антисоветской речью, чуждой международной практике. [...] Выступление премьер-министра Финляндии было явным сигналом к войне против Советского Союза. [...] Не прошло и

трёх дней после подстрекательской речи Каяндера, как с финской стороны прозвучали первые выстрелы». За ней следовала публикация из шведской коммунистической газеты «Ny Dag» с рассказом финского солдата, взятого в плен неподалёку от Майнилы: «Солдаты, находившиеся на передовой – там была наиболее агрессивно настроенная группа – решили послать большевикам привет: они произвели выстрелы, которые и дали повод к началу войны». Согласно переводу в «Правде», газета шведских коммунистов информировала, со ссылкой на рассказ финского солдата, что выстрелы не были произведены по приказу вышестоящего командования, но «судя по всему, в Хельсинки уже были нацелены на войну». Вместе с тем, газета сообщала, что в Финляндии раздавались голоса против разрыва переговоров, на этой позиции был также и Маннергейм.

В «Правде» грубо ругали Каяндера за упомянутую речь. По сути, она не содержала ничего иного, что многократно предлагалось с нашей стороны. Есть, однако, два момента, позволяющие понять, почему она так повлияла на русских. Во-первых, в ней было жёстко заявлено, что ни на какие более крупные уступки мы не пойдём. Во-вторых, сама форма высказывания представителя малого государства могла вызвать раздражение у руководства могущественной великой державы. «Финляндия в отношении Советского Союза всегда проявляла дружелюбие и уступчивость, дальше которых независимому государству трудно пойти, не подвергая опасности собственную безопасность», – сказал Каяндер. «Финляндия не согласится на роль государства-вассала. Нас к этому не склонить ни войной нервов, ни путём изнурения, равно как и любыми соблазнами». Это звучало как слова Бисмарка: «Wir Deutsche fürchten Gott, aber sonst nichts in der Welt – Мы, немцы, боимся Бога, но никого другого в этом мире».

Создаётся впечатление, что после этого Кремль, который до этого, возможно, ожидал от нас новых предложений, убедился в том, что у него не оставалось другой альтернативы, кроме как отказаться от своих требований – пойти на это великой Советской России перед маленькой Финляндией было невозможно – или же проталкивать их с позиции силы. Нетрудно догадаться, что Кремль в этом случае выбрал второе решение.

Возможно, детали майнильского инцидента навсегда останутся невыясненными. У нас в отношении данного вопроса есть своя позиция: это – не наша вина. Русские утверждают обратное. Если оценивать ситуацию беспристрастно, то вообще и, особенно, в тогдашних условиях, столь грубое нарушение пограничного мира было бы с нашей стороны совершенным безумием и пренебрежением самыми элементарными интересами нашего отечества. Могли ли быть такие шальные головы среди способных хоть как-то думать людей? Конфликты, спровоцированные между государствами и, особенно, великими державами, к сожалению, не являются чем-то невозможным. Похоже, что они стали почти неотъемлемым элементом техники международного общения. Иной раз они происходят без ведома верхов.

Но менее объяснима спешка, которую в те дни проявило советское правительство. Нота Советского Союза по инциденту в Майнила была, как уже говорилось, весьма умеренной по форме и содержанию. Правда, наш ответ на неё был, по моему мнению, излишне негативным. Но при наличии доброй воли это не должно было вызвать разрыва дипломатических отношений со стороны Кремля, даже не дожидаясь нашего ответа. Кремль принял своё решение, по крайней мере, после получения нашего ответа, но возможно и раньше.

Сразу после окончания Зимней войны с Советской Россией был опубликован военный дневник батальонного комиссара Н. Гаглоева. Первый, чётко обозначенный в дневнике день, это 27 ноября, но еще до этой даты пометки делались в течение семи различных дней, причём каждый день указан как «такого-то ноября». Следовательно, первый из них должен был приходиться не позднее, чем на 20 ноября. Здесь сообщается, что заместитель начальника политического управления Ленинградского военного округа сделал анализ ситуации для комиссаров, срочно вызванных из Москвы в Ленинград. В нём он призвал «познакомиться с особенностями будущего театра военных действий (лесами, болотами, горами, участками бездорожья), а также с общественным и экономическим положением Финляндии». Если заметки имеют под собой реальные факты, это доказывает, что уже 20 ноября в Ленинградском военном округе война с Финляндией считалась вполне вероятной или, по крайней мере, возможной (журнал «Знамя». 1940. № 6–7. С. 40–89).

Поздно вечером 29 ноября Молотов выступил по радио с речью, адресованной «Гражданам и гражданкам Советского Союза». Он отметил, что «в течение последних двух месяцев Советское правительство терпеливо вело переговоры с финляндским правительством о предложениях, которые в современной тревожной международной обстановке оно считало минимальными для обеспечения безопасности страны и особенно для безопасности Ленинграда. Финляндское правительство заняло в этих переговорах непримиримо враждебную к нашей стране позицию. Вместо того, чтобы дружественным образом найти почву для соглашения, нынешние финляндские правители в угоду иностранным империалистам – поджигателям вражды к Советскому Союзу пошли по другому пути. Несмотря на все сделанные нами уступки, переговоры окончились безрезультатно». Затем Молотов рассказал о провокации, устроенной финскими военными, которая привела к артиллерийскому обстрелу советских частей и человеческим жертвам. И что предложения Советского Союза избежать конфликтов не только остались безрезультатными, но ещё и наткнулись на нахальное отрицание этого факта Финляндией. Все это показывало, как тогдашнее финляндское правительство, запутавшееся в своих антисоветских связях с империалистами, продолжало занимать враждебную позицию в отношении Советского Союза и не хотело считаться с требованиями пакта о ненападении, вследствие чего советское правительство вынуждено заявить, что оно считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении, и вынуждено принять новые решения.

Всё это содержало то же самое, о чём уже объявляло советское правительство и что мы не могли признать правомерным. Особо следует отметить утверждения Молотова, что Финляндия действовала под влиянием антисоветских империалистических держав, то есть Англии и Франции. В этом обвинении не было ни малейших оснований. Но поскольку Кремль и сам, судя по всему, не верил, что маленькая Финляндия в одиночку думает о сопротивлении великой Советской России, возможно, руководители Советского Союза в своей глубокой подозрительности и неверной оценке мировоззрения финского народа, могли подумать, что дело обстоит именно так.

Речь Молотова содержала и некоторые другие мысли, заслуживающие внимания.

«Враждебная нам иностранная пресса утверждает», – сказал Молотов «что принимаемые нами меры преследуют цели захвата или присоединения к СССР финляндской территории. Это – злостная клевета. Советское правительство не имело и не имеет таких намерений. Больше того. При наличии дружественной политики со стороны *самой* Финляндии в отношении Советского Союза, Советское правительство, всегда стремившееся к дружественным отношениям с Финляндией, было бы готово пойти ей навстречу по части территориальных уступок со стороны СССР. При этом условии Советское правительство было бы готово благоприятно обсудить даже такой вопрос, как вопрос о воссоединении карельского народа, населяющего основные районы нынешней Советской Карелии, с родственным ему финским народом в едином и независимом финляндском государстве. Для этого, однако, необходимо, чтобы правительство Финляндии занимало в отношении СССР не враждебную, а дружественную позицию, что соответствовало бы кровным интересам обоих государств».

«Другие утверждают, – продолжал Молотов, – что проводимые нами меры направлены против независимости Финляндии или на вмешательство в ее внутренние и внешние дела. Это – такая же злостная клевета. Мы считаем Финляндию, какой бы там режим ни существовал, независимым и суверенным государством во всей ее внешней и внутренней политике. Мы стоим твердо за то, чтобы свои внутренние и внешние дела решал сам финляндский народ, как это он сам считает нужным. Народы Советского Союза сделали в свое время то, что нужно было для создания независимой Финляндии. Народы нашей страны готовы и впредь оказать помощь финляндскому народу в обеспечении его свободного и независимого развития.

Советский Союз не имеет также намерений ущемить в какой-либо мере интересы других государств в Финляндии. Вопросы взаимоотношений между Финляндией и другими государствами являются делом исключительно самой Финляндии, и Советский Союз не считает себя вправе вмешиваться в это дело.

Единственной целью наших мероприятий является обеспечение безопасности Советского Союза, и особенно Ленинграда с его трех с половиной миллионным населением. В современной, накаленной войною международной обстановке решение этой жизненной и неотложной задачи государства мы не можем поставить в зависимость от злой воли нынешних финляндских правителей. Эту задачу придется решить усилиями самого Советского Союза в дружественном сотрудничестве с финляндским народом».

Я только сейчас смог внимательно вникнуть в то, что сказал Молотов в своей речи о намерениях Советского Союза в отношении независимости Финляндии и уважения этой независимости. Это были правильные мысли, именно то, что и мы сами полностью признаём, и что должно быть положено в основу отношений между Финляндией и Советским Союзом. Когда это осуществится, между нами исчезнут диссонанс и противоречия.

Молотов считал необходимым, чтобы Финляндия и её правительство занимали по отношению к Советскому Союзу не враждебную, а дружественную политику. Очевидно, он имел в виду правительство Куусинена, которое выйдет на авансцену спустя пару дней. Создаётся впечатление, что, по мнению Кремля, по крайней мере, в тот период, только подобное правительство могло создать предпосылки для таких дружественных отношений, о которых говорил Молотов.

На следующий день, 30 ноября, Центральный комитет Коммунистической партии Финляндии, а через день и «Народное правительство Финляндии⁶⁴» обратились к «Трудовому народу Финляндии» с пространными декларациями. В них, как обычно, последними словами поносили правительство Финляндии, «палачей народа и их пособников», «свору чёрной реакции», но одновременно расписывали, какой будет «Финляндская Демократическая Республика». Заявлялось, что целью не является установление в Финляндии советской власти и общественного порядка. Для решения столь фундаментального вопроса об изменении всей общественной системы недостаточно одной политической партии. Их нельзя было

---

⁶⁴ То есть правительство Финляндской Демократической Республики.

бы установить только силами правительства. Это требовало согласия всего народа, особенно крестьянства, а также утверждения в парламенте. Финляндия, которая не была государством советского типа, не могла вступить в состав Советского Союза, который представлял собой советскую державу. Советский Союз, проводя свою национальную политику, не хотел, чтобы кто-либо мог упрекнуть его в желании расширить свои границы за счёт Финляндии, почему Советский Союз и хотел сохранить существование столь особенной и независимой Финляндии, которая была бы привязана к СССР только посредством двустороннего договора о взаимопомощи. «Народное правительство» заявило о своей просьбе к правительству Советского Союза о предоставлении всяческой необходимой поддержки с помощью Красной Армии, а также предложило советскому правительству «исполнить вековечные чаяния финского народа по объединению народа Карелии в единое и независимое финляндское государство. Народное правительство Финляндии имеет все основания надеяться, что его непоколебимый курс на установление дружественных отношений с Советским Союзом даст возможность правительству СССР согласиться с этим предложением».

В Декларации в качестве «ближайшей задачи народного правительства» выдвигались отдельные пункты внутриполитической программы, отчасти уже осуществлённые в Финляндии, например, требование восьмичасового рабочего дня, из которых наиболее привлекательным, предположительно, считалось требование «экспроприировать земли крупных землевладельцев, не посягая на наделы и собственность крестьян, и передать их безземельным и малоземельным крестьянам».

Скорее всего, Куусинен, да и Кремль, полагали, что «народное правительство» получит широкую поддержку народа Финляндии. Хуже всех предложения прежнего отечества восприняли эмигранты. Во всяком случае, действия Куусинена были попыткой переворота против законного правительства и общественного порядка. Они основывались исключительно на успехе наступления советских войск и поддерживалось только на их штыках.

И против какого же государственного устройства и правительства была нацелена попытка Куусинена? Против такого,

который основывался на однопалатном парламенте, избранном при соблюдении равного и одинакового права голоса, также как и на институте президента, избранного на аналогичных выборах. Какие же правительство и система могут быть более демократичными, чем в Финляндии? От результатов, показанных народом на выборах, зависит государственное и общественное устройство Финляндии.

Не удивительно, что правительство Куусинена, с которым Советский Союз спустя два дня заключит договор, о котором речь пойдёт чуть позже, и которое было создано в сотрудничестве с Кремлём, вызвало в Финляндии сильные подозрения. Его считали плохо замаскированной попыткой уничтожения независимости Финляндии, несмотря на то, что произнёс Молотов в своей речи.

Обоюдное недоверие между Финляндией и Советской Россией было действительно ужасающим. В будущем возникала проблема – можно ли вообще изменить сложившуюся ситуацию и можно ли её направить в лучшую сторону? Нужно было добиться того, чтобы Советский Союз в тех случаях, когда речь шла о постоянно декларируемых им военных целях, мог доверять действительно демократической республике Финляндии и её правительству, такими, какими они являются по воле финского народа. В Финляндии же должно было возникнуть убеждение, что то, что Молотов говорил в своей речи 29 ноября 1939 года о намерениях Советского Союза в отношении Финляндии и независимости Финляндии, было искренним и правдивым, и что Советский Союз будет соблюдать эти принципы. Если бы к этому удалось прийти, то была бы заложена прочная основа хороших отношений Финляндии и России.

События неслись вперёд во всё возраставшем темпе, попытка остановить их больше не представлялась возможной: обычная ситуация на пороге войны, как показывала история последних десятилетий. В эти дни я пытался так или иначе выбраться из возникшего тупика. Утром 27 числа я был у Эркко, мы говорили о возможности возобновления переговоров при посредничестве какого-нибудь нейтрального государства. Эркко полагал, что нота, переданная накануне Финляндией Советскому Союзу, могла бы вызвать дискуссию, которая, возможно, дала бы повод для переговоров. Из моего дневника за 27 ноября: «Похоже, у него (Эркко) нет никаких позитивных планов, на важность которых я обратил

внимание. [...] Эрко вновь сказал, что он не может быть причастен к передаче России военной базы и что он будет вынужден подать в отставку; он столь жестко публично отстаивал позицию против передачи базы. Я заметил, что 'пассивное сопротивление' не может привести к какому-либо результату. Оно может быть полезно для нас самих, но путём пассивного сопротивления невозможно заставить Россию подчиниться нашим требованиям. Вначале наш разговор шёл на повышенных, даже жёстких, тонах. Я прямо сказал Эрко, что сейчас вопрос стоит о самом существовании финского государства или его гибели. Позже Эрко понизил тон разговора, и мы расстались в добром согласии».

28.11.: «Говорил по телефону с Таннером. Спросил, что намерено делать правительство. Таннер ответил, что сейчас как раз готовится ответная нота России. Я сказал, что вчерашний разговор с Эрко произвёл на меня удручающее впечатление. Таннер спросил, что, по моему мнению, следовало делать. Я ответил: Положение стало еще более невыносимым. Надо было иметь в виду конструктивную цель, чтобы найти выход из сложившейся ситуации. Нашей целью должно быть возобновление переговоров, но в этом случае у нас должно быть новое или модифицированное предложение. Процедура: или посредничество нейтрального государства, или же Ирjö-Коскинен должен каким-то образом решить вопрос в Москве. Правительству надо всё это обдумать и попытаться найти выход. Если не удастся вернуться к переговорам, то надо быть готовыми к войне, но это было бы для нас далеко не лучшим решением».

Финские газеты были полны новостями о всё ужесточающихся нападках советской прессы на Финляндию, а также о митингах в Советском Союзе, направленных против Финляндии.

Из моего дневника за 29.11.: «Говорил с Таннером по телефону. Сегодня правительство одобрило новую ответную ноту Молотову. Одновременно Ирjö-Коскинен получил задание попытаться выяснить, "как обстоят дела". Таннер сказал, что этот шум со стороны русских, в принципе, необходим, если мы хотим, здесь, у себя дома, добиться принятия более далеко идущих предложений, поскольку иначе их не примет общественное мнение».

В этом Таннер, возможно, прав. Общественное мнение в Финляндии в силу неверной оценки сложившейся ситуации сбилось с

верного пути. «Финское правительство не имело малейшей возможности влиять на ход событий. Оно знало, что пользуется поддержкой своего народа лишь до тех пор, пока не уступает требованиям, которые означали бы отказ от свободы и независимости страны», – написал после войны один солдат*. Указание на то, что правительство страны могло бы пойти на требования, которые означали бы отказ от свободы и независимости страны, было суровым оскорблением. Я не могу сказать, упали ли авторитет и влияние правительства, президента, государственного совета и парламента настолько, чтобы те, у кого было и должно было быть больше информация, чем у обычного гражданина, «человека с улицы», не могли серьёзно задуматься, каков лучший путь для спасения страны. Возможность такого положения вещей – это тёмные стороны демократии. Вина в том, что страна оказалась в такой ситуации, лежала на руководящих кругах и, прежде всего, на правительстве. События последнего времени отчётливо показали, что и в больших народах общественное мнение весьма управляемо, потому ответственность всё более жёстко давила на руководителей. То, что у нас была совершенно неправильная оценка положения, показал ход дальнейших событий. У нас были уверены в том, что русские не нападут – в середине ноября думали даже о широкой демобилизации; полагали, что получим военную помощь из-за рубежа и верили, что выдержим войну, прежде всего, потому, что Советскую Россию считали слабой в военном и внутривнутриполитическом отношении. По всем этим пунктам была допущена ошибка. То, насколько ошибочны были оценки в военных кругах, показывает доклад генерал-лейтенанта Эквиста, сделанный осенью 1940 года в Ньюландском землячестве. В нём был представлен длинный список сюрпризов, устроенных финнам советскими войсками.

В моей молодости герой одной старой оперетки пел:

«Мне помогите осознать,

Как то, что сразу не понять,

---

* *Peitsara T. Suomen ja Venäjän talvisota 1939–40. Helsinki: Otava, 1941. S. 7.*

Спустя всего лишь день или два

Понятно, словно дважды два?»

(пер. А.И. Белова)

Однако сейчас было уже слишком поздно. В Финляндии царило какое-то фаталистское настроение, полностью уповавшее на провидение, неосознанная вера в победу нашего правого дела. Никто до самого конца не хотел думать о возможном, даже вероятном ходе предстоящих событий. Каким-то непонятным образом, который люди не хотели прояснить даже самим себе, верили и надеялись, что спасёмся, если безукоснительно исполним свой долг. У нас, как, впрочем, и повсюду, превалировала недооценка сил Советского Союза, основывавшаяся на том, что большевики, опираясь на чуждую западному миру экономическую и общественную систему, даже при своём ужасающем превосходстве, не смогут добиться хоть каких-то существенных результатов – убеждение, которое опровергли финская война и, еще в большей мере, война Германии и России.

Х

Война

Из моего дневника за 30.11.1939: «Н а ч а л а с ь в о й н а м е ж д у Ф и н л я н д и е й и Р о с с и е й. Сегодня, 30.11, русские дважды бомбили Хельсинки. А также многие другие места. На границе также шли бои».

«Объявлено военное положение и Маннергейм назначен главнокомандующим».

Итак, мы оказались в этой ситуации. Мы позволили нашему государству скатиться к войне с гигантской Советской Россией, хотя налицо были следующие факты: 1) Нам никто не обещал помощи; 2) У Советского Союза были развязаны руки; 3) Наше военное ведомство испытывало серьёзные проблемы. Конечно, это вряд ли была преднамеренная внешняя политика. У нашего государственного корабля не было рулевого. Мы беспомощно скатились к войне и катастрофе.

Как во время Зимней войны, так и после неё, я часто думал над тем, всё ли возможное сделал я сам для предотвращения катастрофы. Лорд Ванситарт пишет в своей книге «Уроки моей жизни»⁶⁵, что в начале Второй мировой войны он сказал послу Франции в Великобритании: «По крайней мере, Вас и меня нельзя упрекнуть; если бы наши правительства послушались нас, [...] война не началась бы». Посол ответил: «Нас можно упрекнуть в том, что мы потерпели неудачу».

Тоже можно сказать и обо мне.

---

⁶⁵ *Vansittart Robert Gilbert. Lessons of my life. New York, A.A. Knopf, 1943.*

Министр Ханнула как-то раз уже позже упрекнул меня: «Почему ты не стукнул по столу на заседании правительства?»

В мои задачи не входило принятие решений. Я много думал над тем, насколько было бы уместным моё более жёсткое поведение. Перед третьей поездкой в Москву в моей голове промелькнула мысль, а не отказаться ли от поездки, имея те полномочия, которые мне были определены. Как независимый человек, я вполне мог это сделать. Я отказался от этой мысли, поскольку подобное поведение, принимая во внимание упрямый и самодовольный финский характер, представленный в членах правительства столь же мощно, как в финском народе, не привело бы ни к чему иному, как нанесению ущерба интересам страны. Я полагал, что еще есть возможности и могут появиться ситуации, когда русским можно было бы сделать новые предложения, которые нашли бы бóльшую поддержку. В этом я ошибся как в отношении Москвы, так и Хельсинки. По возвращении из последней поездки я пытался в течение нескольких недель вплоть до 30 ноября, действуя через Таннера и Эркко, которых я держал в курсе моих бесед с маршалом Маннергеймом и генералом Вальденем, заставить правительство начать обсуждение возможности продолжения переговоров. Наконец, надо принять во внимание, о чём я уже говорил раньше, что безусловная уверенность в правильности внешнеполитических решений достижима крайне редко. Это выясняется много позже, в будущем.

Моя позиция – именно меня, как старофинна, – была, конечно, известна в Хельсинки. Нужно было постараться избежать противоречий. Нужно было внести контрпредложения и постараться найти компромиссное решение по вопросам, вызывавшим разногласия, включая и вопрос о военной базе. На переговорах можно жёстко сказать «нет», если чувствуешь за собой достаточную силу, в данном случае вооружённую силу. Но её у нас не было. Мы играли в азартную игру, опасную для малого народа.

Во второй половине дня 30 ноября ко мне пришёл президент Каллио, с которым у нас состоялся длинный разговор о сложившейся ситуации. Из моего дневника: «Я сказал, что Эркко не способен распутать этот клубок. Он с самого начала неправильно оценивал положение дел. Делал одну ошибку за другой. В правительстве только

Таннер единственный, кто может стать министром иностранных дел. Поэтому я предложил его. [...] Нам надо попробовать возобновить переговоры с русскими. Но я боялся, что на этот раз договор не будет столь хорош как тот, которого мы могли бы добиться в Москве до начала нынешних событий. [...]

Президент Каллио ответил, что он не может начать добиваться формирования нового правительства, пока старое находится на своём месте. Это дело парламента. Он согласен со мной в том, что в нынешнем составе правительства только Таннер единственный возможный министр иностранных дел. [...]

Я сказал Каллио, что поскольку Конституция определяет в качестве особой задачи президента руководство внешней политикой, то Каллио, по моему мнению, может начать предпринимать действия в отношении министра иностранных дел».

Каллио высказал надежду, что посредничество Северо-Американских Штатов может привести к какому-то результату. Я выразил сомнение, поможет ли это сейчас. В тот день, когда войска Советского Союза напали на территорию Финляндии, США предложили свои услуги по мирному урегулированию конфликта. Финляндия сообщила, что с благодарностью принимает это предложение. Советский Союз отверг его.

Предлагая Таннера на пост министра иностранных дел, я в первую очередь учитывал и то, что в возникшей войне было необходимо объединение социал-демократических трудящихся с остальными слоями населения. Лучшей гарантией этого был бы министр социал-демократ, поскольку в этом случае трудящиеся могли быть убеждены, что война не продлится ни на мгновение дольше, чем необходимо. Правда, сильной стороной Таннера была вовсе не внешняя политика, как я уже отмечал. По своим личным качествам и стилю мышления у него не было особых предпосылок для рассуждений по внешнеполитическим вопросам, ему было сложно своевременно занимать по ним твёрдую, а также достаточно смелую и далеко идущую позицию. Для того, чтобы принять решение, ему были необходимы неопровержимые факты. Но во внешней политике они есть далеко не всегда. Правильно решение или нет, обычно

становится понятным только в будущем. На переговорах осени 1939 года надёжных фактов не было; отсюда вытекала нерешительность как на переговорах, так и в последние недели ноября, когда было необходимо энергичное выступление в правительстве. Начало войны 30 ноября было однозначным фактом. После этого Таннер предпринимал попытки к возобновлению переговоров. Когда в конце января открылась возможность для переговоров, ситуацией не сумели воспользоваться смело и целенаправленно путём готовности к достаточно далеко идущим уступкам, напротив, снова начали торговаться, что было ошибкой. Тогда фактом, правда, ведущим к заблуждению, было то, что военное счастье благоволило нам. В качестве смягчающего обстоятельства следовало, однако, принять во внимание то, что до начала февраля фронт держался, да и на основании высказываний военных полагали, что он будет держаться и дальше и что есть время до начала переговоров. В первой половине февраля в зарубежной прессе ходили слухи о возможном посредничестве Германии для прекращения войны между Финляндией и Советским Союзом. По этому поводу Таннер, опровергая правдивость подобных слухов, сообщил 11 февраля, что поскольку финская армия собственными силами ведёт успешную борьбу с превосходящим противником и, поскольку ожидается помощь, мы и дальше сможем отражать наступление, и что поэтому Финляндии нельзя диктовать условия заключения мира.

После того, как попытка установления мира в начале февраля не принесла результата, а с середины февраля события на фронте стали развиваться трагическим для нас образом и все фантазии быстро развеялись, то в конце февраля Таннер уже энергично проводил линию заключения мира с русскими на предложенных ими жёстких условиях – сейчас в наличии были чёткие факты. Как лидер социал-демократической партии и политик внутреннего толка, Таннер, и по моему разумению, порой излишне учитывал колебания общественного мнения как в своей партии, так и в стране. Внешняя политика чересчур сложное дело, чтобы решения мог принимать «человек улицы». Лидеры должны смело принимать на себя ответственность и управлять общественным мнением.

Сразу в начале войны возникла мысль о формировании нового правительства. Считалось, что генеральный директор Финляндского банка Рюти будет наиболее приемлемой фигурой на пост премьер-

министра. Представители различных кругов упоминали и меня, как возможного кандидата в члены правительства. Если мои услуги будут востребованы, то я считал своей обязанностью войти в правительство, но только в статусе министра без портфеля.

Из моего дневника за 20.11⁶⁶.: «Говорил по телефону с Рюти. Сказал о своём опасении, что война, раз уж она началась, будет развиваться по своим законам. Выразил мнение, что наш договор с Россией будет хуже, чем тот, что можно было подписать в Москве».

Премьер-министр Каяндер представил на пленарном заседании парламента 30 ноября сообщение об отношениях с Советским Союзом, чтобы парламент мог официально выразить своё мнение по этому вопросу. В этой связи министр иностранных дел Эркко дал подробный отчет о ходе переговоров, а министр обороны Ниукканен сделал анализ военного положения на 30.11. После того, как представители фракций выступили с короткими заявлениями, парламент одобрил действия и позицию правительства. Сразу после этого правительство Каяндера подало в отставку.

Назначение нового правительства произошло 1 декабря. Заседание с участием президента и правительства прошло в Финляндском банке, где правительство собиралось во время войны. Сразу после заседания была объявлена воздушная тревога, в связи с чем мы перешли в бомбоубежище, оборудованное в подвале банка, где нам в дальнейшем пришлось часто проводить свои заседания.

Премьер-министром назначили Рюти. Членами кабинета стали Таннер (министр иностранных дел), Сёдерхьелм (министр юстиции), фон Борн (министр внутренних дел), Ниукканен (министр обороны), Пеккала (министр финансов), Ханнула (министр образования), Хейккинен (министр сельского хозяйства), Койвисто (второй министр сельского хозяйства), Саловаара (министр путей сообщения), Котилайнен (министр торговли и промышленности), Фагерхолм (министр социального обеспечения), фон Фиандт (министр национального обеспечения) и Паасикиви (министр без портфеля). Новыми были премьер Рюти и министры Пеккала, Котилайнен и

---

⁶⁶ В финском издании 1958 г. указана дата 20.11. Это очевидно опечатка. Правильно: 30.11.

Паасикиви. Остальные были членами правительства, подавшего в отставку.

На первом же заседании после назначения правительства премьер-министр Рюти изложил задачи правительства: на переднем плане было обеспечение безопасности и независимости государства. Нужно было попытаться вернуться к мирному положению, если только это было возможно при сохранении суверенитета страны. Если же не удастся прийти к соглашению, то надо было из всех сил вести войну. Нужно было обратиться к иностранным государствам для получения материальной и военной помощи.

В комиссию по иностранным делам помимо премьер-министра и министра иностранных дел избрали Ниукканена, Ханнулу, Сёдерхьелма и меня.

Во время заседания поступила информация, дававшая основания опасаться, что советские войска могут угрожать Аландским островам. В этой связи постановили обратиться к Швеции и предложить, чтобы она вместе с Финляндией могла оккупировать Аландские острова.

Было вполне естественным, что правительство ограничило свою деятельность делами, которые прямо или косвенно касались ведения войны и стремлений к миру, а также национального обеспечения. Всё, что не было совершенно необходимым, отложили в сторону.

Задачи и время премьер-министра Рюти были сконцентрированы, помимо общего руководства деятельностью правительства, на вопросах закупки военного имущества, а также проблемах внешней политики и устремлений к миру. Моя деятельность была направлена на внешнюю политику и достижение мира. Я практически каждый день встречался с министром иностранных дел Таннером, что позволяло держаться в курсе событий. Нередко мы собирались втроем – Рюти, Таннер и я. Мне приходилось много контактировать с генералом Вальденом, который был представителем Верховного главнокомандующего и ставки при правительстве. От него я узнавал о развитии военных событий.

Моя позиция была ясной и простой. Поскольку мы оказались вовлечены в войну, нужно было и здесь до предела довести свои усилия. Но если мы не получим из-за рубежа эффективную и достаточную помощь, причем не только оружием и другим военным имуществом, но и живой силой, мы не выдержим. Если же мы останемся одни, то раньше или позже, по моей оценке, спустя сравнительно короткое время, проиграем войну.

Нужно было попытаться получить помощь. Однако я не верил, что мы сможем получить её в достаточном количестве.

В первую очередь речь шла о Швеции. Когда я был послом в Стокгольме, то пришёл к заключению, что Швеция – по крайней мере, согласно господствовавшим тогда представлениям – не будет, как государство, оказывать нам военную помощь и вмешиваться в ход возможной войны. С другой стороны, она могла оказать нам экономическую поддержку. На той же позиции Швеция оставалась и во время нашей Зимней войны. Рассуждали и о том, что если Швеция даже и окажет нам военную помощь, то её не хватит для сопротивления такой великой державе как Советский Союз. Со своей стороны, я склонен полагать, что если бы Кремль в 1939 году был уверен в том, что Швеция будет сражаться бок о бок с нами, он вряд ли начал войну; а если бы и начал, то отражение советской агрессии объединёнными силами Финляндии и Швеции, не казалось невозможным. Правда, в войне с Германией Советский Союз показал несравнимо большую военную и внутреннюю силу, чем многие могли ожидать; но это была подлинная оборонительная война, а война с Финляндией была наступательной. Если бы Советскому Союзу на финляндском фронте противостояла, скажем, вдвое большая, да ещё и лучше вооружённая сила, чем та, что мы могли выставить в одиночку, то надежды на успех были бы иными. Но, как уже было сказано: Швеция не была к этому готова и не проявляла никакого желания. Отправиться на войну за пределы своей страны, сосредоточив для этого все силы народа и государства, всей армии, было далеко не простым и лёгким делом. Да и положение, с позиции Швеции, не было таким уж беспроблемным; политическая ситуация осложняла для неё военное вмешательство. Во время заседания глав государств и министров иностранных дел Северных стран, прошедшего в октябре предыдущего года, Швеция чётко дала понять,

что она, как государство, не станет оказывать нам вооружённую помощь.

Второй возможностью было получение помощи от западных держав, Великобритании или Франции, где были высоки симпатии по отношению к нам. Надежды на получение помощи от них, трезво рассуждая, были изначально невысоки. Уже по географическим причинам, отправка в Финляндию достаточно большого военного контингента была маловероятна. Англия и Франция находились далеко, за Швецией и Норвегией. Помощь должна была быть достаточной и эффективной. Переброска больших армий в Финляндию проблематична, порой невозможна, даже в том случае, если Швеция и Норвегия не будут создавать этому препятствий. Их переброска через Швецию и Норвегию даже технически почти невозможна. Швеция и Норвегия, как транзитные страны, через которые перемещались бы крупные военные контингенты, оказались бы втянуты в сферу военных действий. Англия и Франция находились в состоянии большой войны с Германией. Не вызывает никакого сомнения, что западные державы в первую очередь внимательно следили за поведением Германии. Создание ими нового фронта могло вызвать вмешательство в это дело со стороны Германии. Тем самым, и мы могли оказаться вовлечены в войну с Германией. С другой стороны, можно было получить от западных держав какое-то количество военного оборудования, самолётов и т.п., но эта помощь, как бы хороша она ни была, явно недостаточна.

Единственная великая держава, которая в силу своего географического положения, могла бы оказать нам военную помощь против Советского Союза, была Германия. Но в 1939–1940 годах от неё нельзя было ожидать никакой помощи. Со стороны определённых, очень высоких кругов Германии, весьма дружески относящихся к Финляндии, нас в течение осени 1939 года дважды, впервые уже в октябре, серьёзно призывали заключить соглашение с Советским Союзом. Из моего дневника от 4.12.: (германский советник) «призвал всячески избегать войны с Россией. Война начнётся, если мы не сможем добиться соглашения с русскими. И мы войну проиграем. Мы ниоткуда не получим помощи. Соглашение не будет позорным, если мы получим компенсацию». «Советник совершенно правильно обрисовал и предсказал создавшееся положение и его развитие.

Произошло именно так, как он сказал». Я получил информацию об этом совете уже после начала войны.

Нам, следовательно, надо было пробовать как можно скорее добиваться мира и всячески пытаться вступить в переговоры с Советским Союзом, а также быть готовыми идти на ещё более крупные уступки.

Эти обстоятельства определяли мою позицию во время войны.

Вопрос о действиях, продиктованных сложившейся ситуацией, и возобновлении переговоров, который обсуждался уже на первом заседании правительства, более внимательно рассматривался на заседании комиссии по иностранным делам 2 декабря с участием президента Каллио и маршала Маннергейма. Таннер сообщил, что от Швеции поступил отрицательный ответ на наше предложение о совместной оккупации Аландских островов, что произвело удручающее впечатление. Было понятно, что это окончательно означает невозможность ожидать какую-либо военную помощь со стороны шведского государства. В эти дни говорили о том, что в Швеции звучали весьма сомнительные, с точки зрения борющейся за своё существование Финляндии, мысли, которые, якобы, вытекали из того, что Швеция была нейтральной, а Финляндия вела войну. Вполне возможно. Действительно, у Финляндии не было иных устремлений, как жить в мире и оставаться нейтральной, она даже пальцем никому не угрожала. К своему несчастью, Финляндия утратила свой нейтралитет, поскольку на неё напала Советская Россия. Но мы, северяне, сильны в юриспруденции. Однако, следует добавить, что и в Швеции, особенно в начале войны, финский вопрос считали, понятно, считали безнадёжным, если мир не будет быстро заключен. Это объясняет, почему осторожные руководители хотели удержать Швецию в стороне от вероятной катастрофы Финляндии.

В ходе обсуждения члены комиссии по иностранным делам были единодушны в том, что нужно обратиться к Советскому Союзу для возобновления переговоров и одновременно сообщить, что Финляндия готова сделать новые предложения. Маннергейм показал на карте, на какую глубину за последние дни продвинулись войска противника. По вопросу о том, стоит ли обратиться к Советскому Союзу незамедлительно или же подождать того, как будут развиваться военные события, маршал Маннергейм высказал в качестве

собственного мнения, что на фронте мы можем добиться успеха, но тогда мы израсходуем все артиллерийские снаряды, а их получение из-за границы весьма затруднительно и потребует времени. «Мы оказались в столь опасной ситуации, что я не знаю, откуда можно получить снаряды», – сказал маршал. Он считал, что надо предпринимать меры по возобновлению переговоров. Президент Каллио придерживался того же мнения. В тот же день министр иностранных дел Таннер передал этот вопрос через посла Швеции в Финляндии.

Обсуждение вопроса продолжилось в комиссии по иностранным делам и наследующий день в присутствии президента Каллио, маршала Маннергейма и генералов Вальдена, Талвела и Гранделла. Генералы-эксперты представили цифры в отношении того, какая сложилась обстановка в обеспечении военным имуществом, особенно по снарядам, включая возможности их производства. Сведения были неутешительны.

В тот же день, 3 декабря, Московское радио сообщило о договоре между Советским Союзом и правительством «Финляндской Демократической Республики».

Большевицкие вожди, возможно, полагали, что недовольство и социальные противоречия в Финляндии столь велики, что наравне с ними не остается места для каких-либо общих устремлений и что идеи единого отечества и государственной независимости не найдут поддержки в широких народных массах. Такой взгляд был близок старым революционерам и ортодоксальным марксистам. Финские коммунисты, находящиеся в Советской России, естественно, всячески поддерживали такую точку зрения. Старая истина заключается в том, что эмигранты, долго находящиеся за рубежом, утрачивают способность правильно оценивать положение в своём прежнем отечестве. Куусинен, член мятежного правительства 1918 года, политик, сбежавший в Советскую Россию и сохранившийся при всех переменах, очевидно, оценивал ситуацию в Финляндии указанным выше способом. В самом начале войны вместе с Кремлём он сформировал на оккупированной советскими войсками части Карельского перешейка «правительство», которому дал величественное имя «Финляндской Демократической Республики».

2 декабря Куусинен и Молотов подписали договор, который во всей своей торжественности производит весьма странное впечатление. «...Теперь, когда героической борьбой финляндского народа и усилиями Красной Армии СССР ликвидируется опаснейший очаг войны, созданный у границ Советского Союза прежней плутократической властью в Финляндии в угоду империалистических держав, и финляндский народ образовал свою Демократическую Республику, всецело опирающуюся на поддержку народа, пришло время [...] обеспечения совместными силами безопасности и неприкосновенности наших государств [...] для осуществления вековых чаяний финского народа о воссоединении карельского народа с родственным ему финским народом» и т.п. В договоре 7 статей. В соответствии с первой статьёй, в состав государственной территории Финляндской Демократической Республики включены районы Советской Карелии, 70 000 квадратных километров, с одновременной передачей Советскому Союзу бывшей финской территории на Карельском перешейке в размере 3 970 квадратных километров. Отметим, что эта переданная территория на Карельском перешейке соответствовала той, которую Сталин на переговорах назвал минимальным требованием советских военных – по линии Суванто – Вуокси – Юрьянпяя – Муолаанярви – Йоханнес. Далее по договору Советскому Союзу передавался в аренду на 30 лет полуостров Ханко с примыкающими к нему островами, та территория, которую Советский Союз возьмёт при заключении Московского мирного договора. Кроме этого, обязались продать Советскому Союзу острова в Финском заливе и принадлежащие Финляндии части полуострова Рыбачий. Третья статья касалась соглашения о взаимопомощи по образцу договоров со странами Балтии. В соответствии с четвертой статьёй, стороны обязались не заключать каких-либо союзов или участвовать в коалициях, направленных против одной из Договаривающихся Сторон. В пятой статье, где говорилось о заключении торгового договора, определялось, что Советский Союз обязуется оказывать армии Куусинена помощь на льготных условиях вооружением и прочими военными материалами⁶⁷.

---

⁶⁷ У автора неточность. О торговле шла речь в статье V Договора, а о помощи в вооружении армии – в статье VI.

Это были весьма своеобразные действия. К сожалению, подобное поведение не является чем-то исключительным в истории, в которой можно, в принципе, найти что-угодно. Поиск хоть каких-то, пусть самых слабых обоснований, похоже, входит в технические методы великодержавной политики. Из моего дневника за 3.12.: «Под предлогом этого (правительства Куусинена) Советская Россия стремится завоевать Финляндию и подчинить её своей власти. Вероломное поведение, что вполне характерно для Куусинена и других изменников». На следующий день пришла информация, что Молотов отказался от переговоров с нами, поскольку Советский Союз признавал исключительно «народное правительство» Куусинена, а не то, что находилось в Хельсинки.

XI

Обращение к Лиге Наций

Сразу в начале войны правительство решило обратиться к Лиге Наций по поводу советской агрессии и попросить вмешаться. Конечно, у правительства не было чрезмерных ожиданий в отношении возможного результата этого действия. Предшествующие годы показали, что Лига Наций обладала незначительными возможностями для помощи своим членам. Нам это, всё же, могло принести хоть какую-то пользу. Были необходимы военное снаряжение и иная военная помощь; решение Лиги Наций с призывом помочь нам в нашей борьбе было бы полезно как в отношении нейтральных, так и воюющих стран. В общем и целом в нашей стране придавали большое – в тех условиях слишком большое – значение мировому общественному мнению и симпатиям в наш адрес. Эти симпатии основывались на тех же принципах морали и справедливости, что лежали в основе Лиги Наций, пусть даже эти принципы не соблюдались последовательно в отношении всех. Было вполне естественным, что, став объектом агрессии, мы попытались бы максимально задействовать механизм Лиги Наций в наших интересах. Во всяком случае, это не могло нести с собой никакой опасности.

Министр Холсти, постоянный представитель Финляндии при Лиге Наций, 3 декабря передал Генеральному секретарю организации запрос на созыв заседания Совета и Ассамблеи Лиги, чтобы они могли предпринять все необходимые меры для отражения агрессии.

Совет Лиги Наций собрался на своё заседание 9 декабря. Генеральный секретарь Лиги на основе XV статьи Пакта Лиги Наций призвал правительство Советского Союза дать объяснение. Советский Союз ответил, что для созыва Совета, так и Ассамблеи не было

никаких оснований, поскольку «Советский Союз не находится в состоянии войны с Финляндией и не угрожает финскому народу. [...] Советский Союз находится в мирных отношениях с Демократической Финляндской Республикой», правительство которой «обратилось к Правительству СССР с предложением оказывать Финляндской Демократической Республике содействие своими военными силами для того, чтобы совместными усилиями возможно скорее ликвидировать опаснейший очаг войны, созданный в Финляндии ее прежними правителями. В указанных условиях обращение господина Рудольфа Холста в Лигу Наций не может служить основанием для созыва Совета Лиги и Ассамблеи, тем более что лица, от имени которых г. Рудольф Холсти обращается в Лигу, не являются действительными представителями финского народа. [...] Если бы [...] Совет Лиги и Ассамблея были всё же созваны для рассмотрения обращения господина Рудольфа Холсти, Советское Правительство не сочло бы возможным принять участие в этих собраниях».

Я не знаю, что думать об этих поводах, которые правительство великой державы считало удобным изложить перед всем миром. Но как пишет один историк «в истории вновь и вновь повторяется та особенность, что, действуя в интересах государства, можно безоговорочно подпадать под его влияние, но на словах, в состоянии раздражения и досады, отвергать его принципы».

Решение вопроса шло быстро и в полном соответствии с Уставом Лиги. Ассамблея Лиги Наций собралась на своё заседание 11 декабря, когда Холсти, отметив участникам Ассамблеи, что переданные документы полностью проясняют сложившуюся ситуацию, остановился в своей речи на моральной оценке вопроса. Холсти привёл многочисленные выдержки из заявлений Литвинова на заседаниях Лиги, в которых тот в жёстких выражениях осуждал агрессию, выступая страстным поборником сохранения мира и устройства коллективной безопасности. Для подготовки вопроса Ассамблея учредила специальный комитет в составе 13 человек, который в соответствии с Пактом Лиги направил правительствам Финляндии и Советского Союза обращение прекратить враждебные действия и начать при посредничестве Ассамблеи переговоры по восстановлению мира. Финляндия приняла это предложение, а советское правительство, сославшись на свой предыдущий ответ, отказалось. 13 декабря на Ассамблее Лиги представитель Аргентины

предложил исключить Советский Союз из Лиги Наций. Некоторые другие Южно-Американские государства, либо через своих представителей в Лиге, либо телеграммами, поддержали предложение Аргентины или сделали заявления в поддержку Финляндии. После того как специальный комитет передал свой рапорт, вопрос рассматривался на заседании Ассамблеи 14 декабря, где были одобрены предложения комитета.

В ходе дискуссии, как на Ассамблее, так и на заседании Совета, было произнесено немало красивых и возвышенных слов. Выступавшие горячо говорили о «великих принципах справедливости и мира», «суде мировой совести», поддерживали «право всех народов на свободу и независимость, правовое равенство, а также на территориальную неприкосновенность», отстаивали «поддержание международной морали и мобилизацию сил морали», говорили, что Советский Союз своей агрессией нарушил «исконные требования морали». «Не только Финляндия обратилась к нам, к нам воззвало само *право*», – сказал представитель Индии. Представитель Аргентины следующими словами охарактеризовал положение в мире: «Обветшание политических и международных институтов, нарушение данного слова, завоевания, осуществлённые с помощью насилия и предательства, военная оккупация и акты агрессии, преследования по религиозным и расовым мотивам, насильственное изгнание людей, уничтожение городов и торговых судов, всемирный кризис, потрясающий основы общества, падение культуры – всё это накладывает печать на событиях нашего времени».

Литвинов, который раз за разом выступал в Женеве поборником мира, священности выполнения договоров, противодействия агрессии, в защиту коллективной безопасности и многих-многих других красивых идей, как, впрочем, и Молотов, убеждённо говоривший о важности соблюдения договоров, наверное, улыбнулся в Москве в тот момент, когда узнал, что его слова цитировали с трибуны Лиги Наций.

Следует обратить внимание, что хотя в ходе дискуссии все произносили в адрес Финляндии возвышенные слова сочувствия и восхищения, нашими сторонниками среди малых государств были далёкие страны Латинской Америки. Из малых стран Европы, собственно говоря, только Португалия чётко и однозначно

поддержала нас. Швейцария «в силу своего полного нейтралитета» воздержалась от голосования. Голландия и Бельгия сделали оговорку, что деятельность секретаря Лиги по оказанию помощи нельзя ни в коей мере считать общим действием всей организации. Эстония, Латвия и Литва воздержались от голосования по вполне понятным причинам. Также поступили Болгария, Югославия и Греция. Наиболее странное впечатление на нас произвело то, что Швеция, Дания и Норвегия также ушли в сторону и, «сославшись на хорошо известную общую позицию своих правительств в отношении санкций, воздержались от занятия позиции по решению, поскольку оно затрагивало меры, которые укладывались в рамки санкционной системы».

По вопросу санкций, не только военных, но и экономических, Северные страны, в том числе и Финляндия, зарезервировали за собой право в каждом отдельном случае определять свою позицию. Сейчас же в первую очередь стоял вопрос об оказании помощи Финляндии, причём только экономической и моральной, потому было сложно понять причины, заставлявшие наших скандинавских соседей оставаться за рамками этого вопроса. Если бы вопрос об исключении Советского Союза из Лиги Наций рассматривался как санкционный, что вряд ли было приемлемо, то этот вопрос можно было поставить иначе, как и сделал представитель Греции. Когда я читал заявление канцлера университета Ундена, сделанное им от имени трёх стран, его аргументы в защиту позиции Северных стран показались мне слабыми. Необходимо отметить и то, что Голландия, Бельгия, Дания, Норвегия, Югославия и Греция не смогли своей осторожной политикой уберечься от несчастий войны. Швеция, несмотря на её поведение в Лиге Наций, оказала нам щедрую поддержку. Представители великих держав – Англии и Франции – поддержали предложения Финляндии.

Если не принимать во внимание воздержавшихся от голосования и то, что никто не выступил против, решения были единодушными. Ассамблея осудила действия Советского Союза против Финляндии и обратилась ко всем членам Лиги Наций со срочным и веским обращением, чтобы они по мере возможностей оказали Финляндии материальную и моральную поддержку, а также воздержались от любых действий, которые могли ослабить способность Финляндии к сопротивлению. Одновременно Генеральный секретарь Лиги был

уполномочен использовать возможности своих технических представительств для организации помощи. Далее Ассамблея констатировала, что Советский Союз нарушил обязательства, вытекающие из Пакта, поставив себя вне этого документа. На обсуждение Совета Лиги был передан вопрос об исключении Советского Союза. В тот же день Совет констатировал, что Советский Союз вследствие своей деятельности оказался вне Лиги и что он больше не является её членом.

На заседании Ассамблеи Лиги Наций Финляндию избрали членом её Совета. Принося Лиге Наций слова благодарности за такое решение, Холсти высказал мнение, что этим «дано новое свидетельство жизнеспособности и силы главной идеи Лиги».

Для нас польза от решения Лиги Наций заключалась в том, что на него могли ссылаться как сама Финляндия, так и государства-доноры. Помогая нам, члены Лиги Наций претворяли в жизнь обязательство, которого налагал на них Пакт организации.

Это было последней демонстрацией силы Лиги Наций. После этого её деятельность в полном смысле этого слова прекратилась.

Когда я перечитывал заявления, высказанные при обсуждении этого вопроса, мою душу согревали возвышенные слова и мысли, звучавшие там. С другой стороны, удручало то, насколько беспомощной была не только Лига Наций, но и международная мораль. Создавалось впечатление, что силы зла брали верх над силами добра.

Со стороны Советского Союза позже заявляли, что Лига Наций никогда прежде не придерживалась того же принципа, как в случае с Финляндией, поскольку она, к примеру, не исключила Польшу в связи с её агрессией. Нельзя сказать, что такая позиция Советского Союза была безосновательной.

Так растаяла ещё одна большая фантазия. В 1920-е годы на Лигу Наций надеялись и многого от неё ждали.

Хорошо известны уничижительные высказывания циников в адрес Лиги Наций. «Евангелие от Вильсона», «заоблачные грёзы», -- сказал об устремлениях Лиги Наций почтенный французский

дипломат, посол граф де Сент-Олер. Другие дипломаты были более сдержанны. «Лига Наций основывается на предпосылке международного бескорыстия. [...] Инстинкт самосохранения, который является корнем всяческой политики, отпугивает государство от войны за дело другого народа», – говорит англичанин Гарольд Николсон. Вместе с тем, он дополняет, что хотя такая критика сама по себе понятна, она не является окончательной; идея Лиги Наций несомненно возродится, если насилие не победит в Европе. И, наконец, третий – старый и опытный дипломат, француз Жюль Камбон, в своей известной книге *Le Diplomate*⁶⁸ придаёт Лиге Наций весьма большое значение как представителю общего мнения, хотя именно в этом и заключалась слабость Лиги в «борьбе с человеческим злом». Камбон полагает, что, если бы Лига Наций существовала во времена Кавура и Бисмарка, эти государственные мужи не могли бы не обратить внимания на единодушную позицию организации.

Пример Финляндии осени 1939 года вновь показал, что значение Лиги Наций переоценивали. В какой-то мере Лига была даже во вред, поскольку она убаюкивала государства-члены, создавая у них чувство безопасности, отчасти стимулируя пренебрежение к вопросам обороны и подталкивая к неверной оценке международной ситуации.

В Финляндии мы были горячими сторонниками Лиги Наций. Такая позиция для малого государства весьма естественна. Лигу Наций, как гаранта мира и неприкосновенности своих членов, считали опорой малых государств. Лига была единственным местом, где малые народы, наравне с большими, могли выступать по общим для всех вопросам. Она производила впечатление средства, с помощью которого малые государства могли, по крайней мере, в какой-то степени, подняться из атмосферы той неприметности и незначительности, в которой они жили своей замкнутой жизнью, если не оказывались объектом внешней политики великих держав.

В Финляндии приходилось придавать особое значение мировому общественному мнению. Во время правления России, особенно в годы угнетения, мировое общественное мнение и симпатии, находившие выражение в газетных публикациях, адресах, подписанных известными зарубежными учёными и другими деятелями культуры, были нашим утешением. Пусть эти выражения

---

⁶⁸ См.: Камбон Жюль. Дипломат. М.: Госполитиздат, 1946.

общественного мнения и не останавливали хода событий, но они, по крайней мере, делали в какой-то степени известными нашу страну и наши дела. Опять же, утопающий хватается за соломинку.

К тем финнам, кто и раньше связывал свои надежды со значением для малых народов мирового общественного мнения и основанной на нём идеи справедливости, относился наш старый государственный деятель, старофинн, сенатор Г.З. Ирвьё-Коскинен, бывший профессор истории. Ирвьё-Коскинен, который был большим идеалистом, в течение нескольких десятилетий размышлял над судьбами и будущим малых народов. Время от времени он возвращался к этим вопросам и с озабоченностью говорил о «жутком, слепом реализме» великих держав, проявлявшемся во всё более грубой форме. В 1865 году он писал о каком-то общем устройстве, которое «охраняло бы более слабых от произвола сильных», полагая, что на основе мирового общественного мнения можно строить новый миропорядок. Он планировал, что «просвещённая публика всего мира будет контролировать и судить между народами и государствами», считая, что «это могло бы стать для слабых надёжной опорой против насилия и несправедливости». Он не считал невозможным появление какого-то международного общества, которое «применяло бы закон и право там, где ещё царит сплошное насилие». Хотя такое правовое положение вряд ли было достижимо в ближайшие годы, «кому еще, как малым народам, нужно истово молиться о появлении подобного общества». В труде «Ведущие идеи в истории человечества», опубликованном в 1879 году, он с определённой надеждой говорил о будущем малых народов и считал, что правовое положение будет иметь тенденцию к улучшению для защиты слабых и на благо международного равноправия. В новом издании этой книги 1900 года он полагал, что ход последних событий укрепляет надежды малых народов на будущее. Так, действия, предпринятые Гаагским конгрессом в 1899 г. и способ, которым представители высшей культуры выступали в пользу Финляндии, указывали, по мнению Ирвьё-Коскинена, на то, «что на пороге 20-го столетия рождается новое правовое положение, хотя и оно, пожалуй, не одержит верх без борьбы».

В 1880-е и 1890-е годы Ирвьё-Коскинен не раз возвращался к этим любимым рассуждениям. Казалось, что человечество утратило все высокие идеалы, следствием чего был жуткий, безжалостный реализм,

который жестоко провозглашал право сильного – реализм, который князь Бисмарк привнёс в европейскую политику – писал он в 1889 году: «Куда бы мы ни повернулись, повсюду в мире сегодня самым наглым образом проповедают политику насилия». В 1899 году в публикациях по поводу Гаагского конгресса и бурской войны Ирвьё-Коскинен вновь и вновь писал о тех же вопросах. С ещё большим сомнением он вопрошает: «Неужели все надежды на мирное развитие напрасны? [...] Подлинное спасение человечества заключается в том, чтобы можно было постепенно отодвинуть цинизм, или бесстыдный эгоизм, который князь Бисмарк довёл до предела, и открыть путь к более идейным устремлениям в международных отношениях».

По бурскому вопросу Ирвьё-Коскинен в 1899 году был ещё более пессимистичен. «Общественное мнение на стороне слабого, но это не влияет ни на что, разве только на то, что сотня-другая или тысяча добровольцев устремится на помощь бурам. Другие государства не считают себя вправе вмешиваться в сферу влияния Англии. У каждой из великих держав достаточно таких больных мест. Собственная безопасность малых держав предостерегает их, как говорится, не ходить в баню, пока не приспичит, и они чувствуют своё бессилие. [...] Собственно говоря, существование малых государств зависит от взаимной зависти великих держав друг к другу. [...] Малым странам самое время задуматься, как, действуя самостоятельно и объединёнными силами, поддерживать безопасность и независимость всех. Малым государствам надо объединяться, создавать коалицию малых».

В другой статье, также датированной 1899 годом, Ирвьё-Коскинен обращает внимание на чувство, которое от природы присуще малым народам – интересы всех слабых в определённой мере общи, солидарны.

Другим финном, который до самой смерти, вплоть до января 1914 года, выступал адвокатом государственного идеализма и права на жизнь малых народов, был наш известный государственный деятель Лео Мехелин. И он верил, что достижение постоянного мира, гарантирующего жизнь малых народов, было возможно с помощью международной правовой системы, основной на общественном мнении цивилизованного мира. Он был уверен – как сказал в одном из писем незадолго до своей смерти, «что хорошее и правильное

смогло глубже и шире укорениться в современной жизни, чем то плохое, множество примеров которого я привёл выше. [...] Всё более громкие голоса предупреждения раздаются против злоупотреблений империализма и милитаризма. [...] Идея мира, которая ранее отчасти стремилась к недостижимым идеалам, сейчас свелась к многообещающим вопросам прав народов».

Ирьё-Коскинен, умерший в 1903 г., и Лео Мехелин находились в разных политических лагерях, но по этим вопросам они занимали единую идеалистическую позицию. На той же позиции был и финский народ в 1939-1940 гг. Рассуждая задним числом, можно было бы сказать: оба они были тверды в своей вере, но наивны – точно так же, как и народ Финляндии. Возможно, на стороне их идеализма, как и идеализма финского народа, будущее. «То, чем постоянно занимается человечество в ходе своей истории, то оно со временем и осуществляет во всё большей мере», – написал Ирьё-Коскинен, правда, уже в 1865 году.

Но в настоящее время международное право, справедливость и мораль терпят полное фиаско. Надо ли отказываться от надежд, что когда-нибудь будет создан порядок, применимый как для поддержания существующего положения дел, статуса-кво, что является главной потребностью малых государств, так и вызовов изменяющегося мира? Кто знает? Мыслители, да еще и некоторые государственные деятели, не хотят отказываться от этого, или, образно говоря, выбросить топор в озеро. Может, кто-то из историков – что, пожалуй, еще более неожиданно – считает возможным, «что мы сможем победить злых духов безудержной страсти власти, да ещё и безграничной тяги к обладанию, к собственности, которые до сегодняшнего дня правили человечеством и изо всех сил гнали его вперёд, сможем подчинить их нашим более совершенным знаниям и более жёсткому самоконтролю. Тогда можно думать о том, что человечество наконец достигнет достойного и устойчивого порядка для своей общей, действенной жизни и таким образом достигнет стабильного положения». Напротив, в мире духа развитие и перемены необходимы. В мире дела – право, устойчивость, неизменность; в мире духа – колебания и перемены, говорит он (*Kurt Breysig, Vom geschichtlichen Werden, III, Der Weg der Menschheit, 1928, ss. 449-450*).

Возникнет ли после нынешних катаклизмов плодотворная и мощная контрсила? Будет ли предпринята ещё одна попытка решить вековую проблему мира и справедливости, несмотря на все прежние разочарования? Эта проблема является вопросом самого существования и форм жизни малых народов и государств. Как можно обеспечить создаваемое малыми народами разнообразие, являющееся ценностью с точки зрения мировой культуры – если, конечно, культура и прогресс имеют решающие или, хотя бы, важное значение?*

---

* Написано в 1941-1942 гг.

XII

Попытки возобновления переговоров

Стремлением правительства было возобновление переговоров и прекращение войны. Это постоянно обсуждалось в комитете по иностранным делам. Практически каждый день мы говорили с Рюти и Таннером. Таннер постоянно предпринимал какие-то попытки. С начала января он через посредников имел контакт с представителем Советского Союза. Однако, рассказ об этом не в моей компетенции.

В начале войны правительство обратилось к Швеции с просьбой представлять интересы Финляндии в Советской Союзе. 4 декабря посол Швеции в Москве Винтер информировал Молотова о том, что правительство его страны взяло на себя обязанность выполнять эту миссию, одновременно сообщив о готовности Финляндии к переговорам по восстановлению мира. Молотов ответил, что советское правительство признаёт не правительство, находящееся в Хельсинки, а только «демократическое» правительство Куусинена. Кроме того, он не принял к рассмотрению наши предложения по возобновлению мирных переговоров, равно как и согласие Швеции представлять наши интересы. Мы попытались получить согласие советского правительства на то, чтобы наши интересы представляли Соединённые Штаты, но и на это последовал отрицательный ответ.

Мы стремились к тому, чтобы нашими посредниками стали нейтральные государства – Швеция и США. Возможное обращение к Германии также было предметом постоянных обсуждений в комитете по иностранным делам. Однако Советский Союз занял позицию, согласно которой он не признавал правительство, находящееся в Хельсинки и не соглашался на переговоры с ним. Таким образом ситуация зашла в тупик. «Правительство Куусинена нанесло нам очень тяжёлый удар, перекрыв путь к переговорам с Советским Союзом», – записал я в дневнике 17.12.

В ходе обсуждений, что делать, возникла мысль использовать единственный оставшийся путь, радио. Надо было попытаться дать понять русским, что они абсолютно неверно оценивают ситуацию в Финляндии, полагая, что правительство Куусинена получит здесь поддержку, и верят в то, что сопротивление Финляндии легко сломить. Народ Финляндии сражался бы не только до конца, но и после конца. Он не желал ничего иного, кроме мира и восстановления связей с Советским Союзом, в отношении чего правительство было готово сделать новые, позитивные, предложения. 8 декабря Рюти выступил по радио с изложением этих мыслей. 15 декабря Таннер, также по радио, обратился к комиссару по иностранным делам Молотову, сообщив о готовности финского правительства продолжить переговоры, представив новые предложения для достижения соглашения, удовлетворяющего обе стороны. «Готовы ли Вы возобновить переговоры?», – спрашивал Таннер, надеясь получить немедленный ответ на свой вопрос. Никакого ответа не последовало. Задним числом можно считать такую попытку наивной, раз уж дело дошло до военного решения.

10 декабря парламент принял воззвание к цивилизованным народам мира. «Народ Финляндии сражается за свою независимость, свободу и честь», – говорилось в нём. «Мы защищаем наше Отечество, наш демократический государственный строй, веру, дом и всё то, что цивилизованные страны считают священным. [...] Наша борьба – это защита общего дела всего человечества. [...] Мы верим, что цивилизованный мир, проявивший по отношению к нам чувство глубокой симпатии, не может оставить нас один на один с численно превосходящим врагом. Как форпост западной цивилизации, наш народ имеет право ожидать активную помощь со стороны других цивилизованных народов. Ко всем этим народам Парламент Финляндии обращает это воззвание». Это красивое заявление вновь хорошо показывает издавна присущую нашему народу идейную позицию, которая основывалась на высоких моральных принципах, декларированных в то же самое время и в Лиге Наций.

Моей целью не является рассмотрение хода военных событий в большей мере, чем это необходимо с точки зрения внешней политики.

В течение первых дней наши войска с боями отходили на Карельском перешейке от границы к главным оборонительным рубежам, заняв их 5-6 декабря. Спустя несколько дней русские вошли в плотный контакт с главными финскими силами, когда и было остановлено их продвижение. Здесь, на главном оборонительном рубеже, который проходил от Кюрённиemi на побережье Финского залива по линии: Суоканта – Сумма – Муоланярви – промежуток между Кирккоярви и Пуннус до реки Вуокса, а также через Суванто и Тайпале на берег Ладожского озера, наши войска мужественно и стойко дрались до середины февраля. На Восточном фронте наступление русских было остановлено 9 декабря в результате ожесточённых боёв в районе озера Толваярви, после чего русские были разбиты и отброшены к рубежу реки Айттойоки, где фронт оставался до конца войны. На северо-восточной оконечности Ладожского озера продвижение русских было остановлено в середине декабря, после чего началось контрнаступление и последовавшее за ними ожесточённое, но весьма успешное сражение. На севере, в районе Суомуссалми, во второй половине декабря, и у дороги на Раате, в первую неделю января, финны не только остановили наступление русских, но и добились блестящих побед, уничтожив две советские дивизии. Так и на участке фронта в районе Салла во второй половине декабря враг был отброшен на исходные позиции. В районе Петсамо наступление русских выдохлось. Фронт до окончания войны стабилизировался по линии Наутси.

Иными словами, мы имели военный успех. Начиная с 1–15 декабря, наступление советских войск было остановлено на всех фронтах. Хотя временами шли ожесточённые бои, вплоть до начала февраля военная ситуация складывалась для нас успешно. Практически везде в Финляндии стала складываться атмосфера оптимизма. Она не строилась на рациональном мышлении, поскольку реальный факт, гигантское превосходство Советского Союза, по-прежнему существовало. Это была всё та же фатальная надежда: вдруг так или иначе пронесёт. Оптимистичная оценка сложившейся ситуации и открывающихся возможностей начала превалировать и в кругах военного руководства. Однако, существовали и иные мнения. В течение всей войны я поддерживал постоянный контакт с генералом Вальденом, а он последовательно придерживался того же мнения, что и до начала войны, не давая пустым надеждам взять верх.

Окрепла наша старая вера в победу сил морали. «Народ Финляндии не может уступить насилию, поскольку мы понимаем, что если правовые принципы будут оставлены на растерзание силам произвола, то тогда человеческая жизнь будет лишена всякой ценности, а западная цивилизация лишится своего главного краеугольного камня», – сказал президент Каллио в своём радиовыступлении.

Газеты должны были стремиться к поддержанию духа народа. Эту цель надо принимать во внимание при оценке их публикаций. Но было естественным, что наши военные успехи дали дополнительный толчок фантазиям нашего народа. Всё больше стало появляться критических высказываний в адрес основанных на реальности чрезмерно осторожных представлений о нашей собственной мощи и исторической роли. Параллельно шла недооценка сил Советской России. «Не являются ли эти события предвестником того, что политика большевиков всё более явно обнажает свою внутреннюю невозможность?», – вопрошала газета «Ууси Суоми» в статье, которую можно считать весьма характерной. Так многие начали думать о большевистской системе, связывая с этим определённые надежды. По прошествии четырех недель с начала наступления Советского Союза та же «Ууси Суоми» писала: «Спустя месяц от начала своего наступления России, “великой державе”, следует признать, что она встретила сопротивление, которое не может сокрушить. [...] Советский Союз начатой войной сам в пугающем масштабе обнажил свою военную слабость. Его широко разрекламированная миллионная армия оказалась на деле столь же беспомощной, как и реклама о её непобедимости. [...] Борьба Финляндии за свою свободу стала инструментом пробуждения совести всего мира. [...] Неожиданно, никоим образом не планируя этого, Финляндия увидела, что стала сегодня всемирно-историческим фактором, страной, которой, несмотря на её малые размеры, провидение доверило решающую миссию в борьбе человечества за право, истину и праведность для свержения несправедливости, лжи и тирании». В последний день года «Ууси Суоми» писала в одной из статей, посвящённых проблемам Севера: «Успешная оборонительная борьба Финляндии уверенно открывает глаза даже самым сомневающимся, позволяя им увидеть, что большевизму и русскому империализму можно противостоять, что его можно остановить». Не удивительно, что оптимистическое

настроение охватило и многих членов правительства, особенно тех, кто раньше оценивал ситуацию в том же духе.

Из моего дневника за 12.12.: «Всеобщее сочувствие сопутствует нам по всему миру, но это только слова, слова!»

«На сегодняшнее заседание комитета по иностранным делам ожидалось прибытие Каллио. Я чётко заявил свою позицию. Сегодня завтракал с Р. Вальденом. Он был несколько пессимистичен и расстроен. [...] Я сказал в присутствии Каллио, что мы проиграем войну, поскольку не можем получить из-за границы подкрепления в виде боевых дивизий. Поэтому мы должны предпринять всё возможное для возобновления переговоров с русскими».

Не вызывает сомнения, что руководство Советского Союза неправильно оценило не только внутривойсковое, но и военное положение Финляндии. Очевидно, Кремль даже не думал, что встретит сколько-нибудь существенное сопротивление со стороны Финляндии, ожидая, что большинство финского народа встретит Красную армию с распростёртыми объятиями. Один американский журналист, находившийся в России пару десятилетий, говорит, что первые советские части отправлялись в Финляндию с оркестром и развевающимися знамёнами впереди колонны. На флагах, якобы, было написано «Привет нашим финским товарищам!» и «Жмём руку свободной Финляндии». «Русские не ждали никакой войны. Это – правда, и как раз это вызывает тревогу», – пишет он (*Дюранти Уолтер. «За кулисами Кремля»*. С. 114⁶⁹). Война должна была стать парадным маршем советских войск в Хельсинки. Кроме того, в начале войны противник имел двукратное преимущество по количеству дивизий и четырёхкратное по огневой мощи, десятикратное по артиллерии и авиации. Надо учесть и то, что у финнов практически не было боевых танков. Советское руководство считало это превосходство достаточным для разгрома Финляндии. Неудача декабрьских боёв показала Кремлю его ошибку. Уже в январе Советский Союз сосредоточил на Карельском перешейке сокрушительную в военном и материальном отношении мощь, приступив с начала февраля к непрекращающемуся яростному наступлению. «Война 1939 года длилась три месяца лишь потому, что мы не хотели вести войну

---

⁶⁹ *Duranty Walter. Bakom Kremles kulisser. Stockholm, Tidens förlag, 1943 / Пер. с англ.: Kremlin and the people London: H. Hamilton; Melbourne: G. Jaboor, 1942.*

против Финляндии. Если бы мы имели действительные намерения, то, поверьте мне, господин Энкель, война не продлилась бы три месяца», – заявил Молотов, как представитель великой державы, ощущавший её мощь, на мирных переговорах 1944 года.

13 декабря сменилось правительство Швеции. Теперь в нём были представлены все политические партии. Вместо Сандлера министром иностранных дел стал посол в Норвегии Гюнтер. Поскольку мы знали о горячей и мощной моральной поддержке со стороны шведского народа по отношению к Финляндии в нашей тяжёлой борьбе, успех которой, как мы считали, отвечал интересам Швеции, у нас до формирования нового кабинета ходили обнадеживающие слухи. «Хорошие новости из Швеции. Говорят, что новое правительство формируется на основе того, чтобы оказать Финляндии помощь», – записал я в своём дневнике 12.12. Однако, позиция нового правительства по финскому вопросу осталась абсолютно прежней, что, в принципе, не стало какой-то неожиданностью. К нашей войне хотели относиться нейтрально; правительство обещало нам моральную и материальную поддержку, так же, как это было сказано в решении Генеральной ассамблеи Лиги Наций, принятом на следующий день. Удручающее впечатление произвело у нас выступление по радио премьер-министра Ханссона, в котором он подверг страстной критике «демонстративные вспышки» в поддержку Финляндии, проявлявшиеся с большей или меньшей силой, да ещё указав на возможность, что по их поводу может возникнуть «поток действий и контрдействий». В связи со сменой кабинета стало известно, что Сандлер уже 2 декабря подал прошение об отставке по причине того, что правительство страны не согласилось совместно с Финляндией принять меры по обеспечению нейтралитета Аландских островов. «То, что высказывалось в печати различных стран о моей внешнеполитической ориентации, не соответствовало истинному положению дел», – сообщил Сандлер.

В финских газетах было отмечено, что коалиционное правительство Швеции на том этапе развития событий не думало об оказании Финляндии более эффективной помощи. «В нашей стране со сменой правительства Швеции, следует прямо признать, связывали больше надежд, чем для этого был повод», – писала одна финская провинциальная газета. Выходившая на шведском языке газета

«Бюллетень Або⁷⁰» удивлялась лаконичности заявления правительства. «Мы знаем, что постигшая нас беда глубоко потрясла шведский народ. Мы также верим, что она потрясла и правительство, почему мы и удивляемся его осторожности, которую оживляет лишь аналогичное желание предоставить Финляндии “материальную и гуманитарную помощь”, проявляющееся в общественном мнении Швеции. Вместе с тем, осмелимся надеяться, что заявление не следует трактовать как проявление пассивности, а лишь как объяснение того, что по определённым причинам Швеция должна временно остановиться на выжидательной позиции. Развитие событий в ближайшие месяцы в любом случае вынудит правительство Швеции определить свою позицию по вопросу обороны всего Севера». «Ууси Суоми» писала: «В Финляндии знают, что в составе нынешнего правительства, как и в прежнем его составе, есть министры, по мнению которых, обещанная в правительственной программе помощь должна быть оказана самым эффективным образом. С учётом этого прошедшая в Швеции смена кабинета, вызывает в Финляндии наибольшее внимание».

Вместе с тем, мы смогли узнать, что новое правительство благожелательно относится к тому, чтобы послать шведских добровольцев воевать за Финляндию. В общем и целом, правительство оказало Финляндии максимум той помощи, которую оно считало возможной в условиях нейтралитета.

Из моего дневника за 14.12.: «Вчера смена правительства в Швеции. Сандлер ушёл с поста министра иностранных дел. На его место Гюнтер. [...] Заявление правительства по финскому вопросу сухо и удручающе».

Выше упоминалось, что правительство Финляндии на своём первом заседании решило для окончания войны при посредничестве Швеции обратиться к Кремлю. Говорилось и о готовности Соединённых Штатов в начале войны предложить свои услуги, но Молотов отверг оба предложения, сославшись на договоры, заключённые с правительством Куусинена.

---

⁷⁰ Åbo Underrättelser.

Наши усилия по возобновлению переговоров непрерывно продолжались весь декабрь и январь.

В самом начале декабря хотели попробовать заручиться поддержкой наших мирных устремлений и со стороны Германии. Наше отношение к этой стране было щекотливым. В Финляндии было много друзей Германии, здесь многие считали, что Германия – это именно та великая держава, которая может стать противовесом Советскому Союзу. Мы также знали, что в немецком народе остаются симпатии к Финляндии, особенно со времен нашей борьбы за независимость. Но Германия связала свои руки, её официальная политика по отношению к нам была холодной. Немецкие газеты в течение всей войны демонстрировали к нам и нашему делу прохладное отношение. Они считали, что у Финляндии нет достаточных оснований ввязываться в безнадёжную борьбу, полагая, что мы могли бы прийти к согласию с Россией, поскольку требования Москвы были весьма мягкими. Помимо этого, они напоминали, что Финляндия после 1919 года не стремилась к сохранению своих отношений с Германией, как ей следовало поступать. Свидетельством этого был и отказ Финляндии от подписания договора о ненападении с Германией.

Из ноты министра иностранных дел Германии фон Риббентропа от 22 июня 1941 года становится понятно, что августовским договором 1939 года Финляндия была передана в сферу влияния Советского Союза притом, что советское правительство заявило об отказе от оккупации, большевизации и захвата Финляндии. У меня нет сведений о том, обсуждался ли между Советским Союзом и Германией вопрос о самой финской войне – договор 1939 года содержал только положение о возможных консультациях. Шведский профессор Карлгрен в своей книге «Сталин»⁷¹ считает, что Советский Союз основательно прощупал позицию Германии. По нашей собственной оценке, финская война, как и попадание Финляндии в сферу влияния Советского Союза не отвечали интересам Германии. Но, как уже было сказано, не было достоверно известно, что происходило по финскому вопросу между правительствами Германии и Советского Союза до и во время войны. По инициативе нашего министра иностранных дел и

---

⁷¹ *Karlgren Anton. Stalin. Bolsjevismens väg från leninism till Stalinism av Häftad bok. Stockholm: P.A. Norstedt & Söners Förlag, 1942.*

при посредничестве Германии в Москве было произведено прощупывание возможности мирных переговоров, но на это как в январе, так и в середине февраля был получен отрицательный ответ. Насколько я знаю, посол Германии в Москве граф фон дер Шуленбург не был равнодушен в отношении нашего вопроса и судьбы Финляндии.

В начале января я обратился к своему немецкому другу, старому военному, генералу, графу фон дер Гольцу с вопросом: «Хочет ли Германия сделать что-то, чтобы Советская Россия вновь села с нами за стол переговоров?» Заодно поинтересовался, может ли он сам как-то поспособствовать этому. Граф обратился к Гитлеру, который поручил выяснить в Москве, можно ли что-то сделать. Окончательный ответ я получил в письме, датированном 3 февраля. Фон дер Гольц писал как частное лицо, какое впечатление он получил на основе своих подробных расспросов. Он сказал, что Германия, конечно же, совсем не была заинтересована в продолжении войны между Финляндией и Советским Союзом, но, напротив, надеялась на ее завершение. «Вместе с тем, складывается впечатление, что русские не изменили свою позицию – у них сейчас, как и раньше, есть только правительство Куусинена, правительство без земли, народа и войска, подставное лицо всемирного большевизма – пугало – в моих крайне антибольшевистских глазах. До тех пор, пока там будут официально держаться такой позиции, не может быть и речи о посредничестве для правительства, которое Россия не признаёт. Правительство Финляндии, членом которого Вы сами являетесь, несомненно, обладает всеми признаками подлинного и сильного правительства, о чём вы предоставили Советам весьма отрядные доказательства. Но именно поэтому Советская Россия и хочет заменить ваше правительство большевистской куклой, иными словами, сделать Финляндию советской провинцией. Так я понимаю этот вопрос. Именно поэтому считаю текущее положение серьёзным».

«Германия сама» – продолжал мой друг – «защищает в войне своё существование. Всё остальное должно быть подчинено устремлениям, целью которых является доведение войны до победоносного завершения. Прежде всего, надо избежать войны на два фронта, как это случилось раньше. Представители западных держав заявили, что они пытаются привлечь на свою сторону Россию, которую Англия в начале 1939 года в течение многих месяцев

безуспешно пыталась склонить на свою сторону, да ещё оторвав её от Германии и посеяв раздор между народами этих стран. Стремление Англии расширить войну Англии-Франции и Германии кажется мне сомнительной затеей во всех отношениях, в том числе, и для вас.

Эти обстоятельства по понятным причинам стоят на первом плане в рассуждениях немцев; именно они диктуют Германии необходимость, продиктованную инстинктом самосохранения, занять в войне между Финляндией и Россией, позицию безусловного нейтралитета, как это и было недавно подчёркнуто на официальном уровне».

Мой друг добавил некоторые рассуждения, из которых стало понятно, что официальная политика Финляндии в предшествующие годы произвела на немецких друзей Финляндии удручающее впечатление, вызвав определённое чувство горечи.

Я столь пространно изложил содержание этого письма, поскольку оно, несмотря на неофициальное положение автора, отражало официальную позицию Германии. В действительности, к тому времени, когда было написано это письмо, мы получили сообщение, что Советский Союз не отказывается от переговоров с правительством, находящимся в Хельсинки. Очевидно, решение было принято в Москве в самые последние дни, после того прощупывания, о котором получил сведения мой немецкий друг.

Мы также думали о том, можно ли было под руководством Соединённых Штатов создать условия для большого и активного посредничества, к которому могли бы присоединиться другие страны. Никаких практических результатов по этому вопросу мы просто не успели получить.

Швеция была нашей главной поддержкой.

Во-первых, оттуда мы получили значительное количество военного имущества и другой материальной помощи. Кроме того, оттуда прибыло около 8000 добровольцев, из которых, правда, только два батальона успели добраться до фронта, да и то в последние недели войны. Напротив, все наши попытки привлечь нам на помощь Швецию, как государство, потерпели неудачу. Мы полагали, что если Швеция придёт нам на помощь достаточным количеством дивизий, благоприятное завершение войны не было бы исключено. Швеция,

однако, оставалась на позициях нейтралитета, и помогала лишь в той степени, насколько это было возможно. В Швеции были и те, кто желал вооружённого вмешательства страны в ход боевых действий, но они составляли меньшинство, причем правительство занимало резко противоположную позицию. Говорили, что на негативную позицию Швеции влияло опасение того, что Германия выступит против её вмешательства в войну. Мы получали другие сведения, в соответствии с которыми, Германия не возражала бы против помощи со стороны Швеции, если только западные державы будут оставаться вне конфликта.

Безоговорочно отрицательную позицию Швеции по поводу оказания военной помощи высказал премьер-министр Ханссон во время дебатов в риксдаге 17 января 1940 года. В его тронной речи было сказано, что Швеция чувствовала себя обязанной оказать мужественному народу Финляндии всяческую гуманитарную и материальную помощь, которую она могла предоставить с учётом своего положения и собственных возможностей. Речь премьера Ханссона буквально дышала глубокой симпатией по отношению к Финляндии, но, в то же самое время, он столь ясно изложил позицию своей страны, что в этом отношении не оставалось ни малейшего сомнения. Он сказал, что вопрос о военном сотрудничестве даже не обсуждался с кругами, ответственными за взаимодействие Северных стран. Швеция не давала повода для надежд, которые она не хотела исполнять. Невозможно было обеспечить единодушную поддержку шведского народа политике, нацеленной на военное вмешательство. Но иная, не вооружённая, помощь входила в сферу сотрудничества Северных стран. Желание помочь Финляндии было близко сердцам как членов кабинета, так и простого народа. Финляндии хотели помочь настолько, насколько это было возможно с учётом положения Швеции и имеющихся средств. Но даже самое горячее сочувствие и самое искреннее желание помочь не могли иметь определяющего значения. Швеция не могла отказаться от спокойного обдумывания реальных предпосылок своей деятельности. Речь шла не только о собственном мире и свободе Швеции, но и о желании помочь Финляндии в той степени, насколько это было возможно, принимая во внимание собственные возможности Швеции и её стремление оставаться вне крупных противоречий.

На упомянутых дебатах в риксдаге выступил и бывший министр иностранных дел Швеции Сандлер. Его речь, по крайней мере, по моему мнению, была убедительной и смелой – убедительной, прежде всего, потому, что она была правдивой; он не стремился уйти от того, чтобы посмотреть правде в глаза. «Я считаю, что наша помощь Финляндии имеет, с точки зрения Швеции, имеет первостепенное значение, – сказал он. – Позиция, унаследованная новым правительством Швеции от кабинета, ушедшего в отставку, означала крах скандинавской политики. Сразу, как только нужно было посмотреть в глаза суровой действительности, Швеция оказалась не готова взять на себя неизбежный риск. Национальное самосознание Швеции пережило одно из наиболее серьезных потрясений. Встреча глав Северных государств была невероятно красивым фасадом, за которым в полной тиши торпедировали столь необходимое практическое сотрудничество». Сандлер добавил, что проводимая им скандинавская политика привела к полному провалу. Предполагалось, что со стороны Советского Союза не последует никаких империалистических притязаний, но империалистический большевизм оказался опаснее, чем прежний царизм. Нейтралитет Финляндии был чист и безупречен. Швеция имела право оказать Финляндии любую помощь, на которую она была способна. Швеция должна была быть готова идти до предела своих возможностей.

Мы, финны, понимали, что ощущал тогда Сандлер, один из честнейших поборников политики скандинавского сотрудничества, поскольку мы чувствовали это так же глубоко, как и он.

Парламент одобрил позицию шведского правительства, предложенную Ханссоном. Не удивительно, что она произвела на нас удручающее впечатление.

На наши постоянные попытки премьер Ханссон отреагировал, дав 16 февраля новое разъяснение позиции своего правительства. Он упомянул, что министр иностранных дел Финляндии на встречах 13 числа того же месяца с премьер-министром, а также министрами иностранных дел и обороны Швеции высказал пожелание об отправке шведских воинских частей в Финляндию. В ответе шведов содержалась ссылка на высказывание премьер-министра, сделанное на заседании риксдага 17 января текущего года. Никаких изменений в позиции шведского правительства с тех пор не произошло.

Для того, чтобы окончательно прояснить ситуацию и поставить точку в этом вопросе, король Швеции 19 февраля продиктовал своё мнение для внесения в правительственный протокол. «Всё это время я с неослабевающим восхищением слежу за героической борьбой нашей братской Финляндии против превосходящих сил», – говорилось в нём. «Швеция с самого начала пытается ей помочь отправкой добровольцев и многими другими способами, но уже в самый первый момент я сообщил Финляндии, что она, к сожалению, не может ожидать военного вмешательства. С горечью в сердце после долгих размышлений я пришёл к пониманию того, что в нынешней ситуации мы должны находиться на прежней позиции. У меня сложилось глубокое убеждение, что если бы Швеция вмешалась в конфликт в Финляндии, нам угрожала бы наибольшая опасность, не только то, что мы были бы вовлечены в войну с Россией, но также и в войну между великими державами, и такую ответственность я не мог взять на себя. В такой ситуации, не исключено, что для нас было бы очевидно невозможным оказывать Финляндии и ту помощь, которую она сегодня от нас получает и в которой она так нуждается, как и ту, что мы и далее готовы оказывать от чистого сердца». Король завершил своё высказывание надеждой на то, что народ Швеции и в этой сложной ситуации поймёт и одобрит его действия.

Поступок короля разрешил исход дела, как и положил окончательный конец всем нашим надеждам на получение из Швеции военной помощи.

Аналогичную позицию в отношении Норвегии высказал 19 января министр иностранных дел Кут, который мог опереться на неопровержимый факт, что Норвегия в силу малочисленности своей армии не была способна на оказание какой-либо военной помощи. Кут, в частности, заявил: «Мы были рады видеть Финляндию в сфере сотрудничества Северных стран, но эта работа никогда не имела военной составляющей. Когда главы правительств и министры иностранных дел Северных стран собрались в Стокгольме, там дали чётко понять, что ни одно северное государство не имеет военных обязательств перед другими. Санкционные распоряжения Лиги Наций не имели практического воплощения», – заявил Кут. Уже в декабре он сказал, что Норвегия не могла пойти по пути «авантюристской политики», а должна была придерживаться только политики мира.

Помимо Швеции, мы получали некоторое количество военного имущества и иной помощи от западных держав, из Англии и Франции, а также финансовую помощь из Соединённых Штатов. В декабре был поднят вопрос о военном вмешательстве западных держав. Этот вопрос так или иначе обсуждался в январе и феврале. Вопрос рассматривался на общем высшем совете западных держав в Париже в первой половине февраля, при благожелательном к нему отношении. С нашей точки зрения, вопрос был сомнительным и запутанным. Да и с географической точки зрения, эффективная помощь была затруднена. Войска западных держав должны были прибыть через Норвегию и Швецию, но Швеция и Норвегия отказались пропускать войска через свою территорию. Мы могли быть вовлечены в войну с Германией, поскольку немцы воевали против своих врагов везде, где бы с ними ни встречались. Согласно мнению правительства, надо было избегать войны с Германией, поскольку это могло вовлечь нас в войну между великими державами. И еще один не самый последний аргумент: чтобы помощь была достаточной и эффективной, были нужны крупные военные силы. Но препятствием были уже сами транспортные проблемы, даже если бы было получено разрешение Швеции и Норвегии на проход войск. Надо было исходить из того, что помощь в любом случае была бы недостаточной, возможно, подобной английским экспедиционным войскам в Мурманске в 1919 году. Да и эти войска не успели бы вовремя прибыть к месту назначения.

Все эти обстоятельства мы обдумывали многократно. Осторожная позиция в отношении помощи западных держав была обоснована, но раз мира не удавалось добиться и не было известий об иной возможной помощи, то, как говорится, утопающий хватается за соломинку. Дело могло в конечном итоге дойти до того, что мы стали бы частью общего фронта западных держав.

Постоянно уверяют: внешняя политика, особенно великих держав, это – хладнокровное и эгоистичное отстаивание своих интересов. Поэтому мы не могли не задаться вопросом: что в действительности скрывалось за намерениями западных держав? Только лишь помощь нам? Принимая во внимание характер политики великих держав, мы, конечно, понимали, что здесь есть ещё что-то. Военный корреспондент газеты The Times писал: «Но говоря о мужестве финнов, нам необходимо помнить, что они сражаются за

наше дело». Россия по договору была союзником Германии, и хотя она не находилась в состоянии войны с Англией, но в экономическом плане оказывала содействие Германии. Какими были возможные собственные расчёты западных держав: возможность закрепиться в Финляндии и распространить большую войну на север, создавая здесь для Германии новые очаги конфликтов? Как можно догадаться, эти обстоятельства не были забыты. Но противовесом этого была возможность оказаться вовлечённым в прямые враждебные действия против Советского Союза. С другой стороны, не в интересах самих великих держав расширение и приближение к ним других великих держав, что могли означать попадание Финляндии в сферу влияния Советской России и, особенно, мощное продвижение последней в сторону Атлантики. Говорят, что, прежде всего, в английском народе – естественно, если речь не идёт о его собственных жизненно важных интересах – моральные, общечеловеческие силы и спонтанные, подчиняющиеся действию чувств, контрдействия проявляются чаще и с большей силой, чем во многих других народах. В оказании помощи нашей стране следование этим высоким идеалам означало поддержку Лиги Наций и претворение в жизнь её недавних решений. Среди великих держав Англия и Франция были наиболее верными сторонниками Лиги Наций. В нашем вопросе, похоже, соединились различные элементы – как относящиеся к сфере «реальной политики», так и высоких идей. Но ни те, ни другие не были достаточны для достижения эффективного результата.

Итак, нам пришлось сражаться в одиночку. Мир или полное поражение – другого выбора не было, несмотря на героическую борьбу и наши значительные победы. Были, конечно, и те, кто с самого начала реалистично, без всякого оптимизма, оценивал создавшееся положение. Один мой знакомый, профессор и офицер Арви Корхонен, знаток общей истории и истории войн, прислал мне с фронта письмо, датированное 12 декабря 1939 года, которое я получил под Рождество. Он ссылаясь на нескончаемые резервы русских и малочисленность наших войск, особенно на недостаточность складов с боеприпасами. «Наше военное руководство совершило в общей сложности два роковых просчёта, полагая, что русские неспособны вести войну в зимних условиях, и что моторизованные войска не смогут действовать в условиях нашей местности», – писал он. Замечу по этому поводу, что, как уже

говорилося раньше, маршал Маннергейм не относился к числу тех, кто допустил упомянутые просчёты. С горечью в словах автор письма продолжал: «Какие ошибки допустили наши различные правительства и составы парламента, этого никто не сможет перечислить и с горечью в душе подсчитать. Всех депутатов и министров надо было бы заставить хоть неделю провести в окопах Суммы, Кивиниеми и Коукунниемеи.[...] Поскольку всегда надо стараться думать о будущем, заглядывая дальше завтрашнего дня, следует признать, что для нашего спасения из лап ЧК и от краха нашего национального существования необходимо чудо – и какое? Помощь со стороны Швеции и западных держав, а также окончание войны между великими державами способны изменить ситуацию в нашу пользу, но всё это надо оставить за пределами расчётов. Представление аргументов было бы только пустой тратой бумаги и чернил. [...] Военным путём мы не можем лишить Россию способности к наступлению», – писал он, излагая после этого некоторые мысли по поводу того, что, по его мнению, следовало предпринять.

Наши усилия по достижению мирных переговоров также были нацелены на Стокгольм. В декабре они не привели к результату. Тогда, да и в январе, было недостаточно предпосылок для мирных переговоров. Благоприятный для нас ход военных событий способствовал формированию в Финляндии в декабре и январе весьма оптимистических настроений. Никто не был склонен на большие, чем раньше, уступки. С другой стороны, и Советский Союз, по причине неудачных военных действий, не хотел переговоров; речь шла о воинской чести Советской России. После того, как с середины февраля война стала развиваться в худшем для нас отношении, начали, по крайней мере, частично, меняться и настроения в стране, что могло создать предпосылки к заключению мира. Но тогда, опять же, в силу событий на фронте, начали расти и требования русских. Ситуация зашла в тупик. Мы опоздали, что, как свидетельствует история, в таких условиях весьма обычное дело.

Из моего дневника за 20.12.1939: «Рюти говорил с Маннергеймом. Вчера и сегодня на Карельском перешейке на редкость ожесточённые бои. У русских 100 танков. Все атаки русских отбиты. Врагу не

уступили ни пяди земли. Маннергейм сказал: "Вы там, в тылу, не можете представить, как героически сражаются наши войска.[...] Завтра, 21.12., Сталину исполняется 60. Если выдержим и этот день, то на Перешейке, скорее всего, наступит затишье". [...] Его надо использовать для дипломатических действий с целью начала переговоров».

25.12.1939: «Ответ Сталина на поздравительную телеграмму, которую Куусинен направил ему по случаю 60-летия: "Благодарю Вас за поздравления. Желаю финскому народу и Народному Правительству Финляндии скорой и полной победы над угнетателями финского народа, над шайкой Маннергейма-Таннера"».

31.12.1939: «Год закончился. Печальный год для нас. События фронте развиваются лучше, чем ожидалось. Сегодня снова пришли хорошие новости из Суомуссалми. Но как всё это скажется в конечном итоге? Такие поражения для огромной России могут простыми стычками. [...] Если нам нужно сокрушить военную мощь России, то нужны совершенно иные победы».

2.01.1940: «Начался новый год. Посмотрим, что он принесёт с собой. Сегодня говорил с Таннером. [...] Заострил вопрос о необходимости стремления к миру, а также о том, что нельзя давать нынешним успехам на фронте влиять на нас, поскольку с учётом мощи России и её военных сил это мелочи. Таннер придерживается такого же мнения. Он считает, что если получится прийти к переговорам, то можно заключить и мир».

8.01.1940 (После заседания комиссии по иностранным делам. Когда на нём Таннер упомянул о предоставлении базы на северном берегу Финского залива и передаче большей территории на Карельском перешейке, один из министров сходу парировал: «Не пройдёт!»). «Сейчас положение осложнилось. Наши успехи на фронте, с одной стороны, затрудняют получение согласия Советского Союза на переговоры, а, с другой, вселяют в финнов чувство веры в свои силы и желание строить разные предположения».

«Наше будущее выглядит весьма печальным. Наши победы считаются невероятно сокрушительными и, с нашей точки зрения,

они прекрасны, но они не имеют никакого влияния на окончательный результат. Поскольку с учётом ресурсов огромной российской державы эти поражения лишены смысла».

Таннер все же считал, что проблемы, созданные внутренним общественным мнением, преодолимы. 10.01.1940: «Таннер полагал, что если русские пойдут на переговоры, то мы сможем решить вопросы у себя в стране, заставив местное общественное мнение принять приемлемые условия со стороны Советской России, несмотря на то, что после последней победы под Суомуссалми настроения у нас поднялись и надежды на успех в войне окрепли. Я заметил Таннеру, что Россия в последней большой войне только убитыми потеряла 2 300 000 солдат и что потери России ничтожны в сравнении с её ресурсами и не могут повлиять на конечный итог войны. Те бои, которые Советская Россия вела до сегодняшнего дня, представляют для великой державы то, что в немецкой историографии называют 'entscheidungsloser Kleinkrieg' (незначительная малая война)».

29 января нам неожиданно сообщили, что советское правительство не отказывалось от переговоров с правительством Рюти-Таннера. Согласно информации, полученной несколькими днями ранее, Куусинен больше не был препятствием для ведения переговоров. Невозможно с полной уверенностью сказать, что сподвигло советское правительство согласиться на переговоры. Советские армии к тому времени еще не одержали существенных побед, их большое наступление на Карельском перешейке началось 1 февраля, а первая реальная победа пришла только 11 числа того же месяца, когда произошло вклинивание в оборонительные позиции, превратившееся спустя день в её частичный прорыв. Возможно, на решение повлияли сведения о том, что западные державы собирались поддержать нас более эффективно. Иными словами, помощь западных держав была не только в поставке нам вооружений. Повлияло ли на Кремль общее мировое общественное мнение, трудно сказать. Со своей стороны, я думаю, что Сталин, стремясь разрешить конфликт с Финляндией, не хотел её окончательного поражения. Однако, наша сторона еще не созрела к миру. Фронт на Карельском перешейке держался, война протекала успешно до конца января. Общественное мнение ещё не было готово к существенным уступкам. «В начале войны мы могли дать Советской России базу на одном из островов в Финском заливе. Сейчас же это было исключено, поскольку

общественное мнение народа не приняло бы такое решение», – сказал мне в начале февраля один весьма известный человек. Даже те, кто считал необходимым для достижения мира пойти на еще большие уступки, полагали, под влиянием хода событий на фронте и военных сводок, что фронт, который продержался два месяца, очевидно, выдержит ещё несколько недель, возможно, месяц или два. Таким образом, у нас было бы время для подготовки мирных переговоров. Хотя время и не теряли даром, следует признать, что нам не удалось ухватиться за ускользающее мгновение. Это было возможно, сделай мы в самом первом ответе, который был дан 1 февраля, достаточно далеко идущие предложения. Вместо этого мы начали торговаться. Генеральное наступление русских на Карельском перешейке началось в тот же самый день. Военная удача стала отворачиваться от нас: за вклиниванием в линию обороны, произошедшим 11 февраля, последовал отход наших войск с западного участка Карельского фронта на промежуточные, а затем и на тыловые позиции в направлении Выборг-Тали-Вуокси. Развитие военных действий в пользу русских, очевидно, повлияло и на ужесточение их требований. Конечно, неизвестно, на какие условия пошли бы русские, если бы их наступление в первой половине февраля провалилось. Во всяком случае, переговорные позиции были бы выгоднее для нас. Затягивание обсуждения этого вопроса не было преднамеренным; можно сказать, что это была простая ошибка. Демократия, помимо хороших сторон, как у нас, так и у других, имеет свои слабости в области внешней политики. Опыт последних лет показал, что необходимых внешнеполитических уступок невозможно было достигнуть, пока наш народ не получил мощный удар, который увидит и слепой. Но тогда было уже поздно.

В то же самое время, когда в начале февраля открылась возможность для возобновления переговоров, наше положение изменилось в худшую сторону буквально в течение нескольких дней. События на фронте развивались быстрыми темпами. Наступление русских на Карельском перешейке нарастало из дня в день, и, понятно, что они убедились в эффективности своего превосходства. В нашем ответе от 1 февраля, переданном через Стокгольм, мы предлагали, стараясь уйти от вопроса от военной базе, передачу большей территории на Карельском перешейке, а также нейтрализацию Финского залива, о чём договорились уже в

Тартуском мирном договоре, но что осталось неосуществлённым*. Спустя пару дней пришла информация, что наше предложение не представляется достаточным для переговоров. На частное предложение Таннера, касавшегося какого-то из островов в Финском заливе, сначала пришёл отрицательный ответ с упоминанием недостаточности предложения и того, что Советский Союз хотел получить Ханко, но спустя несколько дней русские поинтересовались, какой из островов он имел в виду.

Время шло. 12 февраля в комиссии по иностранным делам в присутствии президента Каллио произошёл разговор, во время которого Таннер изложил свой план действий: 1) надо стремиться к переговорам с Россией и быть готовыми предложить базу на острове Юссярё, а также пойти на другие условия, которые ранее изложил Таннер; 2) в этом случае надо попытаться получить военную помощь со стороны Северных стран и 3) получить поддержку западных держав, если мы не сможем осуществить мероприятия, обозначенные в пунктах 1) и 2). Рюти и Таннер побывали в Ставке, где совет обороны поддержал достижение мира на условиях, изложенных Таннером. Предложение встретило жёсткое сопротивление. Его поддерживали Рюти и я. Ниукканен, Ханнула и Сёдерхьелм были категорически против. Ханнула заявил, что ни парламент, ни вся страна не поддержат предложения Таннера, которые просто невозможны. Президент стоял на позиции мирных устремлений.

Увы, и эта полемика запоздала. Возможно, как раз успех, достигнутый на Карельском перешейке, подвигнул советское правительство выдвинуть совершенно иные условия мира. 14 февраля мы узнали, что посол Советского союза в Стокгольме изложил следующие условия Кремля: Ханко, весь Карельский перешеек, часть территории к северу от Ладожского озера, в общих чертах те условия, которых в дальнейшем придерживался Советский Союз. Советское правительство добавило, что было бы готово обсудить с Швецией вопрос об Аландских островах.

---

* В книге Й.О. Ханнула «Советский Союз наступает на Север» (с. 120-121), представлены заявление советского правительства и проект ответа правительства Финляндии, который в таком виде не был отправлен советскому правительству. Ханнула пишет, что это происходило в самом конце года. Это ошибка. Контакты по этому вопросу состоялись в конце января – начале февраля.

После того, как министр иностранных дел Швеции по нашей просьбе узнал, могут ли представители собраться для обсуждения возможности заключения мира, Молотов сообщил послу Швеции, что минимальные условия для начала переговоров состояли в следующем: Ханко, Карельский перешеек, включая Выборг, северо-восточная часть Ладожского озера, включая Сортавалу, а также заключение союза об обороне с Советской Россией. Советский Союз, как сказал Молотов, не верит, что западные державы окажут помощь Финляндии. Если Финляндия сейчас не пойдёт на эти условия, то в следующий раз будут выдвинуты новые требования. Сведения об этих требованиях пришли в Хельсинки на следующий день.

Военные действия развивались таким образом, что наше поражение было вопросом относительно короткого времени. Если бы мы, конечно, не получили боеприпасы и другую достаточную и скорую военную из заграницы. Военное руководство также считало, что мир должен быть заключён максимально быстро. Вопрос в ближайшие десять дней обстоял так: ухватиться ли за те расплывчатые обещания, которые звучали со стороны западных держав и отдаться во власть всех, вытекающих из этого невероятных угроз, или же заключить мир с Советами на продиктованных ими тяжёлых условиях.

Наше положение было глубоко трагичным.

Из моего дневника за 17.02.1940: «Мы уже давно живём во власти иллюзий.

1. Первая иллюзия заключалась в том, что раз право на нашей стороне и у нас заключены однозначные договоры с Россией и мы им точно следуем, то нет никакой опасности, право победит.

2. Согласно второй иллюзии, Россия не начнёт войну против нас, поскольку Сталин не хочет войны. Сюда добавляли, что, по крайней мере, этой зимой Россия войну не начнёт.

3. Третья иллюзия: Мы будем способны защитить себя, если война возникнет. У нас есть оборонительные укрепления и боевой дух, а Россия слаба. Этого достаточно, мы постоим за себя.

4. Четвёртая иллюзия: На нашей стороне симпатии всего мира. Мы сражаемся за демократические, международные идеалы,

поэтому получим помощь, причём получим её в достаточном количестве. На нашей стороне, например, симпатии Соединённых Штатов Америки, и они, конечно же, нам помогут.

5. Но, в первую очередь – это пятая иллюзия – Швеция поможет нам своими вооружёнными силами. Эта иллюзия рассыпалась в прах.

6. Седьмая и заключительная иллюзия состояла в том, что когда западные державы победят в войне с Германией, то тогда при заключении большого мира будут учтены наши независимость и наше положение. Всё встанет на свои места. Но если Россия захватит Финляндию, то не полагаете ли, что западные державы, Англия и Франция, продолжат войну, чтобы изгнать русских из Финляндии? А что, если Англия и Франция не выиграют войну?»

ХІІІ

Переговоры об условиях русских

Сложившуюся ситуацию и мирные предложения русских обсуждали 23 февраля на заседании комиссии по иностранным делам с участием Президента Республики. На нём присутствовал и генерал Вальден*.

Таннер сообщил, что на западном участке Карельского фронта войска отошли к окраине Выборга. Вопрос о получении помощи обсуждался в Швеции, позиция которой была негативной; началось расширение добровольческой деятельности, однако не возникало ощущения, что можно было достигнуть заметных результатов как по личному составу, так и материальным средствам. Вопрос о помощи западных держав постоянно находился в стадии обсуждения. В последние пару дней военные представители Великобритании и Франции имели встречи с военным руководством Финляндии. Складывалось впечатление, что западные державы были готовы направить 3-3 ½ дивизии. Путь через Петсамо сочли невозможным, вследствие чего планировалась переброска войск через Норвегию и Швецию. Помощь была не особо велика. Непонятно было и то, как войска могли попасть к нам, поскольку Норвегия и Швеция отказались дать разрешение на проход войск. Если бы западные державы попытались силовым путём обеспечить транзит войск, то могли возникнуть конфликты, что замедлило бы весь процесс. Вопрос стоял о том, можно ли надеяться на то, что финский фронт выдержит.

---

* Следующий отчёт о заседаниях комиссии по иностранным делам и Государственного совета от 23.2. основывается не только на моих собственных записях, но и, главным образом, на подробных заметках, сделанных секретарём премьер-министра доктором А.Э. Тудером.

Затем Таннер говорил о возможностях установления мира, сказав, что поддерживается тоненький переговорный контакт, позволяющий узнать мнения другой стороны. Сейчас Советский Союз уже дал знать о своих условиях мира, и Таннер изложил упомянутые выше минимальные условия. По его мнению, нужно было незамедлительно выяснить официальную позицию Швеции: можно ли и когда, а в каком количестве и сколько ожидать помощи в личном составе и материальных ресурсах? Как Швеция относится к возможному проходу войск западных держав? Можно ли точно выяснить размер помощи, ожидаемой от западных держав?

Я спросил, есть ли более точные сведения о том, что думают в Ставке о ходе войны при условии отсутствия обещанной иностранной помощи. Переданные нам условия мира были ужасающими. Стране предстояло расчленение.

Премьер отметил, что слышал в Ставке о невероятной усталости войск, что делало маловероятным удержание ими новой линии обороны. Отход на эту линию и её удержание было трудным делом. Кроме того, она была достаточно слабо оборудована. Отсутствовала уверенность и в том, была ли лучше следующая линия обороны. В восточной части Карельского перешейка существовал хороший промежуточный рубеж.

По мнению генерала Вальдена, трудно было с полной уверенностью сказать, насколько устойчива линия фронта, но войска находятся в состоянии предельной усталости. Да и сама линия обороны считалась весьма слабой. Нужно было несколько недель, чтобы привести её в порядок. Хорошо, если на ней получилось бы продержаться до лета. Вопрос был и о том, принесёт ли нам лето больше выгод или, наоборот, создаст дополнительные трудности. Летом война приобрела бы мобильный характер, когда на стороне противника было преимущество в боевых танках и моторизованных войсках. «Не нужно быть военным, чтобы понять, что мы не выдержим, если война продлится достаточно долго». Поставка материальных ресурсов из заграницы шла очень медленно. Особенно сложно было получить орудия дальнотойной артиллерии.

Ниукканен считал, что помощь западных держав в размере 3–3½ дивизий не имела особого значения. Тогда и в вопросе о мире мы стали бы их союзниками. Швеции было сложно препятствовать

проходу войск западных держав, поскольку Лига Наций призвала все государства помогать Финляндии. Каждый пункт условий России означал, что Финляндия фактически становилась владением. Общественное мнение в войсках и в тылу, равно как и за рубежом, не могло переварить такие условия. Мы ещё могли успешно обороняться. Не исключено, что наступила бы ситуация, когда переговоры можно было вести на основе предыдущих минимальных требований русских.

Таннер опасался, что откладывание решения на более поздний срок не принесло бы никакой пользы. Депрессия была велика. Больше не верили в победу. Если бы армия смогла убедить, что фронт выдержит, он был бы готов на отсрочку, иначе нет.

Я был того же мнения, что и Таннер. Старая истина гласит: чем дольше откладываешь переговоры, тем более жёсткими становятся условия. Главное решение надо было принимать быстро. Если фронт снова не устоит, то условия станут ещё жёстче. Я попросил только пару дней, поскольку предстояло принять очень трудное решение. Газеты пытались всячески поддерживать дух народа, что, в принципе, и правильно в военное время; при чтении газет создавалось впечатление, что Финляндия победила в войне. Людей могло ожидать страшное потрясение, когда узнают об истинном положении вещей.

Вальден добавил, что не надо опасаться обрушения фронта в ближайшие несколько дней. Он надеялся, что фронт продержится до того момента, когда следующий оборонительный рубеж будет обустроен.

Я: «Поскольку речь идёт об опоре на помощь западных держав, надо прояснить один основополагающий вопрос. Целью западных держав было давление на Германию. Надо понять, соответствует ли их интересам прекращение финской войны, или же, напротив, не отвечает ли их устремлением её затягивание. Было неясно, будут ли западные державы поддерживать нас для прекращения войны, не станет ли для них разочарованием, если мы заключим мир. Единственной великой державой, которой вредило продолжение войны в Финляндии, была Германия. Если мы станем частью объединённого фронта западных держав, нам придётся быть в нём до конца».

В конце дискуссии премьер-министр подытожил: «Следовательно, вопрос ясен. Давайте получим дополнительные разъяснения, о которых здесь говорили. А до этого времени будем драться ещё упорнее».

В тот же день правительству Швеции был направлен соответствующий запрос: может ли правительство Швеции оказать Финляндии помощь личным составом и вооружениями, в каком объёме и как скоро? Как правительство Швеции отнесётся к проходу через её территорию войск, которые возможно придут из других стран на помощь Финляндии?

В течение февраля бои в западной части Карельского перешейка развивались не в лучшем для нас отношении. После вклинивания противника в нашу оборону 11-13 февраля нашим войскам нужно было отходить на новые позиции, на так называемый промежуточный рубеж. Уже 19 февраля началось наступление русских на наши новые позиции, которые были подготовлены далеко не так хорошо, как передовые. Русские развили своё наступление на всю ширину Карельского фронта. Под напором превосходящих сил нам пришлось 23 февраля отдать несколько островов, расположенных в морском заливе на юго-запад от Выборга, и отодвинуть нашу оборону ближе к Выборгу. Три дня спустя был отдан приказ начать отвод войск в западной части Карельского перешейка на тыловые позиции (на рубеж: Выборг – Тали – от него на восток к реке Вуокси).

В воскресенье 25 февраля собралось всё правительство под председательством Президента Республики для обсуждения сложившейся ситуации. Присутствовал генерал Вальден. Премьер-министр Рюти отметил, что обстановка на западном участке Карельского фронта была неудовлетворительной. Атаки русских шли одна за другой, наши войска устали. Оборонительные позиции, промежуточный рубеж, на которые отошли наши войска, были слабыми. Местами они уже не выдерживали ударов. В то же время некоторые внешнеполитические вопросы требовали занятия определённой позиции и принятия решения. Западные державы объявили о своей готовности представить нам сравнительно быстро даже вооружённую помощь в известных пределах. Ранее мы уже получили от них как материальную, так и финансовую помощь. Сейчас Франция и Англия были готовы взять на себя оборону

Северной Финляндии. Они были бы готовы прислать 20 000 – 24 000 очень хорошо вооружённых солдат, исходя из того, что смогут пройти через Норвегию и Швецию. Вопрос стоял о том, разрешат ли скандинавские страны проход войск. Этот вопрос неоднократно пытались прояснить, получая весьма невнятные ответы.

Министр иностранных дел Таннер не верил, что фронт может устоять. Прорыв фронта привёл бы к тяжёлым последствиям. Поэтому мы должны были думать о достижении мира, а также получении помощи из Швеции. Неделями ранее Таннер посетил Стокгольм, где имел беседу по данному вопросу и получил отрицательный ответ на наше предложение о том, чтобы Швеция направила укомплектованные воинские части и подразделения. Швеция боялась быть вовлечённой в большую войну, утверждая, согласно полученной из Германии информации, что оказание подобной помощи могло послужить поводом к войне. У нас же из Германии были совсем иные сведения.

Далее Таннер сообщил, что двумя днями ранее у правительства Швеции снова, уже в официальном порядке, пытались выяснить, каковы возможности Швеции оказать нам помощь войсками и когда можно было бы ожидать такую помощь. Ответ Швеции на этот запрос был расплывчатым. Важность такой помощи и для самой Швеции понимали в Стокгольме, но определяющим было то, чтобы предпринимаемые меры не могли подвергнуть Швецию, а также и Финляндию, ещё большим опасностям. Их могло вызвать втягивание в большую войну. Обязанностью правительства Швеции было избежание всяческих подобных мер. Швеция была готова по мере возможностей постоянно оказывать Финляндии материальную помощь. Можно было ожидать и увеличения числа добровольцев.

Второй путь, который прощупывался в течение длительного времени, сказал Таннер, заключался в помощи западных держав. Франция уже длительное время была заинтересована в таком варианте, но Англия колебалась. На встрече высшего военного командования союзников, состоявшейся 5 февраля, было, в принципе, решено помочь Финляндии и отправкой солдат. Материальная помощь уже была получена. Программа помощи включала отправку воинского формирования численностью 20 000 – 24 000 человек, вооружённых особо мощными огневыми средствами. Они взяли бы на

себя оборону участка фронта на Севере Финляндии. Швеции и Норвегии был направлен соответствующий запрос о проходе войск, на который получен ответ, что о пропуске воинских формирований, за исключением добровольцев, не могло быть и речи. В соответствии с мнением представителей западных держав, переброска войск малыми группами не представлялась возможной. Это заняло бы слишком много времени. Войска западных держав могли бы прибыть в Финляндию в начале апреля. Но никто не мог сказать, как сложится обстановка на тот момент.

Затем Таннер рассмотрел возможности заключения мира. Сначала их вообще не было. Кремль ссылался на правительство Куусинена, с которым эти вопросы были оговорены. После того, как наша оборона оказалась более прочной, чем ожидали русские, ситуация поменялась. Но сейчас она снова изменилась, причём в худшую для нас сторону. Таннер информировал о контактах по поводу мира, а также об условиях мира, о которых советы сообщили 23 февраля через посла Швеции в Москве, о чём выше уже шла речь. Он добавил, что в тот же самый день пришла телеграмма, в которой призывали во избежание худших последствий незамедлительно принять условия русских.

Восточный фронт хорош, а вот Карельский перешеек под вопросом, – продолжал Таннер. Помощь Швеции ненадёжна. Предложение помощи со стороны западных держав было конкретным и благородным актом. Но принимая её, мы оказались бы втянуты в большую войну. Эта помощь может оказаться незначительной и запоздалой. Путь к миру был труден и горек. Условия русских очень жёсткие. Следовательно, ситуация была тяжёлой и драматичной, но с принятием решения нельзя было затягивать.

Генерал Вальден, доложивший о положении на фронте и который в течение всей войны сомневался относительно помощи западных держав, заявил, что 20 000 – 24 000 солдат слишком мало. Это не могло переломить ситуацию, да и сама помощь пришла бы к нам слишком поздно. В этой связи премьер заметил, что трудности со снабжением накладывают определённые ограничения на количество отправляемых войск.

Пеккала спросил, шла ли ранее речь об иных условиях мира, на что Таннер ответил, что трудно дать точный ответ, поскольку между

сторонами не было постоянного переговорного контакта. Три недели назад было дано понять, что уступкой полуострова Ханко можно было прийти к соглашению. Тогда речь шла об острове на северном побережье Финского залива, но было невозможно убедить комиссию по иностранным делам пойти даже на такое решение.

По мнению Хейккинена, народ Финляндии не созрел для заключения мира на таких условиях. Народ просто не понял бы этого после столь успешных боевых действий. Вопрос мог бы стоять о передаче Ханко, но не о согласии на другие условия. Помощь Швеции была лучшим и решающим вариантом. Предположительно, она была бы столь эффективна, что позволила разрешить ситуацию. Но её вряд ли можно было получить. О помощи со стороны западных держав надо было и дальше договариваться.

Я заявил, что надо приложить усилия к достижению мира. Условия мира были свертяжёлыми, но существовало опасение, что они могут ещё более ужесточиться. История показывает, что так бывает. Другое дело, если бы мы выиграли войну. Но поскольку превосходство противника было столь велико, не было малейшей возможности для победы. Чтобы мы могли диктовать условия мира, надо было получить значительно большую помощь, чем та, которая позволила бы перебросить пару дивизий с севера на юг. Условия мира были ужасающими, и их русские называли минимальными. Но и в Москве, очевидно, торговались. Так происходило на осенних переговорах. Со своей стороны, я думал об уступке территории на перешейке вплоть до линии Суванто, а также мыса Ханкониеми, но сейчас мы не получили бы никакой компенсации, поскольку русские возьмут его по праву войны. Уже не стоял вопрос о каком-то обмене. В течение предыдущего и сегодняшнего дня я думал, что Швеция, которой надо было объявить о нашей готовности пойти на большие уступки ради заключения мира, приняла бы решение о вступлении в войну, поскольку выглядело вполне вероятным, что Германия в этом случае не станет вмешиваться. Если Россия узнала бы о готовности Швеции к войне, при условии отказа от заключения договора, это, по моему мнению, могло повлиять на условия русских. Я вновь предложил, что надо попробовать убедить Германию так или иначе поддержать нас на переговорах в Москве, поскольку она, насколько известно, желала бы завершения войны. По поводу заявления Хейккинена я сказал, что общественное мнение введено в

заблуждение. Когда в декабре и январе боевые действия шли успешно, думали, что мы победим в войне. Газеты предпочитали писать о победах под большими заголовками. Для русских первые недели войны были только подготовкой к решающему наступлению. Русские могли потерять сколько угодно живой силы и военной техники. Если бы война повернулась в худшую сторону, то наступила бы депрессия и стали обвинять тех, кто своевременно не заключил мир. Мы не могли следовать за настроениями народа, нам нужно было управлять общественным мнением. Я надеялся, что в условиях Москвы остаётся место для компромисса.

Ханнула считал, что принятие условий будет равноценно потере независимости. После этого мы больше не сможем защищать свою страну. Такой мир на практике привёл бы к нашему превращению в протекторат Москвы. Он также не верил, что правительство сможет провести такой мир через парламент и убедить народ принять его. Помощь надо было принимать от кого угодно. Казалось невозможным получить поддержку Швеции. В свою очередь, западные державы сделали очень конкретное предложение по оказанию помощи: солдаты, материальные средства и финансовая помощь. Они обещали позаботиться о нас, когда будет подводить итоги большой войны. Ханнула не видел иного пути, кроме продолжения борьбы.

Пеккала разделял моё мнение. В одиночку мы не выдержим. Было ясно, что Швеция не будет помогать нам всеми своими силами. Добровольцы не могли решить исход войны. Помощь западных держав была единственной, на что можно было надеяться. Но тогда в игру вступила бы Германия. Существовала опасность, что Финляндия была бы поделена между Германией и Советским Союзом, то есть, нас ожидала судьба Польши. Вызывало сожаление, что осенью не удалось прийти к соглашению. Если бы война была продолжена, погибла бы лучшая часть молодёжи. Большая часть страны, как в прифронтовой полосе, так и в тылу, была бы разрушена. Экономически мы тоже не были способны продолжать войну. Конечный результат мог стать трагическим, если бы Россия захватила всю страну. Поэтому нужно было изо всех сил стремиться к миру. Так Финляндия не превратилась бы в протекторат России. И в будущем можно было продолжить вооружаться. Условия были ужасающе суровыми, но Пеккала не считал их окончательными.

Саловаара присоединился к мнению Ханнула. Нас ожидает та же судьба, что и Эстонию. Русские постепенно заберут себе всю страну, а потом вывезут население, куда посчитают нужным. Лучше умереть с оружием в руках. Сослался на Бельгию, которую отстраивали заново после мировой войны. «Конечно, западные державы сдержат своё слово. Давайте доверимся помощи западных держав, возможно, тогда подключится и Швеция». Нет никакой возможности искать согласие на основе условий русских.

— Койвисто: иностранной помощи не так много, чтобы она решила исход войны и мы могли влиять на условия мира. Добровольцы прибывают медленно. Прорыв фронта на Карельском перешейке продолжится, как и разгром за линией фронта. Условия отвратительно суровые, но даже в этих условиях надо стремиться к миру.

— Фон Фиандт: в Швеции мы не получим такую помощь, которая нам необходима. Это сказано многократно, в последний раз устами премьер-министра и короля. Сейчас мы вынуждены стремиться к миру. Мы были благодарны за помощь, полученную от Англии и Франции, но это не помогло, поскольку их интересам отвечает расширение войны. Напротив, интересы Германии были противоположными, хотя до этого времени она отказывалась помогать нам. Надо ещё раз попробовать заручиться её поддержкой.

— Сёдерйелм: мы оказались втянуты в эту войну, надеясь на то, что попробуем выдержать, поскольку международная ситуация была на нашей стороне. Поскольку Финляндия – большая по площади страна, мы можем обороняться еще несколько месяцев без угрозы того, что нам придётся подчиниться как Польше и Бельгии. Условия России таковы, что, принимая их, мы продали бы независимость Финляндии. Выступавший считал, что молодёжь и народ способны выстоять в борьбе. Содержащееся в условиях русских положение о взаимопомощи по меньшей мере столь же ужасно, что и территориальные уступки. Когда завершится большая война и будет решаться наш вопрос, к нам отнесутся иначе, если мы будем участвовать в борьбе.

Фон Борн в общих чертах придерживался тех же позиций, что Ханнула, Сёдерйелм и Саловаара. Не было другого пути, кроме продолжения борьбы, поскольку на условиях русских мы не могли

думать о мире. Надо попытаться получить помощь извне. Ещё может произойти что-то, что спасёт нас. Мы уже находились в безнадёжном положении, поэтому нам нужно было учитывать и такую возможность.

По поводу высказывания Сёдерйелма Таннер сказал, что мы не вступали в войну на каких-либо условиях. Доверчивость и ошибки привели Финляндию к войне. Россия также пошла на войну, исходя и неверных предположений. Таннер считал, что если бы Россия имела верные сведения о нашем сопротивлении, то она не решилась бы вступить в игру. Наша независимость не исчезнет, даже если придётся пойти на территориальные уступки. Даже передача полуострова Ханко не будет означать нашего конца, если она не будет сопровождаться требованиями свободного прохода. Договор о взаимной помощи много опаснее. На него ни в коем случае нельзя соглашаться. Он полностью связал бы нас: как знать, может, через какое-то время мы окажемся в состоянии войны с Германией. Таннер сожалел, что ранее не получил поддержку в комиссии по иностранным делам, которая встала на позицию *non possumus*⁷². Месяц или три недели назад можно было, очевидно, рассчитывать на иные условия. Кто возьмёт на себя ответственность, если будет потеряна вся страна, если нас ждёт участь Польши?

— Премьер-министр Рюти: Наше первейшее стремление – достижение максимально выгодного мира. Договор о взаимной помощи – самое опасное из всех условий. Это приведёт нас к войне с Германией, поскольку её дружба с Россией непрочна. Не верил, что условия окончательны, надеялся на возможность их обсуждения. Предложил, чтобы министр иностранных дел отправился в Стокгольм и попробовал довести до сведения Москвы, что невыгодный для нас насильственный мир не останется надолго, поскольку существует опасение, что Финляндия использует первую же подходящую возможность для его изменения, как только Россия окажется в затруднительном положении. Но, возможно, что не удастся прийти к миру. В этом случае, если мы не получим от Швеции решающую, быструю и эффективную помощь, надо просить помощь у западных держав. Об этом надо снова чётко заявить в Швеции.

---

⁷² Категорический отказ (*лат.*).

Президент Республики не верил, что от Швеции удастся получить действительно активную помощь. Прошло уже почти два месяца, как первые добровольцы стали приезжать из-за границы, но ни один из них ещё не добрался до фронта. Исключение – самолёты. Западные державы не обещали послать войска на Карельский перешеек в самую горячую точку. Будет весьма прискорбно, если придётся уступить полуостров Ханко. Это хуже, чем сдать Карельский перешеек. Немецкая политика может смотреть на развитие событий со своей точки зрения, но мы можем полагаться на то, что душа немецкого народа и просвещённых правительственных кругов Германии настроена против большевизма. Если не удастся добиться более достойных условий мира, то надо продолжить борьбу и принять обещанную помощь. Условия невозможные.

Все члены правительства были едины в том, что Таннеру надо отправляться в Стокгольм для выяснения положения дел, как это предложил премьер-министр.

Обсуждение вопроса было продолжено на заседании государственного совета под председательством президента 28 числа того же месяца. Присутствовали генерал Вальден и профессор Кивимяки, который только что вернулся из поездки по скандинавским странам и Германии.

Таннер рассказал о своём визите в Стокгольм, где он поинтересовался у премьер-министра Швеции, каковы возможности получения военной помощи в той или иной форме. Ответ был, что отправка воинских частей категорически исключена. Можно было бы усилить оказание помощи путём отправки добровольцев, но это должно было и сейчас проходить только на основе инициативы частных лиц. В определённых границах можно было бы дать разрешение отправиться на помощь и тем шведам, кто призван на военную службу. Со временем таким образом можно было бы собрать примерно 8000 добровольцев в дополнение к тем 8000, которые уже находятся в Финляндии. Как этим, так и другим добровольцам могло быть выдано оружие. В отношении переброски войск западных держав ответ был резко отрицательным. Проход любых войск запрещён, поскольку опасались, что иначе Швеция будет втянута в большую войну. Швеция сохраняла безусловный нейтралитет. Небольшие группы добровольцев, прибывающие из западных держав,

могут получить разрешение на проход при условии, что их вооружение будет транспортироваться отдельно.

Далее Таннер говорил об условиях мира, выразив сожаление по поводу высказываний Ханссона и короля, которые могли повредить нам на мирных переговорах. В этой связи было сообщено, что Швеция в силу своей политической позиции не была готова угрожать вступлением в войну для облегчения достижения мира на приемлемых для нас условиях. С другой стороны, нам будет оказана любая дипломатическая помощь. Мысль о военном союзе между Финляндией и Швецией, которую вбросил Таннер, пришлась по душе премьер-министру Швеции. Если бы осенью был заключён оборонительный союз, то, по его разумению, никакого нападения не было бы. На это Таннер заметил, что если бы Швеция сообщила о готовности прийти к нам на помощь, то Россия, скорее всего, отказалась бы от нападения.

Кроме того, Ханссон по поводу вопроса Таннера с энтузиазмом сообщил, что Швеция сделает всё возможное, чтобы помочь нам в послевоенном восстановлении.

С Советским Союзом, если сведения Таннера соответствовали действительности, можно было уже раньше прийти к соглашению путем уступки полуострова Ханко. Россия была готова к мирным переговорам, при условии хотя бы частичного сохранения своей воинской чести. Таннер высказал пожелание, чтобы Советский Союз не торопил нас с ответом. В тот же день пришла информация, что Советский Союз согласен подождать двое суток – точнее до 11 часов пятницы 1 марта. К этому времени должно быть понятно, будут приняты условия Советского Союза или нет. Во время переговоров можно было попробовать добиться некоторого смягчения условий, поскольку предполагалось, что если уж переговоры будут начаты, они не будут сразу прерваны. Но если не будет получено согласие на переданные условия, то в следующий раз могли быть выдвинуты дополнительные условия.

В отношении помощи западных держав было сообщено, что к концу февраля здесь находилось бы до 12 000–13 000 личного состава, помимо чего значительные силы оказывали бы поддержку со стороны Швеции. Иными словами, численность войска была бы меньше, чем говорилось ранее.

Ситуация была такова, что надо принимать решение, сказал Таннер в завершение своего выступления. Ожидалось, что кто-то придёт нам на помощь, но сейчас мы могли констатировать, что нас оставили одних. Предлагаемый контингент сокращался раз от разу. Это не могло переломить ситуацию, но привело бы только к затягиванию войны и нашему возможному вовлечению в большую войну. Позиция Швеции была решающей, так как западные державы не стали бы пробиваться с применением силы. Швеция постоянно сохраняла ключевую позицию: она могла в одиночку помочь нам или могла позволить западным державам прийти нам на помощь, но она этого не сделала. Советский Союз, конечно, надеялся на быстрое решение вопроса, чтобы развязать себе руки. Но ему некуда было торопиться. Сейчас, по мнению Таннера, было необходимо принять условия, сколь тяжелы они ни были бы. Отсечением части мы могли спасти страну. Россия добилась своей цели. Но и мы добились того, что Россия отказалась от правительства Куусинена.

После этого профессор Кивимяки дал пояснения по поводу своих наблюдений, сделанных в Швеции и Германии. В тот момент не было никаких надежд на то, что Швеция вступит в войну на стороне Финляндии. Она также воспрепятствует проходу войск западных держав. В Берлине у Кивимяки сложилось впечатление, что у Швеции не было никаких причин бояться вмешательства Германии, если бы она пришла на помощь Финляндии. Для правительства Германии наша война была неудобной. Народ Германии благожелательно относился к финскому вопросу. Поэтому вступление Швеции в войну на стороне Финляндии не было бы чем-то неприятным с точки зрения Германии. Единственным ограничением со стороны Германии было то, что если бы западные державы вмешались в войну своими войсками, то Германия предприняла бы соответствующие меры. Но если война оставалась бы локальной, войной между Финляндией и Россией, Швеция могла бы свободно определять свою позицию. В Германии выражали сожаление по поводу позиции Швеции, но считали, что слабые шведские силы не были достаточными для достижения выгодного решения. Поскольку западные державы не могли улучшить положение дел, а Россия угрожала захватить всю страну, то для Финляндии было бы самым разумным заключить мир на любых условиях и дожидаться окончания большой войны, когда всё будет возвращено в исходное положение, кто бы ни победил в

войне. Германия была готова посредничать, но только в роли «почтовой конторы», поскольку у них не было никаких средств для оказания воздействия на Россию. «В качестве заключения могу сказать, что сегодня, похоже, негде получить эффективную военную помощь», завершил своё выступление профессор Кивимяки.

Генерал Вальден сослался на свои прежние высказывания о ситуации на фронтах. Наши возможности продолжать сражаться зависели от того, что происходит в большом мире и можно ли получить помощь. Стало ясно, что мы не можем полагаться на зарубежную помощь. Он также не верил и в то, что в России может произойти нечто, способное изменить ситуацию. Наши войска на Карельском перешейке отошли. Нынешняя линия обороны весьма ненадёжна.

По мнению премьер-министра, даже если нам поможет Швеция и если придёт обещанная западными державами помощь, это даже в совокупности не будет достаточным, чтобы переломить ситуацию в нашу пользу. Мы не сможем отвоевать Карельский перешеек. Ситуация на фронте удручающая. Войска предельно истощены. Невозможно продолжать войну всё ослабевающими силами. Боезапас артиллерии сокращается. Поскольку нет возможности получить эффективную помощь и раз мы не можем строить наши надежды на общей политической ситуации в мире, которые, возможно, могли бы спасти положение, нам необходимо стремиться к миру даже на самых жёстких условиях.

Ниукканен сообщил, что прошлой ночью наши войска отошли на Карельском перешейке на последний, сколько-нибудь оборудованный, рубеж по линии Выборг – Тали – Купарсаари. Если можно сделать ещё какое-нибудь другое предложение, то можно было бы подумать о мире, но с условиями русских невозможно согласиться. Выгоднее драться, чем сдать Выборгскую губернию. Если удастся остановить врага, то в мире может произойти что-то, что поможет нам.

Котилайнен, который только что прибыл из Ставки, сообщил, что наши войска устали. Они впадают в состояние депрессии, воюя три месяца под постоянным огнём врага. Он поддержал точку зрения

премьер-министра и министра иностранных дел. Важнее сохранить народ и армию с оружием, чтобы у нас была возможность защитить себя, если Россия не будет следовать новому договору, а выдвинет новые условия.

Я сообщил о своём согласии с позицией премьера, министра иностранных дел и Котилайнена. Если войска прошлой ночью действительно отошли на новый рубеж, то не было времени на затягивание решения. Я не видел никакой возможности продолжать войну. Вопрос стоял о том, можно ли смягчить ужасающие условия. После того, что изложил министр иностранных дел, на это, похоже, не оставалось больших надежд. Но через несколько недель нам придётся принять ещё более тяжелые условия. Таков закон войны. Помощь западных держав сводилась к каким-то 10 000 – 15 000 человек, да и они остались бы в Северной Финляндии. Это могло спровоцировать воздушный налёт немецких ВВС.

– Хейккинен: поскольку у нас больше нет надеж на такую зарубежную помощь, которая спасла бы ситуацию, и раз мы получили отчет о положении дел на Карельском перешейке, нам неизбежно надо думать о заключении скорейшего мира.

Ханнула держался своего последнего мнения, несмотря на то, что были получены ещё более пессимистические сведения. «Заключение мира на предложенных условиях невозможно. Если мы заключим мир и передадим практически всю Выборгскую губернию и Ханко, да ещё и подпишем договор о военном союзе с Россией, то это приведёт к потере нашей независимости». Он не видел другого пути, кроме продолжения войны, каким бы безнадежным это ни казалось.

– Пеккала: уже в прошлый раз я достаточно ясно изложил свою позицию. Поступившие позже данные подкрепляют её. Присоединяюсь к премьер-министру и министру иностранных дел.

– Таннер: решение нельзя откладывать, поскольку это последний момент, когда мы ещё пригодны для ведения переговоров. Мы уже видели, что предложения Молотова соответствуют реальности. Никто не может сказать, как следует решить этот вопрос. Мы показали миру, что способны сражаться за наше дело, но мир не пожелал нам помочь.

– Президент Республики: Это невероятно трагично. Лига Наций единодушно обещала помочь. В действительности же Швеция и Норвегия даже не позволяют доставить ту помощь, которую готовы предоставить другие. Это удручает. Хуже всего то, что Государственный совет не может заручиться единодушной поддержкой народа. Если бы мы были едины, то смогли бы выдержать тяжёлое бремя. Но у нас нет того авторитета и силы, чтобы народ единодушно поддержал нашу программу действий, если мы заключим мир на этих условиях.

– Койвисто: говорят, что заключение мира требует большей смелости, чем начало и ведение войны. Моя позиция укрепилась. Я присоединяюсь к предложению премьер-министра и министра иностранных дел.

Некоторые из членов правительства сообщили о своём желании ещё до принятия решения переговорить с маршалом Маннергеймом, вследствие чего было согласовано, что они вместе с премьером отправятся в Ставку и вернутся утром следующего дня. Когда дискуссия продолжилась, президент вновь выразил сожаление по поводу позиции скандинавских стран.

– Я: разве Швеция уже не объявила о своей позиции на встрече глав государств?

– Президент Республики: официально она не запрашивалась. Вопрос всячески старались обойти, опасаясь, что это станет холодным душем для всех.

В четверг 29 февраля обсуждение продолжилось на заседании кабинета министров в бомбоубежище Банка Финляндии.

Премьер отчитался о визите в Ставку к маршалу, изложив сведения с фронта. На Маннергейма ситуация произвела весьма серьёзное впечатление. В общей сложности у нас на Карельском перешейке было 8 ½ дивизий. У русских – около 22. Войска устали, особенно на западном участке фронта. Их охватило оцепенение, солдаты уже больше ничего не боялись, что приводило к большим потерям. Маршал не мог сказать, как долго получится удерживать новые позиции, поскольку войска устали, а подступы к Выборгу были опасны и плохо защищены. Мнение маршала о ситуации было пессимистичным. Если русским удастся прорвать оборону, то их

будет трудно удержать из-за большого количества бронетанковых войск. Положение с боеприпасами было таково, что использовали всё попадавшееся под руку. Тыловые коммуникации находились под воздействием превосходства русских в воздухе.

Фагерхольм, фон Борн, Сёдерйельм и Саловаара сообщили, что, заслушав мнение военного руководства, не видят другого варианта, кроме предложенного министром иностранных дел.

Таким образом, к предложению министра иностранных дел присоединились все члены Госсовета, за исключением Ханнулы, который был против, а также Ниукканена, который ставил условием, что новая граница должна пройти к югу от Выборга и Янисярви. После этого говорили о формулировке ответа, утверждение которой было перенесено на следующее заседание правительства, которое должно было пройти вечером того же дня.

Министр иностранных дел представил этот вопрос в тот же день на заседании комиссии по иностранным делам, которая во второй половине дня продолжила обсуждение вопроса. В тот же вечер состоялись переговоры с различными парламентскими фракциями.

На совместном заседании парламента с участием депутатов от буржуазных фракций и социал-демократов премьер-министр изложил положение дел и позицию правительства. Затем состоялись заседания самих фракций, после чего депутаты вновь собрались на общее заседание. Социал-демократы единодушно поддерживали позицию правительства. В буржуазных фракциях мнения несколько расходились. На совместном заседании было констатировано, что подавляющее большинство членов парламента разделяет позицию правительства.

Вечером, после фракционных заседаний, в здании парламента под председательством президента состоялось заседание правительства. В ответе, составленном премьер-министром, заявлялось, что правительство Финляндии, которое со своей стороны желало прекращения враждебных действий и установления мира, в этих целях считало возможным принять предложение русских в качестве основы для переговоров и принципиально принимало его. Важность предложения и неопределённость отдельных пунктов требуют их уточнения, но эти моменты можно было бы прояснить в

ходе переговоров. Правительство Финляндии ожидает сообщение, когда и где правительство Советского Союза предлагает начать переговоры.

Возникли прения по поводу словесной формы ответа. Ниукканен предлагал убрать слова о принципиальном принятии предложения. На это было замечено, что было необходимо составить ответ таким образом, чтобы советское правительство не сочло его отказом. Предложение по ответу было принято в изложенной форме.

Ответ был телеграфирован временному поверенному Финляндии в Стокгольме, с дополнительной инструкцией, что его нельзя передавать дальше до получения специального распоряжения. Эта мера предосторожности, оценивая её задним числом, оказалась весьма уместной, поскольку она давала возможность обсуждать последующую интермедию, возникшую в результате энергичных действий западных держав, но так и не приведшую ни к какому результату, хоть и сделавшую возможным вновь задуматься над помощью западных держав.

На следующий день, 1 марта, в первой половине дня правительство снова собралось на заседание под председательством президента.

— Таннер: «Сейчас и ночью нет покоя. Мир полон шума». В Лондон и Париж вчера ушли сообщения об условиях русских, а также о запрете Швеции на проход войск. Французский посланник посетил Таннера и патетически заявил, что во Франции обеспокоены нашими намерениями. По его словам, точное количество помощи – это около 20 000 солдат спецвойск. Правительство Франции уверено в том, что отрицательная позиция Швеции не является окончательной. Если Финляндия продержится какое-то время, то помощь близка. Заключение мира означало бы капитуляцию и расчленение Финляндии. Таннер сослался на то, что мы могли бы вернуться к плану западных держав, если не удастся прийти к миру. Это не понравилось французскому дипломату. «Если мы начнём переговоры, то остынут и симпатии, будут считать, что мы перешли на сторону Германии». По мнению Таннера, это раскрывало истинную сущность западных держав. Ещё раньше ночью поступили многочисленные телефонные звонки из Лондона и Парижа, которые были готовы сделать всё возможное для воспрепятствования началу мирных

переговоров. Согласно первому сообщению, поступившему из Парижа, в состав первого вспомогательного корпуса войдёт до 50 000 личного состава, которые были бы в Финляндии в конце марта. Западные державы были готовы надавить на Швецию и Норвегию для обеспечения прохода войск. Просили, чтобы Финляндия отказалась от продолжения переговоров с Россией. Если переговоры будут продолжены, то будет приостановлена подготовка оказания помощи. Одновременно прекратятся поставки вооружений и экономическая поддержка. В то же самое время, именно в 11 часов того же дня, нам нужно было дать ответ советскому правительству. Таннер полагал, что советскому правительству надо было ответить таким образом, чтобы формулировка ответа не была ни отрицательной, ни одобрительной, чтобы в ответе можно было запросить более точные сведения, а также поставить вопрос о компенсации. Тогда мы смогли бы выиграть пару дней и успели бы выяснить истинные намерения западных держав. Иными словами, вопросы были бы заданы обеим сторонам.

Котилайнен, который придерживался осторожной политики, признал, что мы в неведении перед судьбой, но, все жё, посчитал, что нам надо осмелиться послать России такую телеграмму, какую предлагал министр иностранных дел.

Президент Республики был доволен текущей стадией обсуждения и поддержал идею министра иностранных дел.

В ходе осуждения высказывалась поддержка министра иностранных дел, который предложил телеграфировать в Москву: «Поскольку очертания новых границ расплывчаты, просим более точные определения, а также информацию о том, какую компенсацию может получить Финляндия». Одновременно правительству Швеции следовало сообщить, что правительство Финляндии из-за жёстких условий мира, выдвинутых Россией, серьёзно рассмотрело вопрос об обращении к западным державам. Это предложение было принято.

Активное и энергичное вмешательство западных держав в этот вопрос способствовало появлению у нас некоторых надежд. Этого обнадеживающего настроения хватило максимум на пару дней, когда оно, как мы увидим позже, полностью испарилось. Наше положение было не просто трудным, оно было ужасающим. Было понятно, что

перед жёсткими условиями, поставленными нам Москвой, мы не могли всерьёз задуматься о последней возможности.

Утром 2 марта состоялось заседание правительства под председательством президента. Настроение было более обнадеживающим, чем в предыдущие дни. «Сейчас ситуация более утешительна, чем позавчера вечером. Парламент, очевидно, невероятно доволен развитием дел», – сказал президент Каллио. – «Западные державы с воодушевлением приступили к действиям, а Швеция, заметив, что их вмешательство не за горами, что могло вызвать реакцию Германии и превратить Швецию в театр войны, ощущала ослабление своей позиции».

Таннер рассказал, что телеграмма, решение о направлении которой было принято накануне и в которой мы просили от Москвы уточнённых данных, ушла в Стокгольм, также как и наше сообщение о том, что мы думаем над обращением к западным державам. Пришла информация, что правительство Швеции твёрдо решило отказать западным державам в праве на проход их войск через её территорию. Также было объявлено, что Германия по-прежнему надеется на заключение мира между нами и Советским Союзом, но она не могла повлиять на условия мира. По некоторым данным, в Стокгольме предполагали, что наш ответ был бы негативно воспринят в Москве. Швеция оказалась в сложном положении. Она всячески пыталась через представителя Советского Союза в Стокгольме добиться начала переговоров. Поскольку Выборг и Сортавала не были упомянуты в тех предложениях, которые были переданы нам через представителя Советского Союза в Швеции, а были сообщены Молотовым позднее через шведского посла Швеции в Москве Ассарссона, в Стокгольме возникла мысль попробовать убрать упомянутые города из этого предложения. Представители западных держав в Стокгольме были бы крайне возмущены, появившись у них хоть тень сомнений. Когда Таннер сослался на пример Чехословакии и Польши, которые остались без помощи, его пытались убедить, что наша ситуация совершенно иная. Но на вопрос о том, как войска западных держав могут добраться до Финляндии, справятся ли железные дороги с переброской такого количества войск и удастся ли обеспечить столь большие войска, не удалось получить ответ. Хорошая сторона вчерашнего решения заключалась в том, что вопрос обсуждался в Швеции и столицах

западных держав. Переговоры шли, было очевидно, что Москва не считала их прерванными.

Премьер-министр сказал о своём обращении к Лондону, что сделало возможным перевозку 50 000 контингента в почти вдвое более короткие сроки, хотя ранее со стороны западных держав утверждалось, что количество направляемых на помощь войск ограничено пропускной способностью железных дорог, но ответ ещё не получен.

Из Ставки сообщили, что наши войска перешли на линию Выборг – Тали.

– Пеккала: приятно отметить, что ситуация вполне удовлетворительная. Ответ опасен, но надо надеяться, что он приведёт к лучшему предложению. Я все же не уверен в этом. Увидим это только тогда, когда получим ответ. Мне кажется, что западная помощь по большей части блеф. Они не помогли Польше, хотя обещали. И Чехословакию они призывали сдать. Я не придаю особого значения этой помощи. Главное здесь в том, как она попадёт сюда. [...] Со своей стороны, я был бы готов, если города (Выборг и Сортавала) будут оставлены за рамками, всерьёз подумать о заключении мира.

– Котилайнен согласился с Пеккалой. «Вопрос транспортировки войск и материальных средств как через Скандинавию, так и по нашим собственным железным дорогам представляет большие трудности, в том числе из-за угрозы бомбардировок».

– Ниукканен: надо постараться выдавить из западных держав официальные заверения в оказании помощи. Прежде всего, нужны авиаэскадрильи с экипажами. Ситуация для нас выгодна в том отношении, что Швеция, да и Россия хотят мира. Возможно, того же хочет и Германия, хотя мы не получили сообщения об этом. Очевидно, что Москва не хочет войны ни с одной из великих держав.

– Я: Главное – заключить настолько достойный мир, как только возможно. Видно, что западные державы хотят здесь не установления мира, а продолжения войны, и что в этом смысле они помогают нам. Я думаю, что Швеция и Германия надеются на скорейшее завершение войны. Я не верю в эффективность помощи западных держав.

Германия вмешается и создаст новые конфликты. С помощью Швеции надо добиваться мира. Но на тот случай, если мир не будет установлен, следует быть осторожными, чтобы мы не испортили отношения с западными державами, поскольку они нам помогают. Если мы получим границу по линии Суванто, а также передадим военно-морскую базу и острова в Финском заливе, да еще и получим компенсацию, то мы можем быть довольны.

Как видно, и я в тот день был оптимистически настроен. На переговорах 1939 г. Сталин назвал упомянутую границу на Карельском перешейке минимальным требованием советских солдат. Вопрос был отложен до получения новой информации.

На следующий день наши надежды оказались напрасными и испарились. Мы снова были перед суровой действительностью, из которой не было выхода.

Наше положение не просто было трудным и запутанным; оно было трагическим.

Стало ясно, что мы больше не сможем выдерживать войну и погибнем, если не получим скорую и эффективную военную помощь. Но её не было. Швеция категорически отказалась от неё. Западные державы обещали помочь, но эта помощь была недостаточной и она не могла подоспеть вовремя, если бы её вообще пропустили сюда, поскольку Норвегия и Швеция отказали в проходе войск. А если бы она к нам попала, это привело бы к вмешательству Германии, а нас к войне с Германией, что не только бы свело на нет влияние помощи, но и означало бы для нас новую и ещё большую опасность. Следовательно, нам нужно было стремиться к миру на жёстких условиях, установленных русскими. Мы надеялись, что на переговорах удастся смягчить эти условия, по крайней мере, исключить из них подписание договора о взаимной помощи. Но если мы даже на этих условиях не придём к миру – при дальнейшем развитии военных действий в благоприятном для русских направлении, когда было возможно выдвижение новых требований – у нас не оставалось ничего другого, как оказаться втянутыми в войну на стороне западных держав и отдаться во власть всех исходящих из этого опасностей.

Положение Швеции также осложнилось. Не было никаких сомнений в том, что она искренне хотела помочь нам настолько, насколько это было возможно, чтобы не оказаться самой втянутой в войну, поддерживая нас в нашем стремлении прийти во всех наших проблемах к лучшему возможному результату. В течение всей войны Швеция предпринимала усилия для нашего блага по установлению мира. Сейчас она боялась вмешательства западных держав, что могло ввергнуть её в пучину непредсказуемых трудностей. Вмешательство Германии могла превратить Швецию в театр военных действий. Это, в свою очередь, подогревало желание и стремление правительства Швеции к прекращению войны. Поскольку мир должен был заключён за наш счёт, можно предположить, что Швеция, с учётом собственных интересов, желала бы мира на любых условиях, чтобы избежать опасностей, связанных с оказанием помощи западными державами. Возникновение таких мыслей у нас было делом времени. Однако, следует принимать во внимание, что в соответствующих кругах Швеции были убеждены в том, что помощь западных держав в силу её недостаточности и опоздания, а также возможного вмешательства Германии, не могла пойти на пользу Финляндии и что Финляндия по этой причине раньше или позже падёт. Не исключено, что в Швеции также полагали возможным смягчить на переговорах условия, выдвинутые Советами.

3 марта в первой половине дня состоялось заседание правительства под председательством президента. Оно прошло в обычном месте – бомбоубежище Банка Финляндии. Также присутствовал генерал Вальден.

Министр Таннер сообщил, что накануне Лондон обратился к Стокгольму и Осло с запросом на право прохода для войск, которые были бы готовы отправиться в путь 15 марта в количестве, максимальном для пропускной способности портов отправки и железных дорог. В течение первой и второй недели к месту назначения должно было прибыть около 6000 человек. На вопрос, собираются ли войска западных держав прибыть вопреки согласию скандинавских стран, ему не смогли дать ответ, сославшись только на дипломатический нажим в отношении Швеции. Из Москвы еще не поступил ответ на запрос, направленный из Стокгольма о возможном смягчении условий русских. Что касается транзита войск западных держав, то Швеция остаётся на своей прежней отрицательной

позиции. Было также замечено, что поскольку Швеция оказалась в зоне опасности, её обязанностью было наблюдать за своими интересами и думать о себе. Она хотела любой ценой избежать вовлечения в большую войну. Таннер не верил, что западные державы могли прибегнуть к санкциям против Швеции. Количество войск, направляемых на помощь, сократилось до совершенно недостаточного количества, да и те прибыли бы слишком поздно. Поэтому мы не могли продолжать идти по этому пути, нужно было вернуться на курс, определённый Москвой. Сейчас следовало отправить в Москву более мягкий ответ. «Я считаю все шараханья из стороны в сторону бесполезными и предлагаю принять всё как есть», – заключил Таннер.

– Президент: Создаётся впечатление, что нельзя связывать свои надежды с помощью западных держав. Нет информации, сколько её поступит и поступит ли она вовремя. Она не станет для нас реальной помощью. Но не стоит ли ещё подождать ответа из Москвы?

Пеккала защищал предложение министра иностранных дел. «Требования русских могут ужесточиться, поскольку на Карельском перешейке им сопутствует успех».

Ниукканен считал слишком рисованным решение сообщить русским, что мы в принципе принимаем их условия. «Такой ответ положил бы конец помощи со стороны западных держав».

– Фон Борн: Прежде, чем перейти к новому ответу, надо выяснить, что на помощи западных держав действительно нельзя строить никаких планов. Только после этого можно уступать.

Премьер-министр сообщил, что западные державы дали Швеции время до 11 марта. «До этого не удастся получить окончательный ответ. Но очевидно, что он будет отрицательным».

– Котилайнен: Мы попали в опасную ситуацию. Мы можем потерять помощь западных держав и материальную поддержку, а также помощь Швеции снаряжением и сырьём, которая для нас крайне необходима. Тогда мы полностью окажемся во власти Москвы. Поэтому следует ещё раз попробовать войти в контакт с Москвой, каким бы трудным ни был этот путь.

— Ханнула: Надо, в конце концов, попросить помощь у западных держав. Если мы будем действовать, как предлагает министр иностранных дел, то окажемся совершенно одни на милости Москвы как во время переговоров, так и после их завершения.

Сёдерйелм не мог поддержать идею министра иностранных дел. Мы потеряли время. Наши войска заняли новые позиции. У нас не было информации о контрмерах западных держав на ответ шведов. Надо потерпеть и продолжать сражаться, по крайней мере, несколько дней.

Я заявил, что надо стремиться к миру, фактически разделив позицию Таннера. Однако не было ясности, как следовало поступать, поэтому я попросил отложить принятие решения до следующего заседания правительства, по крайней мере, до сегодняшнего вечера. (Мне с самого начала было понятно, что помощь западных держав не могла быть эффективной.)

Генерал Вальден сообщил, что положение на фронте не изменилось после визита членов правительства в Ставку. Наши войска на западном побережье Финского залива находились в боевом соприкосновении с противником, который был там, но нет уверенности, что он оттуда выбит.

Премьер-министр Рюти был в курсе того, что помощь западных держав не настолько велика, чтобы оказать решающее воздействие. Обе страны направят в общей сложности 6000 солдат, которые отправятся в путь 15 марта и придут в место назначения во вторую или третью неделю апреля. Такая помощь ничто. После этого обещают больше помощи, если это позволит пропускная способность железных дорог, но не ранее конца апреля. Из Лондона сообщили, что переброска 50-тысячного корпуса в Финляндию невозможна. К тому же неясно, отправлен ли наш ответ в Москву.

После непродолжительной дискуссии решили собраться на новое заседание вечером того же дня, постаравшись предварительно получить дополнительную информацию из Стокгольма.

На вечернем заседании правительства Таннер сообщил, что, по его сведениям, наш ответ не отправляли в Москву, поскольку сочли, что он может быть интерпретирован в негативном ключе, что в свою очередь могло повлиять на разрыв переговоров. Помимо этого у

Москвы пытались в инициативном порядке узнать, можно ли рассчитывать на смягчение условий. На этот запрос еще не пришел ответ. В Стокгольме считали, что переговоры не прерваны. Швеция ни в коем случае не даст своего согласия на проход войск западных держав. Размеры обещанной западными державами помощи постоянно менялись. Только что пришла телеграмма, согласно которой количество войск составило бы 22 000 – 13 000, причём часть из них осталась бы в Швеции. Точного ответа не было.

Ниукканен считал, что больше не было повода откладывать просьбы о получении помощи со стороны западных держав.

– Я: Поскольку помощь западных держав недостаточна и она не успеет в срок, и поскольку в силу позиции Швеции она находится под вопросом, вплоть до невозможности её получения, и поскольку существует опасность, что мы вступим в конфликт с Германией, нам надо стремиться к мирным переговорам, отбросив всё остальное. К этому надо стремиться при посредничестве Швеции. Далее предлагаю обдумать, не следует ли нам попробовать заручиться в Берлине поддержкой Германии на переговорах с Москвой. По поводу этого предложения, которое кое-кто поддержал, было замечено, что Германия, к которой уже многократно обращались, не считала для себя возможным как-то вмешиваться в силу своих договорных отношений с Советским Союзом.

Недостаточность помощи западных держав стала очевидной. Больше получить помощь было неоткуда. Поскольку ещё не был получен ответ на наш запрос по поводу мирных переговоров, направленный из Стокгольма в Москву, обсуждение этого вопроса было отложено до следующего заседания правительства.

Из моего дневника за 4.3.1940: «У Рюти в банке. Он сказал, что Гюнтер, переговорив с Коллонтай, не отправил нашу телеграмму от прошлой пятницы, в которой запрашивались более точные сведения и ставился вопрос о компенсации, поскольку они посчитали, что в Москве её восприняли бы как отказ. Вместо неё Гюнтер направил в Москву другую телеграмму, спросив в ней, не пойдет ли Москва на смягчение условий. На неё из Москвы сообщили, что ответ пришёл

слишком поздно, одновременно заметив, условия к северу от Финского залива не будут смягчены.

После этого Гюнтер – по нашей просьбе – направил в Москву новую телеграмму, в которой спрашивали, согласится ли Москва отказаться от претензий на Выборг и Сортавалу, если правительство Финляндия примет предложенные условия».

Утром 5 марта снова прошло заседание правительства под председательством президента. Присутствовал генерал Вальден. По информации Таннера, существуют противоречивые сведения относительно того, будет ли Швеция вооружённым путём препятствовать проходу войск западных держав или же она ограничится только заявлением протеста. Из Москвы еще не пришёл ответ на запрос относительно Выборга и Сортавалы.

Премьер и генерал Вальден провели анализ возможной помощи западных держав, по которой были получены уточнённые данные. Если Финляндия продолжит борьбу, то первые войска западных держав были бы готовы отправиться в дорогу через неделю. Если мы обратимся с воззванием об оказании помощи, то западные державы будут рассматривать наш фронт как часть их большого фронта. В первую группу войдёт до 15 000 столь мощно вооруженных солдат, что при их сравнении с нашими дивизиями можно смело прибавлять 50%. Англичан отправится около 18 000, что в общей сложности составит 33 000 человек. Это было бы только начало. Помощь можно увеличивать по мере необходимости. Помимо личного состава в первую очередь поступит 60 бомбардировщиков. Также планировалась морская операция в Петсамо. С участием Франции и Англии война приобрела бы тотальный характер. Союзные державы полагали, что Швеция не станет с оружием в руках препятствовать проходу войск. Войска могли бы прибыть в Финляндию под видом добровольцев, причём офицеры в форме и полном боевом снаряжении, в период с 10 по 15 апреля. Англия и Франция рассматривали бы Россию своим врагом с начала отправки войск.

Из Ставки сообщали, как сказал Вальден, что обстановка сложилась весьма критическая. В некоторых местах врагу удалось просочиться на западный берег Выборгского залива. Пока их было не так много, но их количество могло увеличиться. Маршал сказал кратко: «Каждый понимает значение Выборгского залива, а также

значение побережья, которое еще больше. Мы должны быть готовы к неприятным сюрпризам. Войск западных держав недостаточно, да и времени уже нет».

— Таннер: Положение тревожное. Ситуация на фронте критическая, линия обороны постоянно под угрозой. Враг может пронзить её. Время поджимает. Он предложил, хотя время для нашего ответа истекло, сообщить, что мы принимаем условия противника. Если из Москвы придёт отказ, то останется только взывать о помощи к западным державам. Таннер высказал пожелание, что сейчас вместо дискуссии надо принимать решение.

— Ханнула: Предлагаю принять предложение помощи западных держав.

Премьер-министр согласился с мнением Таннера, предложив внести пункт о перемирии.

Пеккала присоединился к министру иностранных дел.[...]

«Удивляюсь, что здесь ещё есть те, кто воображает, что нам удастся справиться с ситуацией. В отношении конечного результата нет ни малейших сомнений», – сказал он.

— Ниукканен: Россию надо постоянно подозревать. Предложение было только пробным шаром. Выдвинутые условия можно принимать только тогда, когда разбита армия. Нам надо сражаться. Помощь западных держав надо запросить и в том случае, если мы начнём говорить о мире [...] Предложение русских потому и было расплывчатым, что его принятие означало бы то же, что и капитуляция на милость России.

Но поскольку сохранение единодушия было необходимым условием спасения нашего народа, он не хотел возражать.

Министры Фагерхольм, Койвисто, Котилайнен, Хейккинен, Саловаара, фон Фиандт, фон Борн и я поддержали предложение министра иностранных дел.

Премьер заметил, что надо принять во внимание и возможность того, что, несмотря на все наши усилия, мы не сможем заключить мир на приемлемых условиях. Поэтому нам надо открыто сообщить представителям западных держав о нашей линии поведения, а также

обратиться к ним за помощью, если наши мирные усилия не приведут к результату. Это предложение было одобрено.

После окончания дискуссии президент отметил, что все члены правительства, за исключением Ханнулы, считают, что надо пытаться установить мир и, если это не даст результата, обратиться с воззванием о помощи к западным державам, которых надо просить продолжать подготовку. Президент сам согласился с этим мнением.

В среду 6 марта состоялось очередное заседание правительства под председательством президента. Присутствовал и генерал Вальден.

Таннер сообщил, что из Москвы пришёл ответ на предложение вывести Выборг и Сортавалу за рамки условий. Молотов сообщил шведскому посланнику Ассарссону, что Кремль безусловно настаивает на обоих городах. Только из уважения к Швеции советское правительство согласилось ещё несколько дней ждать ответ Финляндии. Молотов также сообщил, что армия требует разрешения продолжать войну и продвигаться вперёд. Если война будет продолжена, то требования будут ужесточены. Молотов также сказал о том, что, пожалуй, было бы лучше вести переговоры с правительством Куусинена, но от этого отказались из чувства уважения к Швеции. Из Швеции пришло сообщение, что от западных держав поступила просьба разрешить проход войск, но Швеция ответила отрицательно и намерена оставаться на этой позиции. По мнению правительства Швеции, действия западных держав не пошли бы на пользу Финляндии, но, напротив, вовлекли бы весь Север в войну. Это были детские игры. Швеция не оставит ни одного рельса на портовых железнодорожных путях. Поэтому наш ответ был сообщён советскому послу через Швецию. Швеция предложила прекратить боевые действия 6 марта в 11 часов по финскому времени. Вчера в 10 вечера ответ Финляндии был доведён до Молотова, который назвал его расплывчатым и нуждающимся в уточнении, сказав, что о перемирии не могло быть и речи, пока войска не уйдут из Выборга и побережья Выборгского залива. Шведский посланник ответил, что ответ не менее расплывчат, чем сами предложения. Прошлой ночью Молотов передал следующее сообщение: «Принимая во внимание, что правительство Финляндии принимает условия, советское правительство готово начать переговоры по прекращению боевых действий и достижению мира. В качестве места переговоров

была предложена Москва». Посланник Ассарссон дополнительно спросил, почему не согласились на перемирие, и получил ответ, что фронт не имеет чёткой конфигурации и что советское правительство не доверяет финнам. Ассарссон также намекнул на возможное вмешательство других государств, на что ему ответили, что в Москве этого не боятся. Вопрос о безопасности Ленинграда был вынесен за рамки переговоров, а условия названы минимальными требованиями. Таким образом, сказал Таннер, путь в Москву открыт, но русские подозревают, что мы одновременно движемся по двум направлениям и стремимся получить передышку.

Таннер открыто сообщил послам Англии и Франции в Швеции, что мы ожидаем ответ из Москвы и попросил их набраться терпения. Ему ответили, что помощь западных держав не зависит от нескольких дней.

Таннер считал, что мы ничего не потеряем, если сейчас отправим делегацию в Москву. Если потребуется, то западные державы и позже будут нашей опорой, поскольку их стремление заключается в открытии нового фронта. Путь, предложенный западными державами, столь же опасен, как и прежде. На этом пути нас может ждать участь Польши. Он предложил отправить делегацию в Москву, по возможности, ещё в тот же день.

Пеккала поддержал мнение министра иностранных дел.

Ниукканен: «Надо действовать быстро, чтобы понять, можно получить приемлемые условия или нет». Он полагал, что нам в конечном итоге, придётся обратиться за помощью к западным державам. Их предложение помощи улучшило ситуацию. По-прежнему считал, что граница должна пройти южнее Выборга и восточнее Сортавалы.

Котилайнен и фон Фиандт поддержали предложение министра иностранных дел.

Премьер-министр сообщил о разговоре с послами западных держав. Английский посол сказал, что правительство Англии хорошо понимает позицию правительства Финляндии и не будет чинить препоны мирным устремлениям. Рюти одобрил предложение министра иностранных дел относительно немедленной отправки делегации.

Ханнула: «Я категорически не могу принять предложение русских в качестве основы для переговоров. Предлагаю немедленно просить помощи западных держав».

Хейккинен одобрил предложение об отправке делегации в Москву, а также об обращении к западным державам, если не удастся получить приемлемые условия.

Я сказал, что нам не остаётся ничего другого, как принять предложение Таннера. Вместе с тем мы должны понимать, какие обязательства принимаем на себя. В число требований входит Выборг, которым мы связали себе руки, хотя и можем попытаться его спасти. Можно попробовать следовать точке зрения Ниукканена, но если русские не уступят, мы ничего не сможем с этим поделать. Конечно, на переговорах появится много новых вопросов, на основе которых при желании можно прервать переговоры.

Многие члены правительства объявили о поддержке предложения Таннера.

– Президент Республики: По поводу заявлений министра Паасикиви и министра иностранных дел хочу заметить, что я вовсе не вижу дело так, будто граница Петра Великого уже безусловно оговорена. Ведь условия являются исходным пунктом для переговоров, да и мы не обязаны соглашаться со всем, что предложат. Мне кажется неприличным, что великая держава требует у малого государства территории, которые она ещё не в силах завоевать.

Поговорив о составе делегации, вопрос решили отложить на следующее заседание правительства, которое должно было пройти в 3 часа пополудни того же дня. На нём в состав делегации назначили премьер-министра Рюти, меня, генерала Вальдена и депутата парламента профессора Войонмаа.

Документы французского генштаба, попавшие в 1940 г. в руки к немцам, уже в наше время пролили свет на планируемую западными державами политику помощи Финляндии, её причины и цели. В одном французском документе, составленном в начале января 1940 года, высказывалась оценка, что финско-русская война приведёт к краху ведомства путей сообщения России и в значительной мере

усилит дезорганизацию советской экономики, что воспрепятствует Германии в получении из России сырья и, прежде всего, топлива. Угроза балканским странам со стороны России исчезнет вследствие поражений на севере. Помощь Финляндии со стороны Франции, Англии и Соединённых Штатов укрепит позицию скандинавских стран по отношению к Германии и позволит Швеции и Норвегии влиться в антигерманский фронт, в результате чего указанная страна утратит импорт, столь необходимый для военной промышленности и снабжения населения. «Поэтому важно оказать Финляндии любую возможную помощь. С точки зрения интересов союзных держав, финский фронт означает то же самое, что и Македонский фронт в 1914–1918 гг.». В другом документе, датированном второй половиной февраля 1940 года, говорится: «Нельзя забывать нашу главную цель – воспрепятствовать получению Германией руды. Каждая попытка союзных держав в Скандинавии [...] только тогда оправдана, когда она содействует достижению этой цели» (Публикации министерства иностранных дел Германии за 1939–41 гг. № 6: Die Geheimakten des französischen Generalstabes, документы № 17, 18, 21, 23, 29, 30).

То, что у западных держав были свои военные цели, мы в правительстве, конечно, понимали. Политику всех великих держав направляет одно и то же, по моему мнению: ограниченный и близорукий эгоизм. Ни одна великая держава не лучше другой. Бисмарк однажды сказал: «Единственная здоровая основа великой державы – и в этом она отличается от малого государства – государственный эгоизм, а не романтика». В политике великие державы не поднялись на тот более высокий уровень, где следование высшим идеям было бы понято как содействие своим более узким интересам. «Почему собственный, правильно понятый интерес государства, действуя вместе с этическими мотивами, не может заставить государство [...] придерживаться права и морали?», – спрашивает один из новейших историков. Его ответ стар и примитивен: «потому что никто не доверяет другому» (*Meinecke Fr. Die Idee der Staatsräson. S. 19*). Или как сказал Макиавелли в своем «Государе»: «Всякий, кто старается все время быть хорошим, неизбежно в конце концов окажется погребенным среди огромного множества тех, кто нехорош». Результаты этой волчьей политики у нас перед глазами. Что касается помощи Финляндии во время Зимней войны, любопытно вновь отметить их потребность попробовать

задрапировать свои эгоистические устремления какими-то красивыми аргументами».

К одному документу (№ 21), в котором упоминается информация посла Франции в Стокгольме о том, что Германия сообщила правительству Швеции о своём решении считать любую прямую помощь Финляндии поводом к войне, *casus belli*, был прикреплен комментарий министерства иностранных дел Германии, согласно которому это утверждение французского посла было лишено каких-либо оснований. Такого заявления никогда не поступало со стороны Германии.

В прошлые годы мне на ум неоднократно приходили судьба Дании в 1860-е годы, а также тогдашние отношения Швеции и Дании.

Правительство Дании принятием закона об общей форме правления стремилось еще прочнее привязать к своему государству Шлезвиг, который туда истари входил. Эта мера вряд ли гармонировала – по крайней мере, этого мнения придерживалась Германия, – с договором, который Дания и великие державы, а также Швеция подписали в 1852 году в Лондоне. В 1863 году Дания могла бы спасти своё положение путём выполнения лондонских договорённостей. Сохранилось бы это положение с течением времени – другой вопрос. Бисмарк – этот настоящий «реальный политик», по мнению которого, всё дело было лишь «средненьким вопросом» – считал, что Дания своим поведением «бросила перчатку всему германскому», и что его целью, как он сам пишет в своих мемуарах, с самого начала было полное присоединение к Пруссии не только немецкого Гольштейна, но Шлезвига.

Англия и Россия призывали Данию согласиться, и король был готов уступить, но народное общественное мнение было настолько против, что он не нашёл министров, которые были бы готовы на основе этой программы отвечать за деятельность правительства. Датчане не считали вопрос серьёзным и не верили в возможность войны. Они полагались на вмешательство России и западных держав, Англии и Франции, а также на помощь Швеции, в отношении чего были проведены переговоры. Эти государства не могли не помочь – так, во всяком случае, думали – поскольку они не могли допустить

такую чудовищную несправедливость, как и существенное уменьшение территории датского королевства, не говоря уже о его полном уничтожении. Только когда были проиграны первые сражения и немецкие войска вторглись в Ютландию, народ Дании понял, что наступила суровая действительность. После того, как Дания потерпела кровавое поражение под Дюббёлем, усилиями великих держав на конференции в Лондоне попытались восстановить мир, а Пруссия выступила с предложением о посредничестве в вопросе личной унии между Шлезвиг-Гольштейном и Данией. Датчане отказались вести переговоры на этой основе, хотя император Франции Наполеон III настоятельно рекомендовал это сделать. Король пошёл бы на это, но общественное мнение было категорически против. Датские правители оказались на удивление близоруки. Ещё в середине июня – война началась в январе, сражение под Дюббёлем состоялось 18 апреля 1864 года – один член правительства Дании сказал французскому послу: «Я не вижу будущее столь же угрожающим, как Вы; мы не потеряем Шлезвиг, что бы ни случилось» (E. Brandenburg, *Die Reichsgründung II*, S. 105)⁷³. Когда Пруссия захватила всю Ютландию, Дания, увидев, что ей неоткуда получить помощь, начала переговоры с немцами и сообщила о своём согласии с предложением о личной унии, которое Пруссия предлагала на лондонской конференции. Но было уже слишком поздно. Дании пришлось уступить оба герцогства.

Швейцарский историк Эдмон Россье говорит, что датская война 1864 года показала, «сколь поразительно легко было в Европе, границы которой считали весьма устоявшимися, расчленить старую монархию, которая заплатила дорогую цену за свою веру в договоры и за неспособность своевременно пойти на необходимые уступки» (*Histoire politique de l'Europe 1815-1919*, p. 139)⁷⁴.

Официальная политика Швеции во время датско-прусского конфликта получила такое определение: максимально выгодное решение для Дании, но без угрозы для Швеции понести из-за этого опасные жертвы. Дипломатическими средствами Швеция хотела сделать всё, чего только можно было достигнуть. (*Sveriges historia till*

---

⁷³ *Brandenburg E. Die Reichsgründung. 2 Bde. Quelle & Meyer, Leipzig 1916/1923*
[Бранденбург Э. Основание империи].

⁷⁴ *Rossier E. Histoire politique de l'Europe 1815-1919. Paris: Payot, 1931.* [Политическая история Европы]

våra dagar, XII, 1922. *Hallendorf Carl*. Oscar I och Karl XV. S. 314–315)⁷⁵. Аналогичной была политика Швеции во время нашей Зимней войны и до неё. Разница, всё же, заключалась в том, что действия министра иностранных дел Швеции Мандерстрёма, не говоря уж об усилиях короля Карла XV, дали датчанам повод полагать, что их дело воспринималось в Стокгольме практически как своё собственное, но осенью 1939 года со стороны официальной Швеции нам дали снова понять, что не следует ждать военной помощи. Вместе с тем, в действительности же Финляндия во время Зимней войны получила от неё больше материальной помощи, чем Дания в 1864 г.

Последовательная публичная политика нейтралитета Швеции стала оформляться только в начале 1870-х гг., когда на престол взошёл Оскар II, но фактически она давала о себе знать и раньше. Осенью 1863 года, при рассмотрении проекта ассигнований на укрепление обороны, министр иностранных дел Мандерстрём заявил: «В одиночку мы не можем и не будем способны её (Данию) оборонять, но мы надеемся, что Европа не допустит столь вопиющей несправедливости, более того, что возобладают разум и сдержанность». В тронной речи Карла XV на закрытии сессии риксдага была метко выражена позиция Швеции: «В межгосударственных переговорах я всегда буду стремиться положить слово объединённых держав на чашу весов справедливости. Пусть от нас не требуют положить на неё и наш меч, не подумав, можно ли вообще достичь цели теми средствами, которые есть в нашем распоряжении».

Как в Швеции, так и в Норвегии были сильны чувства симпатии по отношению к Дании. Борьба малого государства против великой державы навеивает уныние, но и будоражит умы. Газеты непрерывно приводили доказательства в пользу Дании, горячо приветствовали каждый знак успеха датчан, с энтузиазмом поддерживали сбор средств и добровольные попытки помощи датским братьям. Множество добровольцев отправилось через проливы на помощь Дании. Многие из них мужественно сражались в рядах датчан. Многие отдали свою жизнь в бою. Но вмешательства Швеции в войну

---

⁷⁵ *Hallendorf Carl*. Sveriges historia till våra dagar. D. 12, Oskar I och Karl XV. Stockholm: Norstedt. 1923 [История Швеции до наших дней].

требовало лишь малое меньшинство (Ibid., ss. 342-343). И это напоминает времена нашей Зимней войны.

Суть вопроса аналогично проявляется себя в схожих условиях.

XIV

Мирные переговоры. Московский мир

В тот же вечер, 6 марта, мы, члены делегации на мирных переговорах, отправились на машинах в Турку, откуда вылетели в Стокгольм. В качестве секретаря делегации нас сопровождал начальник отдела министерства иностранных дел Ньюкопп. В качестве переводчика и помощника в делегацию вошёл министр Хаккарайнен. На следующее утро из Стокгольма спецсамолётом мы вылетели в Москву. В аэропорту нас встречали заместитель наркома иностранных дел Лозовский, начальник протокольного отдела Барков, а также представитель шведского посольства. Народный комиссариат по иностранным делам разместил нас в просторном и удобном особняке, экспроприированном у какого-то царского предпринимателя и использовавшемся для подобных целей. Там прекрасно заботились о нашем комфорте. Первый же обед, как и все последующие, был вкусным и обильным. Что касается обращения с нами, то здесь нечего особо отметить.

Вечером Рюти и я посетили с приветственным визитом Молотова в его уже знакомом мне кремлёвском кабинете. О делах не говорили.

Уже второй раз я оказался на переговорах в Кремле в весьма печальных и невыносимых условиях. Несколькими днями ранее, 4 марта, враг преодолел Выборгский залив и в следующие дни смог расширить плацдарм на северо-западном берегу залива. Вечером в день прибытия мы получили шифрованную телеграмму, в которой сообщалось об ухудшении военного положения и переброске через залив новых войск противника. «Надо действовать быстро». Как мы узнали позже, противник вышел на территорию двух мысов, расположенных в западной части залива. В наступление было

брошено большое количество войск, артиллерии, пехоты и танков. Противник продвинулся на восточной окраине Выборга у местечка Тали. Что означал для хода войны выход вражеских войск к западной части Выборга, было понятно и несведущему в военном деле человеку. Положение было крайне серьёзным.

По официальным данным военного командования, 9 марта положение армии было таково, что продолжение боевых действий не могло привести ни к чему иному, как к постоянному ухудшению ситуации и сдаче новых территорий. Живая сила понесла и продолжала нести потери. Боевой состав батальонов существенно сократился. Потери были огромны. Из-за физической и моральной нагрузки боевая мощь оставшихся войск была иной, чем в начале войны. Большие потери среди офицерского состава снижали боевую ценность сократившихся подразделений. На самых критических участках фронта ощущалась нехватка автоматического и противотанкового оружия. Прочность нашей обороны угрожающе ослабла. Из-за малочисленности и моральной усталости прибрежной группировки, действовавшей к западу от Выборга, было трудно ожидать от неё успешных действий. По мнению одного из командиров корпуса, действовавшего на Карельском перешейке, фронт на его участке мог продержаться неделю, но не более. Командир другого корпуса считал, что всё висит на волоске.

Обо всём этом из соображений предосторожности нам телеграфировали 9 марта кодовыми словами: «Ставка направила о сложившейся ситуации письменный рапорт, который не обнадеживает с точки зрения возможностей продолжения». 11 марта мы получили дополнительную телеграмму: «Положение на фронте очень серьёзно. Продолжение военных действий ведёт к дальнейшему ухудшению ситуации. Сдача Выборга вопрос нескольких дней. Нельзя гарантировать успешную оборону в течение месяца, а предложенная помощь может поступить только через пять недель с условием, что будет получено разрешение на проход войск. Если это не получится, то встанет вопрос о более жёстких условиях и потере большей территории».

Последняя телеграмма пришла нам, когда уже состоялся второй раунд переговоров. Но и скрытые слова предыдущей телеграммы давали нам достаточную картину сложившегося положения. В нас

укрепилось представление о неизбежном ходе войны: вопрос стоял ни о чём другом, как о том непродолжительном времени, в течение которого мы проиграем войну. Из телеграммы следовало, что это время могло быть очень коротким. Вторая телеграмма, касавшаяся сложившейся ситуации, укрепила наше убеждение: Мы не сможем выдержать столько, сколько необходимо в самом лучшем случае, чтобы успела подойти помощь.

Первый раунд переговоров состоялся 8 марта в 19 часов в Кремле в рабочем кабинете Молотова. Со стороны русских присутствовали, помимо Молотова, член Президиума Верховного, руководитель Ленинградской партийной организации Жданов и комбриг Василевский.

Для нас было разочарованием отсутствие Сталина. Жданов не пользовался репутацией большого друга Финляндии. Недружелюбное отношение к Финляндии сквозило в его высказываниях. Состав советской делегации не предвещал нам ничего хорошего.

В начале заседания Молотов спросил, приняли ли мы условия, переданные нам через шведского посланника.

Рюти подтвердил, что они нам известны. Затем он зачитал подготовленное нами заявление, в котором сообщалось, что правительство Финляндии считало возможным принять предложение Советского Союза в качестве основы для переговоров и одобрить его в принципе. Мы искренне стремимся к миру и установлению между нашими странами хороших отношений, в условиях и под эгидой которых могли бы успешно и постоянно развиваться товарооборот и иное взаимное экономическое взаимодействие. Однако мы не можем не заявить, что, с точки зрения этого важного для нас устремления, переданные нам условия мира представляются исключительно жёсткими. История всегда отдавала наибольшее признание тем государственным деятелям, кто умел использовать свою власть и доминирующее положение дальновидно и умеренно, что помогало быстро залечивать раны и создавать к счастью народов стабильное положение, прочной основой которого является признаваемая всеми справедливость. Напротив, насильственный мир нередко становится

поводом для постоянной неуверенности, беспорядков и несчастий. Советскому Союзу ни при каких условиях не следует опасаться агрессии со стороны Финляндии. Но мы понимали, что Советский Союз, как великая держава, активно участвующая в мировой политике, в силу своего положения и интересов собственной безопасности, считал необходимым принимать во внимание и осуществлять некоторые военные цели. Мы, со своей стороны, также хорошо понимали и то, что поскольку великий Советский Союз всегда был и будет соседом Финляндии, хорошие отношения между Финляндией и Советским Союзом являются целью, к достижению которой нам надо стремиться из всех сил. По нашему разумению, интересам и пользе Советского Союза отвечает то, что у него здесь есть сосед, который может быть доволен своим существованием и находится с ним в политических и экономических отношениях. Но условия, предложенные Советским Союзом Финляндии, представляются нам излишне жёсткими, способными оставить в сердце народа Финляндии глубокую рану, а также в максимальной степени негативно повлиять на экономику Финляндии. Мы не могли понять, что все они столь необходимы для удовлетворения военных потребностей Советского Союза. Поэтому мы надеялись и предполагали, что советская сторона благосклонно и беспристрастно примет во внимание те аспекты, которые мы намерены изложить. Надо попробовать в атмосфере доброй воли и согласия найти такое решение, которое в достаточной степени удовлетворит военные потребности Советского Союза, но вместе с тем будет способствовать достижению результата, удовлетворительного с точки зрения жизненно важных интересов народа Финляндии и финляндского государства, а также заложит предпосылки для установления постоянных хороших отношений между Финляндией и Советским Союзом, не оставляя в душе нашего народа излишнего чувства глубокой горечи.

На эти, по моему мнению, вполне разумные и правильные слова и мысли Молотов ответил так, что в ответе не ощущалось понимания позиции другой стороны. В его защиту могу сказать, что, по свидетельствам истории, именно так практически всегда думала и поступала после войны всякая великая держава-победитель.

Молотов заявил*, что Советский Союз не хотел войны. Прошлой осенью он неделями вёл переговоры с финнами. Он надеялся, что Финляндия поймёт необходимость условий русских, необходимых для обороны Советского Союза и Ленинграда. «Прошлой осенью мы были терпеливы с вами, пытаясь прийти к соглашению. Но из переговоров ничего не вышло. Это было знаком враждебности Финляндии по отношению к Советскому Союзу, и враждебность была большей, чем мы могли подумать». Финляндия начала военные приготовления, собираясь по совместной договорённости предоставить свою территорию для агрессии против Советского Союза. Сейчас вопрос безопасности Ленинграда приобрёл ещё большее значение. На Карельском перешейке уже недостаточно прежних договорённостей, стоит вопрос о безопасности Мурманской железной дороги и самого Мурманска. Советский Союз требует, чтобы Финляндия признала в полном объёме их предложения или же война будет продолжена. «Наше доверие было обмануто». Финляндия пожелала отдать свою территорию другим странам под плацдарм для агрессии. Она также принимала участие в планах захвата Ленинграда. По экономическим вопросам можно поговорить отдельно. Затем Молотов перечислил требования Советского Союза, которые сводились к следующему: 1) полуостров Ханко и порт Лаппохья, а также прилегающие к ним острова; 2) вся территория к югу от линии, которая начиналась между церковью Виролахти и Паатио и проходила в направлении Вайниккала - Нуйямаа - Энсо - Койтсанлахти - Уукунниemi - Вяртсиля - Корписелкя - Лахнаярви. Линия была практически прямой, без изгибов, напоминая в общих чертах границу Петра Великого⁷⁶; 3) в связи с близостью Мурманской железной дороги восточная часть Куусамо и к югу от Салла по линии: изгиб границы у реки Вирмайоки - озеро Йоукамоярви - западная оконечность озера Паанаярви - к северо-западу от Саллы и вплоть до государственной границы к юго-востоку от сопки Нуортунтури; 4) оба мыса полуострова Рыбачий. Остальная часть Петсамо (Печенги) будет возвращена, - сказал он.

---

* Запись переговоров вели начальник отдела Ньюкопш и министр Хаккарайнен. К сожалению, записи первого и начала второго раунда переговоров исчезли. Ниже я опираюсь на них и мои собственные записи.

⁷⁶ Имеется в виду граница между Россией и Швецией, установленная в 1721 г. по Ништадскому миру.

Молотов также выдвинул требование о праве на проход от границы России до Кемиярви, а также далее до Торнио и Швеции. Для этого мы должны были построить железную дорогу Салла-Кемиярви. Вместе с тем они ни словом не упоминали договор о взаимной помощи, от которого русские, следовательно, отказались. Кроме этого, Молотов сказал, что они не собирались вмешиваться во внутреннюю и внешнюю политику Финляндии.

Поскольку требования Советского Союза были расплывчатыми и частично превышали то, что мы смогли узнать ранее, по этому вопросу возникла широкая дискуссия, которая временами приобретала весьма грустную тональность.

Мы решительно отвергли обвинения в якобы имевшейся в Финляндии враждебности по отношению к Советскому Союзу, а также в том, что Финляндия вместе с другими государствами планировала захват Ленинграда. Также мы отвергли утверждение, что иностранные державы способствовали развязыванию войны и влияли на наше военное ведомство. Рюти подчеркнул, что все оборонительные сооружения построены с использованием собственной рабочей силы и на свои средства. Иностранная помощь сжалась до двух шведских усиленных добровольческих батальонов.

Опираясь на то, что нам было сообщено о требованиях Советского Союза и на наше собственное понимание этих требований, мы старались по максимуму ограничить упомянутые территории.

– Молотов: Я самолично передал предложения шведскому посланнику Ассарссону, добавив на словах: примерно линия Петра Великого.

– Я: Предлагаемая вами линия искусственна. Она отделяет друг от друга территории, которые взаимосвязаны в экономическом и культурном плане. Совершенно ни к чему создавать подобные трудности. Кроме того, изложенные требования не являются необходимыми для обороны Советского Союза и Ленинграда. Почему мы не могли бы ограничить дискуссию обсуждением безопасности Ленинграда?

— Молотов: Мы недооценили враждебность Финляндии. Оказалось, что Финляндия, как оружие в руках других государств, много опаснее, чем мы ожидали. Это показала война. «Таймс» написала, что наступил момент для нападения на Советский Союз. Это было сказано бесстыдно открыто. Вы являетесь орудием этой политики. Газета «Le Temps» написала примерно то же самое.

— Рюти: Допустим, что англичане и французы хотят использовать нас в своих целях. Мы этого не знаем и не имеем к этому никакого отношения. Мы хотим заниматься только своими делами.

— Молотов: Вы не хотели осенью 1939 года найти взаимопонимание с нами. Это была не ваша собственная политика, а результат чужого влияния.

— Жданов: В финской печати не было никаких опровержений по поводу статей в «The Times» и «Le Temps», в которых говорилось, что настал час наступления на Советский Союз. В кругах финской военщины под влиянием правительства Финляндии царит антисоветский дух, общественное мнение Финляндии настраивают на войну. Финляндия проводит не самостоятельную политику, а линию «The Times» и «Le Temps».

— Рюти: В настоящее время идет война между Англией, Францией и Германией. Возможно, что существуют планы против Советского Союза, но мы не имеем к ним никакого отношения. Уже 1 декабря мы предложили переговоры для прояснения сути конфликта. Мы не хотим втягиваться в спор великих держав.

— Молотов: Вы много раз предлагали переговоры, но не нужно было доводить дело до войны. У войны своя логика. Что касается вашей самостоятельной политики, то она идёт один в один с политикой «The Times» и «Le Temps». Мы договорились с балтийскими странами, но не с вами. Возможно, что ваша политика самостоятельна. В любом случае она аналогична той, что публично рекомендуют «The Times» и «Le Temps».

— Рюти: Мы находимся в состоянии войны с Россией. Если Англия и Франция захотят, то они вполне могут, как Вы говорите, посчитать, что им будет выгодно, если война расширится и в неё окажется втянутой Россия. Но это – не наша беда. Мы всё время старались держаться вне войны.

– Я: Мы не несём ответственность за политику великих держав.

– Жданов: Я впервые слышу на официальном уровне, что Англия и Франция, если они хотят расширения войны, могут использовать Финляндию в качестве опорного пункта для нападения на Советский Союз. Во время конфликта интерес Англии и Франции к этому вопросу постоянно возрастал. Некоторые газеты, вроде упомянутых «The Times» и «Le Temps», начали считать Финляндию возможным союзником в этой войне. Нет никаких доказательств того, что Финляндия противодействовала бы военному вмешательству, нацеленному на Советский Союз. Финская печать ни разу, несмотря на многочисленные возможности, не выступила с разъяснениями, что она не хотела бы вмешиваться в агрессивные планы.

– Рюти: Предыдущее правительство Финляндии не хотело войны с Советским Союзом, оно желало лишь прийти к взаимопониманию с вами. Оно не поверило, что вы начнёте войну. Одной из мер нынешнего кабинета было узнать при посредничестве Швеции готово ли правительство Советского Союза продолжить переговоры, одновременно проинформировав, что у него были новые позитивные предложения. При посредничестве правительства Америки также предлагалось возобновление переговоров. В конце концов, министр иностранных дел Таннер в своём выступлении по радио где-то в середине декабря предложил новые переговоры. Мы хотим только мира. Пограничные укрепления возведены исключительно в целях обороны. Мы воевали бы против любого другого государства, которое напало бы на Финляндию независимо от того, идёт ли речь о Германии, Англии или Франции.

– Я: В ходе осенних переговоров мы неоднократно обращали внимание на то, что Финляндия, как и Швеция, придерживается политики безоговорочного нейтралитета в противоречиях между великими державами, и добавил, что если какое-либо государство попытается через нашу территорию напасть на Советский Союз, мы будем сражаться и за вас. Мы хотим оставаться в стороне от конфликта между великими державами, работать и развивать нашу культуру.

– Молотов: Я не хочу возвращаться к прежним переговорам. Таннер относился к ним отрицательно. Когда война начинается, её не так просто остановить, поскольку у войны своя логика. Таннер дал

ситуации дойти до стадии войны, и затем он начал говорить о новых предложениях. У нас не было изначально точных сведений о том, на что было готово согласиться правительство Финляндии. Наше поведение основывалось на опыте, полученном от вас. Ваша политика может быть самостоятельной, но она в точности соответствует той политике, которую поддерживают наиболее агрессивные круги Англии и Франции. Если вы и являетесь самостоятельными, то ваша политика та же, что проводят «The Times» и «Le Temps». Я хочу получить чёткий ответ: Принимаете ли вы мирные условия?

– Я: Вы ошибаетесь, полагая, что Таннер не хотел договора с вами. Надо учитывать, что у нас демократическая система, которая предполагает, что на обсуждение дел отводится достаточно времени. Каждый раз, когда мы возвращались в Москву в ходе осенних переговоров, мы шли на новые уступки. Если бы мы еще раз смогли приехать, то согласились бы на новые уступки.

– Жданов: Насколько я мог следить за финской печатью во время переговоров и в ходе военных действий, эта печать постоянно обращается именно к тем кругам Англии и Франции и ссылается на заявления именно тех английских и французских газет, которые не хотели мирного решения, а стремились к расширению войны.

– Рюти: Когда разразилась война, мы не могли сделать вам никаких предложений, поскольку вы не признавали правительство Финляндии и не хотели иметь с ним дело. Во-вторых, я обращаю внимание на то, что нашей печатью не управляют и не используют её из-за рубежа. Мы хотим мира. Было бы сумасшествием и самоубийством хотеть войны против великой державы. Этот конфликт вытекает из трагического недоразумения.

После того, как дискуссия ещё какое-то время шла в этом направлении, Молотов повторил: «Вы можете сейчас дать внятный ответ на наши требования?»

– Рюти: Мы могли бы дать ответ, если бы ваши требования были такими как те, что нам ранее сообщили, но сейчас подняты совершенно новые вопросы. Мы понимаем, что ваше предложение означает перенос границы вплоть до Сортавалы и передачу Карельского перешейка до самого Выборга. По Ханко мы можем дать

ответ. Хотели бы доказать, что Выборг намного важнее для нас экономически, чем для вас стратегически.

Молотов утверждал, что передал госпоже Коллонтай и министру Ассарссону все условия, добавим к этому: примерно линия Петра Великого. Озеро Куоляярви не упоминалось, но это не было столь важно. Они были готовы вернуть Петсамо, если получат Куоляярви.

Поговорив ещё некоторое время, мы сообщили, что сможем дать ответ, когда познакомимся с условиями Советского Союза.

Встреча длилась больше двух часов.

Как видно, русские выдвинули против нас серьёзные обвинения: в фанатичной злобе мы, якобы, были замешаны в одной интриге с иностранными государствами, Англией и Францией, планируя нападение на Советский Союз через территорию Финляндии. Да ещё и разрыв переговоров прошлой осенью произошёл под влиянием этих иностранных правительств. Финляндия следовала политике Англии и Франции, а не собственному курсу.

Слушая эти обвинения, мы спрашивали в изумлении: верили ли сами Молотов и Жданов тому, что говорили? Ведь не мы начали войну, а Советский Союз. Это отметила и Лига Наций. Но, по мнению русских, эта война, похоже, была войной Англии и Франции против Советской России, которую мы, якобы, специально развязали осенью 1939 года под влиянием западных держав, чтобы эти государства смогли напасть на Советскую Россию через территорию Финляндии. С нашей точки зрения, это была совершенно фантастическая и невозможная мысль. Дальнейшая дискуссия по этому вопросу, однако, могла только ухудшить создавшееся положение. На последнем заседании Молотов, выступая по поводу высказывания Рюти, смягчил свои обвинения, признав, что Финляндия не заключала прямого соглашения о нападении с западными державами, но политика финского правительства шла точно в таком же направлении, как и этих держав. Это было сказано весьма расплывчато. Финляндия не нападала. Напротив, Советский Союз напал на нас. О планах нападения Англии и Франции на Советский Союз и в дальнейшем не было ни тогда, ни позже никакой информации. Расплывчатые утверждения русских походили на обычные, взятые с потолка

предлоги великих держав. Советский Союз начал войну против Финляндии и, согласно современному кодексу международной морали, об этом никто даже не мог напомнить. Но великие державы ощущают некоторую потребность защитить свои насильственные поступки.

Обдумывая происшедшее задним числом, я пришёл к мысли, что, может, и здесь в подоплёке было закоренелое недоверие Кремля к западным державам – старое убеждение, что они только и ждут момент, чтобы уничтожить коммунистическую Советскую Россию. Действительно, путаные статьи западных газет вполне могли дать к этому какой-то повод, но в тех условиях – нападение произошло бы через территорию Скандинавии и Финляндии, вовлекло бы в войну Германию, против которой, собственно говоря, она и была нацелена – непрактичность, даже, я сказал бы, невозможность такой попытки была при трезвом рассуждении ясна, как день.

В первый день переговоров мы получили из Хельсинки телеграмму, в которой говорилось, что западные державы согласились на то, чтобы подписать договор о взаимной помощи не позднее 12 марта. Одновременно сообщалось, что посол Соединённых Штатов Штейнгард получил инструкцию передать Молотову, что если Советский Союз будет себя вести благородно по отношению к Финляндии, это произведёт хорошее впечатление. Далее в телеграмме говорилось, что в Соединённых Штатах начали жёстко критиковать продолжение пароходного сообщения с Советским Союзом. США как раз в то время вели переговоры с Советским Союзом о расширении торговых отношений, и финский вопрос мог повлиять на ход переговоров. Таким образом, Соединённые Штаты по-прежнему оказывали нам дипломатическую поддержку. Но поскольку за этим не стояло действительной угрозы применения силы, в Кремле это, как, впрочем, и раньше, не произвело особого эффекта.

На следующий день, 9 марта, мы в Москве, так и в Хельсинки, были погружены в напряжённую работу, вызывавшую нашу общую озабоченность. Дело в том, что со стороны западных держав были подготовлены более чёткие и осязаемые планы оказания помощи: обещали прислать 57 000 человек, из которых 15 000 были бы на месте уже через три недели, остальные в зависимости от пропускной способности железных дорог. При необходимости количество войск

могло быть увеличено. Если просьба о помощи не будет отправлена немедленно и будет заключён плохой мир с коварным врагом, то союзные государства не смогут взять на себя ответственность по возвращению утраченной территории Финляндии на переговорах по итогам войны. В Хельсинки возникла мысль безотлагательно отправить западным державам просьбу о помощи в надежде на то, что это заставит Советский Союз смягчить свои требования. Однако, в отношении подобной двойной игры возникли серьёзные сомнения, поскольку это, не исключено, могло привести к разрыву переговоров, после чего вторжения уже невозможно было бы избежать. «Время поджигает», – говорилось в полученной нами телеграмме, – «попытайтесь как можно скорее прояснить направление развития событий». В тот же день мы ответили, что постараемся незамедлительно добиться полной ясности относительно того, на что согласно советское правительство. «Если условия не удовлетворят и если посчитают, что фронт и тыл выдержат более длительную войну, то тогда можно прекратить переговоры и перейти ко второму варианту. Штейнгардт рекомендует заключить мир», – так мы телеграфировали в Хельсинки.

В течение всего дня мы изучали требования Советского Союза. На основе этого был подготовлен письменный ответ на условия, переданные Молотовым. Мы обдумывали, в каком месте можно было бы надеяться добиться их смягчения, и, особенно, чем они отличались от полученных нами ранее.

Вторая встреча делегаций состоялась 10 марта в 14 часов в Кремле.

Сначала Рюти представил составленный нами меморандум, который я зачитал на русском языке. В нём говорилось, что правительство Финляндии считает возможным принять в качестве основы для переговоров и в принципе одобрить условия, переданные советским правительством 23 февраля. Обдумав требования Советского Союза на основе изучения полученной нами карты, а также устных сведений, мы хотели бы заметить, что: 1) в условиях, переданных нам 23.02., говорилось об «аренде полуострова Ханко». Поскольку уже осенью 1939 г. границы и размеры арендуемой территории были точно определены, правительство Финляндии считало, что это означает аренду упомянутой территории, поскольку

в тексте не содержалось намёка ни на что иное. Но сейчас территория, в отношении которой высказано требование, увеличилась в размерах по сравнению с той, о которой шла речь. Кроме того, к ней отнесены и прилежащие к полуострову Ханко важные острова. Поэтому мы констатировали, что делегация Советского Союза пошла дальше того, на обсуждение чего правительство Финляндии имело полномочия. Только накануне мы узнали от шведского посланника, что, по сообщению Молотова, требование в отношении полуострова Ханко включает в себя и близлежащие острова. Об этом требовании у правительства Финляндии не было никакой информации и оно до настоящего времени не имело возможности определить свою позицию по этому вопросу.

2) в требованиях, переданных ранее правительству Финляндии, отмечено, что Финляндия должна уступить Карельский перешеек, включая Выборг, и северный берег Ладожского озера, включая Сортавалу, помимо чего содержится ссылка на линию Петра Великого. Поскольку Карельский перешеек с Выборгом является точно определённым географическим понятием и поскольку северный берег Ладожского озера с городом Сортавала также представляет собой точно определённую территорию, за исключением её северной границы, которая еще не определена, мы не могли прийти к иному решению, как к тому, что указание на линию Петра Великого означало северную границу этой территории. Насколько мы знаем, никогда ранее не было даже намёка на передачу Выборгского залива. Таким образом, мы вынуждены констатировать, что в этой части требования Советского Союза идут много дальше, чем то предложение, которое правительство Финляндии получило в качестве основы для переговоров, и которое оно в принципе одобрило. Что касается требования передачи Выборгского залива, то мы слышали об этом только вчера от шведского посланника.

3) в предложениях, переданных Советским Союзом правительству Финляндии, отдельно сказано, что Советский Союз отведёт свои войска со всех других занятых им территорий. Сейчас же советская делегация требует передать обширную территорию в коммунах Куоляярви и Куусамо, а также всю финскую часть полуострова Рыбачий. Таким образом, и в этом отношении советской стороной значительно расширены переданные нам требования.

Рюти повторил, что мы хотели мира и возможности оставаться вне европейской войны, и что именно поэтому мы стремимся к окончанию войны между Финляндией и Советским Союзом. Поэтому мы готовы хоть сегодня подписать мирный договор на основе переданных нам условий. Мы готовы передать полуостров Ханко в тех размерах, как того требовал Советский Союз на переговорах осенью 1939 года. Мы готовы уступить Карельский перешеек вместе с Выборгом. Сам город Выборг не имеет для Советского Союза военного значения. Но для Финляндии Выборг имеет неоценимое историческое, культурное и экономическое значение. Сайменский канал недалеко от Выборга выходит на Балтийское море. Поэтому мы предлагаем вывести Выборг за рамки уступаемых территорий. На севере от Ладожского озера мы предлагаем провести границу несколько иначе, чем отмечено на переданной нам карте.

Мы готовы принять все изложенные нам требования. Мы информировали наше правительство о новых требованиях Советского Союза, но ещё не получили ответ.

Молотов заявил, что зачитанный нами меморандум не является достоверным. В отношении Ханко Советский Союз больше не признавал предложения осени 1939 года. Сейчас требования возросли. И министру Ассарссону, и госпоже Коллонтай сообщено, что на мирных переговорах больше не признаются условия 1939 года. Он также не принял пункт 2) нашего меморандума. Линия Петра Великого касалась очертаний всей новой границы, а не только её восточной части. В отношении пункта 3) Молотов сказал, что безопасность Мурманской железной дороги требует переноса границы в районе Куоляярви. Если мы не примем условия Советского Союза, то переговоры не смогут продолжиться. Условия надо принять безотлагательно. Советский Союз не боится, даже если Финляндия будет вовлечена в мировую войну. Ссылка на это только подтверждала предыдущие утверждения Советского Союза. Молотов сослался на договор, подписанный с Народным правительством Финляндии. Если переговоры затянутся на несколько дней, то дело примет иной оборот. Молотов также говорил о транзитном движении до Кемиярви и оттуда до Торнио, а также о железной дороге от советской границы до Кемиярви, которую должна была построить Финляндия. Советский Союз был готов при необходимости помочь нам в строительстве этой дороги, чтобы она была построена в срок.

Он добавил, что у Советского Союза не было никаких политических требований, но что его интересы касались исключительно безопасности Ленинграда и охраны Мурманской дороги. Никакой компенсации Советский Союз выплачивать не будет, включая и частных лиц, не сделает и ничего такого, о чём шла речь осенью 1939 года. Финское государство должно было решить этот вопрос со своими гражданами, потому что, как сказал Молотов, сейчас действовали законы войны.

– Я: Пётр Великий в 1721 году при заключении Ништадтского мира выплатил Швеции большую компенсацию.

– Молотов (шутливо): Напишите Петру Великому. Если он прикажет, мы выплатим компенсацию.

В ходе дальнейшей дискуссии Молотов многократно повторял, что переговоры будут прерваны, если мы не примем их условия. После двух часов переговоров мы обещали дать окончательный ответ сразу по получении ответа от правительства.

После заседания нам пришла телеграмма из Хельсинки. В ней, помимо информации об обещаниях помощи западных держав и рапорта Ставки о военном положении, сообщалось, что правительство рассмотрело условия Советского Союза, а также приводились те же самые аргументы, которые мы представили на переговорах. Далее говорилось: «Поскольку трудно продолжать войну даже с помощью обещанной помощи, а коммуникация очень медленная, вам передаются все полномочия по принятию решения, если вы будете единодушны. Перемирие необходимо немедленно». К этому было дополнение: «Нашу телеграмму надо понимать таким образом, что у вас также есть полномочия принять новые условия, если ситуация не изменится». Одновременно до нас довели сообщение английского правительства, согласно которому Англия не будет возражать, если мы придём к согласию с Россией. Если договор не будет подписан, то обращение о помощи должно быть направлено не позднее 12 марта. Если обращение будет направлено, то Англия готова направить помощь, но её транспортировка зависит от позиции Норвегии и Швеции. Если они будут против или же окажут пассивное

сопротивление, то помощь станет невозможной, но Англия предпримет все меры для нажима на Швецию и Норвегию.

Хотя у нас было право на принятие решения, мы хотели с учётом важности вопроса получить решение правительства. Поэтому в телеграмме с изложением хода переговоров мы заявили: «Если, по мнению правительства, необходимо быстро прийти к миру и прекращению боевых действий, то единственная возможность – это принять переданные нам условия, по которым, с нашей точки зрения, мы не сможем добиться сколько-нибудь существенного смягчения. Ждём скорого ответа, потому что считаем более выгодным для нас просить о проведении переговоров на завтра, а не на послезавтра». На это мы получили ответ: «Сложившаяся ситуация вынуждает правительство принять требования. Условия – перемирие при сохранении статус-кво, чтобы мы успели освободить территории».

Для нас, находившихся в Москве, безусловная необходимость установления мира была очевидна. На основании предыдущей телеграммы у нас был для этого мандат правительства. После второго заседания мы обсуждали, имеет ли смысл запросить у правительства конкретную информацию, заключать ли мир на условиях русских. Наша телеграмма обсуждалась на заседании правительства 11 марта в 8 часов утра. Прочитав позже отчёт об этом заседании правительства, я был доволен тем, как мы поступили. Меня удивило, что еще тогда, когда был получен рапорт о военном положении, не оставлявший никакого места для благих пожеланий, также как информация о недостаточности и неэффективности помощи западных держав, со стороны президента и некоторых членов правительства возникали сомнения, стоит ли заключать мир на тяжёлых условиях. Я никогда не стремился избегать ответственности, но в этом случае для общего дела было лучше, чтобы правительство вместе с нами несло ответственность за принимаемое решение. Члены правительства Ниуканен и Ханнула по-прежнему были против, хотя у них, как и раньше, не было никаких других аргументов кроме «лучше сражаться, чем идти на условия русских».

Третий раунд переговоров прошёл 11 марта в 18 часов. Мы использовали наше время для основательных двусторонних переговоров.

Рюти объявил, что мы принимаем предложение Советского Союза по полуострову Ханко с условием, что будет подписан договор об аренде и что аренда будет соответствовать приемлемым ценам, а также что условия аренды будут соответствующими.

Молотов заявил, что Советский Союз готов арендовать Ханко на 30 лет, добавив, что когда советское правительство получило 23 февраля первую информацию о согласии правительства Финляндии на переговоры, то как госпоже Коллонтай, так и шведскому посланнику было сообщено, что требование включает весь полуостров Ханко и находящиеся рядом острова. «Как Вы можете утверждать, что не знали требования по Ханко? В этом отношении не может быть никакой неясности», – сказал Молотов.

–Рюти: Нам сообщили об “уступке, касающейся Ханко”, вследствие чего мы предположили, что речь идёт о предложении советского правительства по Ханко, озвученном на переговорах прошлой осенью. Здесь произошло недоразумение.

Что касается границы Петра Великого, – продолжал Рюти,– мы готовы в общих чертах принять предложения Советского Союза. Надеемся, что граница, проведённая с учётом военных интересов, пройдёт таким образом, что она не создаст нам излишние экономические проблемы, если разделит территории, органично связанные друг с другом. В этой связи мы хотели бы внести некоторые изменения. Мы попытались учесть военные интересы Советского Союза. Вам, соответственно, надо принять во внимание важные для нас экономические обстоятельства, чтобы нам не были созданы большие сложности, чем это необходимо».

Затем Рюти показал на карте, как мы видим границу в районе Энсо, заметив, что предложенная Советским Союзом граница разделит эту промышленную зону таким образом, что, например, места, где проживают работники завода, окажутся на территории Советского Союза. Коммуна Яаски с ее промышленными предприятиями и плотной жилой застройкой также окажутся на советской территории. То же самое касается сырьевых районов, важных для промышленности долины реки Вуокси. Эти районы стратегически ничтожны и находятся вдалеке от железной дороги

Выборг – Элисенваара. Для нас же эти районы, с экономической точки зрения, очень важны.

– «Надеемся, что Советский Союз может отказаться от этих требований».

– Молотов: Мы не хотим ни увеличивать, ни уменьшать наши требования. Мы не можем проводить границу ближе к железной дороге.

– Жданов: Совершенно невозможно.

– Рюти: Разве здесь границу нельзя скорректировать? Линия Петра Великого не была сплошной прямой.

– Молотов: Линия Петра Великого отклонялась то в ту, то в другую сторону. Мы попытались в общих чертах следовать ей, насколько это было возможно.

– Рюти: Если мы согласимся в каких-то местах дать вам больше, чем предполагается изначально, вы тогда могли бы отказаться от каких-то важных для нас территорий?

– Молотов: Что вы хотите поменять?

– Рюти указал на карте территорию у Энсо и Яаски⁷⁷ в промышленной зоне Вяртсиля.

– Молотов: Сомневаюсь, что мы сможем согласиться, но мы изучим этот вопрос. Почему эти территории столь важны для вас?

– Рюти: Это важные промышленные зоны. Яаски, кроме того, район с плотной жилой застройкой, отделение которого нанесло бы большой вред.

– Вальден: Согласно вашему предложению, граница разделит Сайменский канал на две части.

– Молотов: С этим ничего нельзя поделать.

– Вальден: А Яаски? Может, вы боитесь, что мы построим там укрепления?

---

⁷⁷ Яаски – с 1948 г. шт. Лесогорский.

– Молотов: Стройте сколько угодно укреплений. В этом отношении мы ничего не просим. Но 10-12 км от железной дороги – слишком малое расстояние. Чего ещё вы хотите?

– Рюти: Мы хотели бы иметь Сайменский канал в виде коридора, а также место разгрузки и погрузки в Уурасе⁷⁸.

– Молотов: Чтобы получить повод для спора? У вас же есть порт Котка.

– Рюти: Большая часть лесных и других товаров Восточной Финляндии перевозится водным путём, и Сайменский канал органично входит в эту транспортную систему в качестве её конечного звена.

– Молотов: Если бы не было войны, то у нас не было бы таких неприятных вопросов. Опыт коридоров достаточно плох. Коридоры становятся вечным яблоком раздора.

– Рюти: Мы хотели бы получить узкую полосу земли по обеим сторонам канала для его охраны. Мы были бы готовы построить необходимые мосты через канал.

– Молотов: Сейчас второстепенные экономические вопросы отходят на второй план по сравнению с вопросами безопасности.

– Рюти: Для нас эти вопросы далеко не маленькие.

– Молотов: Относительно маленькие. Если хотите, найдёте другие пути. Перевозки могут идти через Котку.

– Я: И как это могло бы происходить на практике?

– Молотов: Я не достаточно знаком с этим вопросом, но уверен в том, что вы сами можете найти его решение.

– Я: Можем ли мы арендовать площадку для разгрузки и погрузки в Уурасе?

– Молотов: Невозможно. Это только приведет к новым спорам. Мы обдумаем другие ваши предложения. Однако, кажется невозможным провести границу предлагаемым вами способом в районе Энсо и Яаски. Если мы согласимся на ваше предложение, это будет означать, что граница пройдет в 8 километрах от железной

---

⁷⁸ Уурасе – с 1948 г. Высоцк.

дороги, что совершенно недостаточно. Военные считают 25 километров минимальным расстоянием для обеспечения безопасности, но мы согласились с тем, что граница пройдёт всего в 16 километрах от железнодорожной линии. Вопрос по Вяртсиля мы возьмём для изучения. Есть ли другие вопросы?

Рюти показал на карте наше новое предложение по границе в районе Саллы.

– Рюти: Согласно нашему предложению, удаление от границы до Мурманской железной дороги будет 110 километров. Ваше предложение по проведению границы на этом участке совершенно новое, к тому же мы не получили по этому вопросу предварительной информации. Вы даже во время войны не заняли этот участок.

– Молотов: Частично он занят до Мяркуярви. Кроме того, мы отведем наши войска из Печенги. Между прочим, линия Петра Великого проходила так (показывает на карте северную границу Финляндии, как она была установлена Столбовским миром), и в то время территория Финляндии на севере была меньше.

– Войонмаа: Это – не граница Петра Великого. Указанная Вами граница установлена Столбовским миром.

– Молотов: Сейчас вопрос стоит только о безопасности Мурманской железной дороги. Мы видели, как ваши войска стремились мешать движению поездов по этой дороге. Ни одна великая держава в нашем положении не выставила бы столь умеренные требования, как мы. Ни Англия, ни Франция, ни Германия, ни Соединённые Штаты не пошли бы на переговоры со страной размера Финляндии. Нас интересует безопасность железной дороги. У нас есть только один незамерзающий порт, Мурманск, у вас же второй – Печенга. Нам надо заботиться о том, чтобы выход в мировой океан был обеспечен. Ни одна великая держава не согласилась бы отвести свои войска с завоёванного незамерзающего порта. Невозможно согласиться с вашим предложением.

– Рюти: Мы ценим выше решение отвести войска из Петсамои. Наша территория там и так мала. Если вам так нужна эта территория, то не могли бы вы компенсировать её в другом месте?

– Молотов: До войны компенсация могла иметь место, но не сейчас.

– Рюти: Эти требования не входили в ваши первоначальные условия.

– Молотов: 23 февраля мы отдельно не упомянули это требование, но сказали, что можем вернуть Финляндии некоторые из занятых нами территорий. Мы не уточняли специально, какими будут эти территории. Мы не сказали: все занятые территории.

– Рюти: Я понимаю, но ведь эти территории находятся в нашем распоряжении.

– Молотов: Не хотите ли Вы, чтобы мы сначала взяли эти территории, а потом уже переговорили о них?

– Я: Вы требуете и другие территории, которые не захватили, например, Сортавалу. Требуемые вами территории ничего не значат для вас, но для нас они важны. Ваше согласие на наше встречное предложение произвело бы в Финляндии хорошее впечатление. Мы понимаем важность безопасности Мурманской железной дороги и интересы великой державы, но вам тоже надо понять, что и малые народы имеют право на существование. Мы хотим только жить в мире и заниматься своими делами.

– Молотов: Вчера Вы сказали, что можете втянуться в большую войну.

– Я: Каждый, кто оказывается втянутым в войну, принимает помощь оттуда, откуда её можно получить.

– Молотов: Безопасность Мурманской железной дороги делает для нас невозможным уменьшение наших требований.

– Рюти: Мы понимаем вопросы обеспечения безопасности, но удаление в 110 километров от этой трассы, которое соответствует нашему предложению, было бы совершенно достаточным. Нам сложно будет вернуться с переговоров домой, если вы не уступите ни по одному пункту.

– Молотов: Любая другая великая держава на нашем месте потребовала бы контрибуцию или всю Финляндию. Если мы продолжим войну, то нет никаких сомнений, что мы победим.

– Рюти: Мы понимаем, что потребности Советского Союза надо принимать во внимание, но если их можно удовлетворить, не причиняя ущерба Финляндии, можно также ожидать определённых уступок со стороны Советского Союза. Ведь Советский Союз всегда провозглашал, что считает право наций на самоопределение своим главным принципом.

– Молотов: Мы изложили наши минимальные условия. Более мелкие вопросы мы будем рассматривать в свете больших вопросов безопасности.

– Рюти: Мы хотим максимально быстро прояснить этот вопрос. Поскольку сейчас мы пришли к взаимопониманию по важнейшим вопросам, нет смысла продолжать войну.

– Молотов: Сначала надо подготовить договор, и только после этого можно остановить военные действия. Иначе переговоры могут легко зайти в тупик. Сначала лучше договориться и потом прекратить военные действия.

После этого обсуждались технические детали, касавшиеся подготовки договора. В завершение Молотов заявил: «Поскольку мы сейчас пришли к взаимопониманию, хочу выразить благодарность советского правительства правительству Швеции за его содействие восстановлению мира между двумя странами. Советское правительство высоко оценивает действия министра иностранных дел Гюнтера, министра Ассарссона и госпожи Коллонтай в этом деле. По мнению советского правительства, мир можно скоро восстановить».

– Рюти: В связи с посреднической деятельностью Швеции возникли некоторые недоразумения, вызывающие сожаление, которым мы, однако, не хотим уделять особого внимания. Поскольку договор уже практически готов, и мы готовы выразить нашу признательность правительству Швеции за его посредничество.

После заседания мы отправили своему правительству следующую телеграмму: «Они не пошли ни на какие уступки, условия надо было принимать. Вместе с тем, обещали до завтрашнего дня обсудить три более мелких уступки. Окончательное предложение

по договору получим завтра. Они не согласились на перемирие, военные действия завершатся с подписанием договора, что мы стараемся всячески ускорить».

Таким образом, вопрос был решён. На следующий день, 12 марта, мы получили телеграммой информацию о следующем заявлении английского правительства, с которым накануне на заседании парламента выступил премьер-министр Великобритании Чемберлен: «Как знает нижняя палата, правительства Франции и Великобритании постоянно направляли и направляют Финляндии материальную помощь. Она имеет огромное значение для вооружённых сил Финляндии. Как уже сообщали финскому правительству правительство Его Величества и правительство Франции, они готовы по просьбе правительства Финляндии совместно и безотлагательно оказать помощь Финляндии всеми имеющимися в их распоряжении средствами».

Такое заявление в пользу Финляндии, сделанное премьер-министром Великобритании от имени двух великих держав на заседании нижней палаты парламента, уже само по себе имело для нас большое моральное и идейное значение, какие бы собственные цели не связывали с этим западные великие державы. Оно показывало, что Финляндия поднялась из положения неприметности, являющейся долей молодых малых государств. К сожалению, реальная ситуация была такова, что ни Англия и Франция, так же как и Соединённые Штаты, не могли осуществить свои намерения по действительной и эффективной помощи Финляндии. Нам нужно было воспринимать реальность такой, какой она была. Ход событий нельзя было изменить.

Четвёртая встреча состоялась в Кремле 12 марта в 17 часов. Мы получили проект советской делегации по мирному договору и протоколу к нему только за час до заседания, сосредоточившись на изучении основных положений. Поэтому дискуссия на этой встрече свелась к обсуждению общих моментов, а окончательная дискуссия была перенесена на новую встречу, которая должна была состояться вечером того же дня.

Проект, подготовленный русскими, в общем и целом соответствовал окончательному мирному договору, за исключением третьей статьи, которая содержала лишь запрет на создание военных

союзов, направленных против другой договаривающейся стороны, и на вступление в такие коалиции, но в нём не упоминалось требование воздерживаться от нападения. Плата за аренду полуострова Ханко предлагалась в размере 5 миллионов финских марок в год. Далее говорилось, что финские войска должны быть выведены с территории Ханко в течение трёх дней, а железная дорога Салла-Кемиярви должна быть обязательно построена в течение 1940 года. И, наконец, обмен ратификационными грамотами должен был быть произведён в течение трёх дней с даты подписания договора. В проекте протокола предлагались слишком сжатые сроки отвода войск.

В начале заседания Рюти вновь предложил внести в проект изменения, которые мы ранее предлагали, поскольку, по нашему мнению, линию границы можно было в некоторых местах скорректировать, не нанося ущерба обороне Ленинграда, что, напротив, позволило бы избежать ущерба интересам Финляндии.

– Молотов: Правительство Советского Союза не согласилось на ваши предложения, и, следовательно, мы не можем внести в наши требования такие изменения, которые содержали бы уступки Финляндии. Напротив, я вынужден заметить, что в нашем государстве в широких, особенно очень широких военных кругах, господствует точка зрения, согласно которой и Печенгу не надо возвращать Финляндии. Хотя у нас никогда ничего не делается, что противоречило бы мнению народа, советское правительство, все же, готово оставить территорию Печенги, или Петсамо, Финляндии. Кроме того, мы уже 23 февраля передали наши минимальные требования, и сейчас не можем их смягчить. Переговоры длятся долго. Нехорошо поднимать новые вопросы или выдвигать новые предложения.

– Рюти: Предлагаю при определении границы не нарушать интересы населённых пунктов за исключением тех случаев, когда это крайне необходимо. Например, в Энсо ⁷⁹ планируемая граница пройдёт по территории больницы и пересечёт заводскую территорию.

---

⁷⁹ Энсо – с 1949 г. Светогорск.

– Молотов: Конечно, граница не должна быть абсурдной. Подобные вопросы может решить в рабочем порядке демаркационная комиссия.

– Рюти: Обмен ратификационными грамотами в течение трёх дней технически невозможен, поскольку в Финляндии ни в коем случае в столь короткие сроки не успеют осуществить эту процедуру.

– Молотов: Прошу предложить новую дату.

– Я: В Финляндии ратификация требует согласия парламента. После того, как вопрос будет вынесен на обсуждение парламента, договор ратифицирует Президент Республики.

– Рюти: Предлагаю во избежание ненужного кровопролития заключить перемирие незамедлительно, уже до ратификации мирного договора. По моему мнению, с началом мирных переговоров не нужно продолжать военные действия и кровопролитие.

– Молотов: Как мирный договор, так и перемирие вступят в силу одновременно. Мы не будем объявлять перемирие до подписания мирного договора.

Далее мы поинтересовались, каким будет положение гражданских служащих на территории полуострова Ханко, на что Молотов заявил, что Советский Союз готов выкупить у Финляндии территорию Ханко, если на это согласится правительство Финляндии. Ведь в своё время даже такая огромная территория, как Аляска, была продана другому государству. Если территория Ханко будет передана в аренду Советскому Союзу, то управлять там будет советская военная администрация.

На это Рюти ответил, что положение Аляски было совсем другим, поскольку она находилась далеко от центра России. В Финляндии до получения независимости, например, в Выборге, размещались как финские, так и русские войска, что не мешало работе гражданских чиновников и местных властей.

Молотов сказал, что тогда ситуация была иной, поскольку Финляндия была Великим княжеством в составе России.

Я поинтересовался, каким будет положение гражданского населения в Ханко и как будут решены вопросы собственности.

– Молотов: На территории Ханко власть будет принадлежать военно-морским силам Советского Союза. Если возникнет ущерб гражданам Финляндии, то правительство Финляндии может позаботиться о компенсации.

– Рюти: Предложенная сумма в 5 миллионов марок совершенно недостаточна.

– Молотов: Война привела к такой ситуации. Ей соответствуют и наши требования. Предлагаю годовую аренду размером в 6 миллионов марок.

– Рюти: Аренда должна соответствовать нормальным ценам.

– Молотов: Положение было совершенно иным до войны. У войны свои законы. Сейчас я предлагаю 6 миллионов. Хочу лишь заметить в этой связи, что любая другая великая держава потребовала бы ещё и контрибуцию. Как я сказал, мы готовы купить территорию.

– Я: Каково взаимоотношение заключаемого сейчас мирного договора и Тартуского мирного договора? Останутся ли положения этого договора в силе, если они не будут сейчас изменены или отменены?

– Молотов: Нет, не останутся, так как новый договор заменяет собой Тартуский мирный договор, который вследствие войны прекратил своё существование. Если будут другие вопросы, то мы можем договориться о них позже.

Мы также заметили, что в связи с договором надо решить ряд гражданских вопросов, но Молотов ответил, что по этим вопросам можно поговорить позже.

– Рюти: Сколь большим будет гарнизон, размещение которого предполагается в Ханко?

– Молотов: Да там много и не поместится.

– Рюти: Можно ли предположить, что там, возможно, будут дислоцированы силы, которые предполагается применять против Финляндии.

– Молотов: Об этом не может идти и речи.

Я спросил, как предполагается решать вопросы, вытекающие из права оптации, то есть выбора гражданства населения, на что Молотов ответил, что они будут согласовываться отдельно.

Потом говорили об упомянутых в проекте протокола сроках, в течение которых должны быть отведены войска. Вальден предложил их продление.

Более подробное обсуждение этого вопроса перенесли на новое заседание, которое должно было состояться в тот же вечер в 22 часа.

Направили в Хельсинки следующую телеграмму: «В 5 часов пополудни новое заседание. Никаких уступок. Вечером подпишемся под договором. Договор вступит в силу и военные действия прекратятся 13.03.1940 в 12 часов, хотя сама ратификация состоится позже».

После того, как мы в перерыве между заседаниями изучили проект договора, вечером 12 марта в 22 часа началось пятое и последнее заседание.

Вальден сделал новое предложение относительно продления сроков отвода войск, с которым согласился Молотов.

Далее Вальден предложил решить вопрос обмена военнопленными. В этой связи Молотов сказал, что среди военнопленных есть и те, кто не являются гражданами Финляндии. Также надо обсудить вопрос о помиловании и отправке в Советский Союз некоторых лиц, арестованных в Финляндии, например, Антикайнена.

— Рюти: Вопросы помилования обсуждаются в Финляндии в порядке, предусмотренном законодательством. Они никак не связаны с обменом пленными. Надо посмотреть, что можно сделать.

Мирный договор стали рассматривать по пунктам. Мы предложили дополнить вторую статью словами о том, что лица, проживающие на территориях, переходящих Советскому Союзу, должны иметь право в течение года выбрать финское гражданство и переехать вместе со своим движимым имуществом на территорию Финляндии, а также сохранить свои права на недвижимое имущество, которое они оставят на передаваемых территориях.

По мнению Молотова, такие вопросы можно было принципиально обдумать и решить аналогично тому, как это только что было согласовано между Советским Союзом и Германией. Однако, он добавил, что ни частные лица, ни организации не могли обладать недвижимостью на территории Советского Союза.

Далее мы внесли предложение вставить в мирный договор пункты о возвращении архивов, находящихся на передаваемых территориях, о свободе вероисповедания и обеспечении языковых прав жителей, которые, возможно, там останутся. Молотов ответил, что жители этих территорий могут руководствоваться лишь тем, что устанавливает Конституция Советского Союза.

Третью статью мирного договора мы предложили дополнить указанием на то, что обе договаривающиеся стороны обязуются воздерживаться от всякого нападения одна на другую сторону, с чем Молотов согласился.

В отношении четвертой статьи, которая касалась аренды Ханко, мы отметили, что арендная плата в размере 5 миллионов марок слишком мала, предложив изменить её на 250 000 долларов золотом.

- Молотов: Можем повысить её до 6 миллионов марок.
- Я: А нельзя ли определить её в размере 200 000 долларов золотом?
- Молотов: Мы не можем платить больше 8 миллионов марок в год.

Здесь завязалась дискуссия. Рюти хотел сказать несколько слов по поводу того, что во время переговоров с советской стороны высказывались утверждения, что Финляндия, якобы, находится под влиянием великих держав, и они могут использовать Финляндию при планировании нападения на Советский Союз. В этой связи, сказал Рюти, я вынужден констатировать, что эти утверждения не соответствуют действительности. Известно, что у Финляндии могла быть возможность получить от некоторых великих держав военную помощь, но мы не хотели прибегать к этой возможности. Финляндии невозможно следить за всеми подробностями политики великих держав, но очевидно, что Финляндия не хочет участвовать в игре великих держав и не стремится вмешиваться в их войну.

— Молотов: Возможно, в Финляндии не планировалось и не заключалось прямое соглашение с великими державами, но политика финского правительства настолько аналогично и столь чётко шла в том же направлении, как и политика некоторых великих держав, что Финляндия находится на той же линии, как и эти державы. Мы со своей стороны не хотим от Финляндии ничего, ни её лесов, ни её земель, равно как её населения, но мы должны охранять Ленинград и дорогу на Мурманск, а также наш единственный океанский порт Мурманск.

Закрываемый сейчас договор не плох, – продолжал Молотов, – напротив, он соответствует интересам обеих договаривающихся сторон, если Финляндия не будет цепляться за союз с великими державами. Советский Союз не боится Финляндии, но великие державы могут использовать Финляндию как плацдарм для агрессии против нас. Я убеждён в том, что договор отвечает действительным интересам обеих наших стран, и полагаю, что на его основе отношения между двумя государствами станут в будущем абсолютно дружескими и что это мое убеждение не мираж, а реальное будущее. Именно потому, что сейчас в Европе бушует война великих держав, мы должны заботиться о безопасности Ленинграда, Мурманской железной дороги и самого Мурманска. Это – наша цель, но мы не хотим вмешиваться в большую войну, равно как и в дела других государств. Думаю, что наше поведение наилучшим образом отвечает интересам и наших соседей, больших и малых, но, прежде всего, именно малых.

— Рюти: Мы высоко оцениваем, что председатель, господин Молотов, сказал о том, как он видит будущее отношений между обеими странами.

Хочу для исправления возникшего недопонимания по поводу того, что здесь говорилось о желании правительства Финляндии вмешаться в большую войну, высказать утверждение, что Финляндия, напротив, вела себя таким образом, чтобы не допустить эскалации войны, и я полагаю, что Финляндия оказала Советскому Союзу большую услугу, не согласившись принять предлагаемую помощь.

Мы очень хорошо понимаем потребности обеспечения безопасности Ленинграда, оборону которого нельзя оставить войскам, находящимся в его пригородах, но сейчас к нам относятся столь

холодно, что от нас под предлогом защиты Ленинграда требуют и то, что вовсе не является необходимым для этого, но доставляет нам безграничный ущерб, особенно, когда у нас отбирают на Карельском перешейке Выборг и Сортавалу, а также много других важнейших населенных пунктов.

– Молотов: Если бы Финляндия осенью согласилась на наши предложения, то условия были бы весьма умеренными. Но война и пролитая кровь требуют большего. С этим ничего не поделаешь.

Затем продолжили обсуждение проекта договора. Время передачи Ханко, которое в проекте было определено в 3 дня, продлили до 10 дней.

По поводу статьи VII проекта договора мы сообщили, что железную дорогу от Саллы до Кемиярви не успеть построить к концу 1940 года. После продолжительной дискуссии договорились, что железная дорога будет построена «по возможности, в течение 1940 года»⁸⁰.

Далее мы предложили включить в договор пункт, в соответствии с которым торговым судам было бы предоставлено право свободной навигации в фарватерах Выборгского залива, а также в переходящей в распоряжение Советского Союза части Сайменского канала, и что Финляндия могла бы арендовать в Уурсе и на прилегающих островах участки, которые до настоящего времени использовались для разгрузки и погрузки.

Молотов сообщил, что они не готовы обсуждать эти вопросы.

Ещё мы предложили оставить за гражданами Финляндии право заниматься рыболовством в привычных местах акватории Финского залива, а также оставить в силе оговоренное в VI статье Тартуского договора право гражданам Финляндии и Советского Союза заниматься рыболовством в водах Северного Ледовитого океана. – Молотов не посчитал возможным принять эти вопросы для немедленного обсуждения, предложив обсудить их позже. Ту же

---

⁸⁰ В тексте соглашения записано иначе: «СССР и Финляндия признают необходимым построить, каждая на своей собственной территории, по возможности в течение 1940 года, железную дорогу, соединяющую Кандалакшу (Канталахти) с г. Кемиярви».

позицию он занял, когда мы предлагали решение некоторых других хозяйственных вопросов, прописанных в Тартуском мирном договоре. Мы сказали, что вернёмся к ним позже.

На наше предложение, касавшееся поведения в случае возможных пограничных конфликтов, Молотов сообщил, что, в принципе, готов осудить эти вопросы позже, но их нельзя включить в мирный договор.

В завершение мы предложили заменить указанный в проекте трехдневный срок обмена ратификационными грамотами на десятидневный, с чем Молотов согласился.

Переговоры закончились в 24 часа. Русскоязычный экземпляр договора, датированный 12 марта, поскольку встреча началась именно в этот день, был подписан в 2 часа в ночь на 13 марта.

После этого мы удалились из Кремля; Войонмаа и я составили экземпляр договора на финском языке. Эта работа закончилась между 5 и 6 часами утра. После того, как он был выверен и перепечатан набело – в наркомате по иностранным делам были специалисты по финскому языку – его подписали в Кремле в 12 часов.

Мы всячески пытались ускорить подготовку и подписание договора, чтобы завершить безнадежную борьбу, которая в последние дни была весьма кровавой.

Чуть ранее в тот же день мы получили мандат на подписание, который утром утвердило правительство при отказе двух членов – Ниукканена и Ханнулы.

В тот же день в 14 часов мы вылетели в Стокгольм, откуда продолжили путь в Турку и дальше в Хельсинки.

Наши усилия в Москве оказались напрасны. Переговоры, как показано выше, были бесплодными. Собственно говоря, это и не были настоящие переговоры, в которых принимаются во внимание обстоятельства и резоны каждой из сторон и в ходе которых пытаются, по возможности, путём компромисса прояснить вопросы, вызывающие разночтения, и, как у нас говорят «поставить церковь посреди села». Советская сторона не отошла от своих требований. Подписанный договор содержал то, что Кремль довёл до нас двумя

неделями ранее. Навязанный мир. Диктат. Лишь договор о взаимной помощи выпал из переговоров. От него отказался Кремль по собственной инициативе, и это было для нас важно. В этом нет никаких наших заслуг как переговорщиков. По вопросу границы мы не смогли добиться каких-либо изменений. Положение о ненападении, записанное в Третьей статье, было единственным, что было включено в текст по нашему предложению, однако его значение вряд ли было большим, чем предыдущего договора о ненападении, который не помешал Советскому Союзу начать войну против нас. Другие наши достижения были незначительны: повышение арендной платы за Ханко с 5 миллионов до 8, а также продление практически невозможных сроков ратификации на несколько дней. Вот, собственно, и всё. Результаты нашей поездки свелись к тому, что мы подписали продиктованный нам мирный договор. Это была тяжёлая обязанность. Но завершение безнадежной и кровавой войны, разрешение неизбежной ситуации, а также предотвращение будущих, ещё более ужасных бед придавало нам чувство облегчения. «Начало всякой мудрости – это признание фактов».

То, что однажды произошло в ходе исторического развития, не так просто стереть. Ништадтский мир 1721 г. и линия Петра Великого спустя два столетия отбросили свою тень на решение 1940 года. Московский мир стал новым фактом, который еще окажет своё воздействие на последующие события.

Первым содержанием мирного договора до народа Финляндии дошёл министр иностранных дел Таннер в выступлении по радио поздно вечером 13 марта. На следующий день правительство сделало своё заявление, а президент выступил с радиообращением. В тот же день верховный главнокомандующий маршал Маннергейм отдал армии последний приказ.

Удар, потрясший наш народ, и наша трагическая судьба наложили на эти сообщения печать печали и уныния. В них отмечались как суровый характер нашей борьбы, так и блестящий героизм армии. Превосходство было слишком велико. За исключением двух усиленных шведских батальонов, нам пришлось воевать в одиночку. Для такой борьбы наш народ был слишком мал. С благодарностью была отмечена материальная помощь, полученная от Швеции, а также западных держав. Какая-то нотка горечи сквозила в

словах Таннера, когда он затронул позицию наших соседей по поводу военной помощи: «Мы постоянно обращались за помощью. Наши соседи, скандинавские страны, куда в силу их географического положения было бы легко отправить войска на помощь нам, не посчитали возможным сделать это. [...] Многочисленные запросы и обращения не принесли результата. Ко всему прочему отрицательный ответ по этому вопросу был объявлен открыто, чем серьёзно повредили военному положению нашей страны». Проход войск, обещанных для помощи нам западными державами, был категорически запрещён правительствами Швеции и Норвегии, – продолжал Таннер. Разочарование, вызванное запретом прохода, пусть не столь явно, проявлялось в выступлении президента Каллио и приказе по войскам маршала Маннергейма. Принимая во внимание трагические события момента, можно понять горечь и разочарование, хотя следует признать, что военная помощь западных держав, даже если её попытались бы оказать, не могла привести к желательным для Финляндии результатам.

Мир, даже на самых жёстких условиях, все же, лучше, чем безнадёжная борьба. «Когда правительство Финляндии решило прекратить военные действия и заключить мир с правительством Советского Союза», говорилось в заявлении правительства, «это произошло при глубоком убеждении, что таким образом наш народ избежит ещё больших несчастий. [...] Совместными усилиями нашей героической, хорошо управляемой армии и всего нашего народа, а также кровавыми жертвами со стороны нашей молодёжи мы смогли, несмотря на сдачу территории, сохранить самое дорогое из всех ценностей, свободу, спасти нашу национальную честь и тем самым завоевать для себя право на спокойный созидательный труд. В судьбоносный час наш народ как один поднялся на защиту своего отечества. Наш народ, единый, как никогда ранее, должен и впредь идти своим путём. [...] История показывает, что наш народ ценой непоколебимой стойкости и ранее выходил из трудных испытаний».

Убедительно красив был приказ войскам главнокомандующего, маршала Маннергейма, который нельзя было читать без чувства гордости и душевного волнения. Он был пронизан глубоким патриотизмом, солдатским духом и, вместе с тем, человечностью.

«Между нашей страной и Советской Россией заключен суровый мир, передавший Советской России почти все поля боев, на которых вы проливали свою кровь во имя всего того, что для нас дорого и свято.

Солдаты! Я сражался на многих полях, но еще не видел таких солдат, которые могли бы сравниться с вами. Я горжусь вами так, как если бы вы были моими детьми. Одинаково горжусь я жертвами, которые принесли как выходец из бедного жилища, так и из богатого дома.[...]

Несмотря на всю храбрость и самопожертвование, правительство вынуждено было заключить мир на жестоких условиях, что, однако, легко объяснимо.

Наша армия была небольшой, её резервы и кадры были недостаточны. Мы не были готовы к войне с великой державой. В то время как наши мужественные солдаты защищали наши границы, нам приходилось с огромным напряжением добывать то, чего им не доставало. Мы должны были возводить оборонительные линии, которых не было. Мы должны были пытаться получить помощь, которая не пришла. Мы должны были добывать оружие и снаряжение в то время, когда все страны лихорадочно вооружались против бури, грохочущей над миром. Ваши героические дела вызвали восхищение во всем мире, но и после трех с половиной месяцев войны мы остаемся практически одни. За исключением двух усиленных батальонов с артиллерией и авиацией, мы не получили никакой иностранной помощи для наших фронтов, на которых наши люди вели борьбу днем и ночью, без возможности замены, и напрягая до предела свои физические и душевные силы, принимали на себя атаки все новых и новых соединений противника. [...]

Наша судьба сурова, так как мы вынуждены оставить чужой расе, имеющей иное мировоззрение и иные нравственные ценности, землю, которую мы столетиями возделывали трудом и потом. Но мы должны, расправив плечи, приняться за созидательную работу, возвести на оставшейся территории жилища для оставшихся без крова, обеспечить всех лучшими средствами к существованию, будучи, как и прежде, готовы защищать наше уменьшившееся Отечество с теми же самыми решимостью и силой, с какими мы защищали наше единое Отечество».

15 марта мирный договор обсуждали в парламенте. Премьер-министр Рюти выступил от имени правительства с заявлением, в котором сказал, что правительство считало своей главной целью восстановление мира, изложив наши стремления к этому. С началом противозаконной агрессии против нашей страны оказалось, что мы плохо подготовлены к войне. Мы верили в правоту нашего дела и в то, что Россия не начнёт столь противозаконную агрессию. В начале войны у нас не было ни от кого обещаний помощи или гарантий её получения. Никто не призывал нас и не советовал нам противостоять на переговорах требованиям Советского Союза. По мнению всего мира, в начале войны положение Финляндии было безнадёжным. Нам симпатизировали, но никакой эффективной помощи не было. Только гуманитарная и материальная помощь шла обильным потоком из Швеции и западных стран. Помощь войсками была незначительна, она шла преимущественно из Швеции. Рюти упомянул обещание помощи со стороны западных держав. Эта помощь была мала, она запоздала и могла, по всей вероятности, вовлечь нас в большую войну. Кроме того, получение помощи было сомнительным из-за отрицательной позиции Швеции и Норвегии. Поэтому наше правительство не могло считать эту помощь такой, которая позволила бы принять на себя все те риски, которые вызвало бы продолжение войны. Принимая во внимание наши ограниченные возможности, правительство после серьёзного обсуждения пришло к выводу, что, несмотря на тяжесть условий заключения мира, нам было нужно скорейшим образом освободиться от бремени войны.

После того как комиссия по иностранным делам единогласно рекомендовала утвердить мирный договор, вопрос был вынесен на единственное чтение состоявшегося в тот же день пленарного заседания, на котором мирный договор был одобрен 145 голосами при 3 против.

Известие об условиях мира пришлось тяжелым ударом по народу Финляндии. Общественное мнение считало суровыми и те условия, которые были предъявлены на переговорах осени 1939 года. Как уже отмечалось выше, в некоторых кругах их считали требованиями, согласие на которые означало бы отказ от свободы и независимости. Сейчас же мирные условия были много жёстче. Страна была расчленена, большая и важная часть её оторвана, создана искусственная граница. Такого мира народ Финляндии не

мог себе вообразить. Общественное мнение имело ошибочное представление о военном положении.

Мы сражались мужественно и достаточно успешно до первой половины февраля. Внезапно в середине февраля ход событий изменился. Поддержание духа народа предполагает в официальных сообщениях, я сказал бы, известную осторожность. Это – часть техники военного времени. По сравнению с тем, что делалось в пропагандистском плане в Советском Союзе, у нас были детские игры. Информационные бюллетени Ставки были достоверными, если их внимательно читать, имея карту перед глазами. Тогда было понятно, в какую сторону развиваются события на фронте. Но отступления и другие невыгодные для нас события в них подавались между прочим. Народ и общественное мнение формировали свою точку зрения преимущественно на основе того, что писали газеты. В той же, если не в большей мере, чем военные бюллетени, на общественное мнение влияли огромные заголовки, которыми газеты снабжали публикацию бюллетеней. Обычно читатель считал, что в них-то и содержится главное содержание бюллетеня.

Решающими событиями в те критические дни были отход на Карельском перешейке и наступление русских по льду Выборгского залива. Отход на Карельском перешейке неоднократно упоминался в информационных сообщениях Ставки, впервые на следующий день после вклинивания войск противника в оборону у Суммы, 14 февраля, когда было сообщено, что врагу удалось захватить несколько наших передовых опорных пунктов. 17 февраля сообщалось, что наши войска отошли на новые, промежуточные, позиции. 29 февраля, а также 2 и 3 марта сообщалось, что наши войска опять отошли на новые позиции. Тогда произошёл отход на линию Выборг – Тали – Вуокси.

О наступлении противника через Выборгский залив упоминалось в бюллетенях Ставки, начиная с 27 февраля, когда было сообщено, что враг продолжает атаки в юго-восточной части Выборгского залива: «5 марта: Противник атаковал острова Выборгского залива и его северо-западный берег. Продолжаются боевые действия на мысах, расположенных в горловине залива». Накануне заключения мирного договора, 9-12 марта, в бюллетене говорилось, что подразделениям противника удалось закрепиться

на северо-западном побережье Выборгского залива. Об этих значимых наступлениях по льду Выборгского залива, которые привели к тому, что русским постепенно удалось выдвинуть несколько дивизий на северо-западное побережье Выборгского залива и на расположенные там острова, в газетах не сообщалось ничего, за исключением того, что в районе Выборгского залива имели место атаки противника, которые преимущественно были отражены».

Газета «Ууси Суоми» в передовице, опубликованной 14 февраля, то есть, на следующий день после вклинивания врага в оборонительные позиции в районе Суммы, писала, живописуя героическую борьбу на этом участке фронта, что «нет никаких причин сомневаться, что эти атаки будут отражаться и сегодня и в последующие дни и ночи, пока силы противника не иссякнут». 18 февраля по поводу отвода войск на промежуточные позиции газета сообщила о своей безоговорочной уверенности в том, что великая освободительная борьба Финляндии будет доведена до победоносного конца. Враг никогда не сможет прорвать эту систему обороны. Ещё 21 февраля «Ууси Суоми» завершила передовицу словами: «Мы выстоим и победим».

Поэтому неудивительно, что общественное мнение было ошеломлено ударом, нанесённым условиями мира. Это стало молнией посреди ясного неба. Повторюсь, для ободрения общественного мнения во время войны такой стиль работы считался необходимым, потому и другие газеты поступали так же, как и «Ууси Суоми», которую я просто взял для примера. Создаётся впечатление, что современная техника изготовления газет требует бросающиеся в глаза заголовки, которые люди прочитывают в первую очередь и которые оказывают на них самое эффективное воздействие. Это имеет далеко не последнее значение.

По поводу заключения Московского мира в прессе различных стран появились многочисленные публикации, полные сочувствия к Финляндии.

Исключение составляли газеты Германии. Позицию этих официально контролируемых газет определяли тогдашнее отношение Германии к Советскому Союзу, что заставляло их безоговорочно принимать поведение Советской России, включая

аргументацию и утверждения Кремля, а также, с другой стороны, война Германии против западных держав, планы Франции и Англии по оказанию помощи Финляндии, которые угрожали привести Германию к военным конфликтам на севере. Информация о возможном вмешательстве вооружённых сил западных держав на стороне Финляндии всё больше беспокоила немцев. Угрозы в адрес Швеции и Норвегии во время нашей зимней войны становились всё более ощутимыми, а тон публикаций ещё более вызывающим. С чувством явного облегчения в Германии были восприняты мирные переговоры и их итог, который считали, прежде всего, поражением англо-французской политики. Лишь западные державы, желавшие расширения войны и нового «приключения в Салониках»⁸¹, сожалели об окончании между Финляндией и Советской Россией. Финны поступили бы умнее, прими они в ноябре 1939 года условия русских. Несомненно, они так и поступили бы, если бы западные державы не подстрекали и не советовали не соглашаться с этими условиями. Это была «бессовестная игра». У Финляндии не было достаточных причин ввязываться в войну, да и её положение изначально было безнадежным. Также и при заключении Московского мира Советская Россия проявила большую сдержанность: её требования были весьма мягки. Она не хотела ничего иного, кроме того, что было стратегически необходимо для её безопасности. Условия мира, которыми было достигнуто необходимое изменение границ, отвечали интересам обеих стран и справедливым образом удовлетворяли потребности великой державы России. Независимость Финляндии была сохранена. Так писали полуофициальный рупор министерства иностранных дел – газета *Deutsche diplomatisch-politische Korrespondenz*, главный партийный орган – *Völkischer Beobachter*, а также *Berliner Nachtausgabe*, *Berliner Börsen-Zeitung* и *Deutsche Allgemeine Zeitung*. Ни слова о нашей героической борьбе и ни малейшего признака симпатии по отношению к нам. Кроме того отмечалось, что позиция Германии, как стороннего наблюдателя, соответствовала отношению Финляндии к Германии в последние 20 лет. Исключение составляла *Frankfurter Zeitung*. Впрочем, и она считала, что русские умеренны в

---

⁸¹ Имеется в виду возникновение в 1915 г. в результате высадки англо-французского десанта так называемого Салоникского (Македонского) фронта Антанты против стран Четверного союза (прежде всего Болгарии).

своих требованиях, но газета понимала, что финны заключили мир с тяжёлым сердцем. «У них нет никаких причин впадать в пессимизм. То мужество, с которым они защищались, уровень подготовки командного и рядового состава, всё это в глазах остального мира даёт гарантию сохранения их государственной независимости, что много важнее, чем красивые декларации и отпечатанные на бумаге инструкции».

Благожелательное отношение немецкой печати к действиям Советского Союза прекрасно сочеталось с национал-социалистической политикой «жизненного пространства». Выходящая в Эссене газета National-Zeitung так объясняла этот вопрос: народам Восточной Европы, от Северного Ледовитого океана до Черного моря, надо приспособиться к той великой территории силы, которая является центром излучения двух центров притяжения, Берлина и Москвы, «к тому мощному потоку энергии, который со всё возрастающей силой циркулирует между Германией и Россией». Германия «успокоила» и «привела в порядок» Чехословакию, вместе с Советским Союзом решила вопрос Польши, а Советский Союз в одиночку разобрался с Балтийскими странами и Финляндией. Только юго-восточная Европа оставалась «неорганизованной». Финляндия и Балтийские страны закрывали гигантской российской державе выход к Балтийскому морю, что было нетерпимо. «Вследствие смехотворной исторической ошибки в этих государствах (Финляндии и Балтийских странах) видели то колыбель культуры, то совесть мира, которые охраняли крошечные государства». Пройдёт еще немало времени, пока повсеместно поймут, что надо давать пространство для естественного развития. Особенно от народа Финляндии – после героической, но безнадёжной и бессмысленной борьбы – ещё нельзя требовать понимания «этого высокого понятия». Но фальшивые вопли и стенания нейтралов не достойны одобрения. Как Польша, так и Финляндия, Эстония, Латвия и Литва со своим жизненным пространством должны быть присоединены к большему совместному пространству, германо-российской территории силы, где их международное сотрудничество может сформироваться «пусть на основе более ограниченных, но здоровых и ясных принципов». В конце статьи благодарили ту дальновидность, которую представляла единая «политика умиротворения», проводимая Россией и

Германией. Финляндия была отделена от скандинавских стран путём включения в русский сектор русско-германской зоны.

Холодный, если не сказать враждебный, нейтралитет Германии во время нашей Зимней войны вернулся после её окончания в состояние предшествующего равнодушного нейтралитета. В газетах начали постепенно просматриваться признаки более сбалансированной позиции.

Московский мир стал, по моему мнению, самым страшным ударом, который когда-либо испытывала на себе Финляндия. Правда, во времена Великого лихолетья Финляндии пришлось пережить длительную вражескую оккупацию и разрушения, вызванные войной. Ништадский мир 1721 г. оторвал от нашей страны столь же большой кусок Карелии, как и при Московском мире; Ханко, однако, остался Финляндии. Но тогда Финляндия имела опору в едином шведском государстве, хотя находившаяся в ослабленном состоянии Швеция недостаточно выполняла свои обязанности по отношению к восточной провинции королевства. При заключении Московского мира самостоятельная и одинокая Финляндия потеряла Карелию и Ханко, острова в Финском заливе, территорию Куусамо и Саллы, да ещё и части Печенги. В языковом и национальном отношении население утраченных территорий относилось к финскому племени. В государственном плане Выборг с окрестностями и западная часть Карельского перешейка издревле относились к Финляндии, за исключением 90 лет от Ништадского мира до возвращения в её состав Старой Финляндии в 1811 году⁸². Остальная часть Карелии, бывшая Кексгольмская губерния, перешла к Швеции-Финляндии только по Столбовскому миру 1617 года, доставшись России в 1721 году, по Ништадскому миру, но и она была присоединена к Финляндии в 1811 г. Эти территории на протяжении истории представляли собой некую подвижную часть. На утраченных территориях проживало около 450 000 человек, или почти 12% населения страны. Это население целиком – уникальный случай в истории – перебралось в остальную часть Финляндии, что было выгодно с национальной точки зрения, хотя и вызывало

---

⁸² В 1811 году так называемая Старая Финляндия – г. Выборг и территории, вошедшие в состав России по Ништадтскому миру, были включены в состав Великого княжества Финляндского, образованного после Русско-шведской войны 1808–1809 гг.

большие экономические трудности. Так, обезлюдевшая Карелия досталась Советскому Союзу, что облегчило её русификацию.

Утраченная Карелия была аграрным регионом, 60% её населения получало доход от сельского хозяйства. Это была зона типичного мелкого земледелия – почти 84% хозяйств не превышали по площади 10 гектаров, где проживало и владело землёй здоровое крестьянское население. Конечно, в годы независимости прогресс в Карелии, как в экономическом, так в социальном и культурном плане, был огромен. Из всех лесных запасов страны на утраченные территории приходилось 11%, причём ежегодный прирост древесины соответствовал 12% от прироста всех лесов государства. Как и сельское хозяйство, за годы независимости бурно развивалась промышленность: на утраченные территории приходилось 15% деревообработки, не говоря уже о других отраслях промышленности. Было потеряно 17% мощностей по производству электроэнергии. На огромной территории прервались пути сплава древесины. Выборг, оживлённый торговый город и крупнейший экспортный порт древесины, оказался в руках Советской России. Был перерезан Сайменский канал, имевший важнейшее значение для экономики всего государства. Новая граница нанесла огромный ущерб сети железных дорог, из которых было потеряно 17%.

В среде просвещённого и одарённого народа Карелии была проделана целенаправленная и интенсивная работа во многих областях культуры. Больно было видеть, сколь сильно пострадали церковь и учреждения образования: было утрачено 600 школьных зданий, 6 народных и 8 рабочих училищ, 100 рабочих клубов, дома молодежи, четвертая часть периодической печати, включая крупнейшую сельскую газету «Карьяла», ценнейший провинциальный архив, исторический музей, музыкальное училище, больницы и санатории, 33 детских сада и т.д. и т.п.

Город Ханко, благодаря порту, имел заметное значение как коммерческий центр, где также располагался ряд промышленных предприятий.

Удар, нанесённый Московским миром, был исключительно сильным по своим экономическим и социальным последствиям. Он во многом затруднял будущую жизнь страны. Кроме того, сказалось и политическое влияние перемен, вызванных Московским миром.

Особенно в военном отношении положение нашей страны изменилось в худшую сторону. Кремль считал, что Финляндия входила в сферу интересов Советского Союза и должна была находиться под его влиянием, поскольку это положение вещей было закреплено в договоре между Германией и Советским Союзом, заключённом в августе 1939 года. Московский мир закрепил реальные предпосылки осуществления политики Советской России в отношении Финляндии. Новая протяжённая и неприкрытая граница в Карелии – словно зияющая рана на государственном теле Финляндии, а также база в Ханко делали давление Советской России на нашу страну ещё более ощутимым. Железная дорога из Кандавакши до Кемиярви и оттуда через Рованиemi до Торнио создавала возможность при необходимости перерезать сухопутную связь Финляндии с Западом и закрыть значительную часть страны для военного нажима на неё. Всё это вызывало у нас ещё большее чувство тревоги, поскольку выигранная война возбуждала против нашей страны то ощущение силы и национальной гордости великой державы, которое ещё больше укрепилось у власти предрержащих и самого народа Советского Союза.

Московский мир самыми разнообразными и роковыми способами повлиял на положение нашей страны и нашего народа. Этот ужасающий удар постиг нас, хотя существовали защищавшие нас законные соглашения и вовсе не мы были инициаторами войны, как торжественно заявила Лига Наций перед лицом всего мира. Это был удар по нам, тем, кто мужественно и героически сражался на поле боя за наше Отечество. Было неудивительно, что наряду с печалью горечь, и больше того, неверие в высшие идеалы, проникали в сознание. Этим ударом наш народ был словно доведён до обморочного состояния. В чём же кроется провидение истории, сначала создавшей малые народы с их сотнями миллионов жителей, а потом оставившей их на произвол больших? «Но цель истории трансцендентальная, метафизическая мировая тайна» – дальше этого историческая наука не зашла (*Meinecke Friedrich. Vom geschichtlichen Sinn und Sinn der Geschichte, 1939. S. 5*).

Член делегации на мирных переговорах, председатель парламентской комиссии по иностранным делам, профессор истории Войонмаа заявил в ноябре 1941 года при обсуждении в парламенте правительственной информации о политическом

положении и целях нашей новой войны, что Московский мир с полным правом называют «принудительным миром». «Мир, чтобы он был прочным, должен содержать в себе какое-то правомочное основание, определенную умеренность. Здесь же их и в помине не было. Этот мир был актом политического насилия против Финляндии».

На последнем раунде мирных переговоров Молотов сообщил в качестве личного мнения, как уже рассказывалось выше, что мирный договор не был плохим, напротив, он отвечал действительным интересам обеих договаривающихся сторон, сказав далее, что, по его убеждению, на основе договора отношения между государствами станут в будущем подлинно дружескими, если Финляндия не поддастся на соблазн вступить в объединения великих держав. Он говорил как во время переговоров, так и после них, что если бы Финляндия осенью 1939 года согласилась с их предложениями, то условия были бы весьма умеренными, но война и пролитая кровь требуют большего. Он также многократно повторял, что ни одна другая великая держава в их положении не вела бы с нами переговоры, выдвигая столь умеренные требования, а также заверял, что Советский Союз не будет вмешиваться в наши дела, даже если мы построим укрепления по всей нашей границе.

Моральные принципы, в таком виде как мы, малые народы, их понимаем, не стоит сегодня искать в политике великих держав – по крайней мере, тогда, когда идёт речь об их отношении к малым государствам. У Кремля, кроме этого, был один факт для опровержения обвинений в том, что у него были намерения уничтожить Финляндию. При заключении Московского мира он вернул Петсамо, северную часть которой захватил во время войны и которую мог спокойно взять себе. Возможно, это говорит о том, что, по крайней мере, на тот момент у Советского Союза не было стремления распространять своё военное влияние на запад по побережью Северного Ледовитого океана. Шведский официальный писатель Рютгер Эссен считает в книге «Загадка России»⁸³, что концессионные права англо-канадского треста на никелевые рудники Петсамо повлияли на поведение Советского Союза. Это вряд ли соответствует действительности, поскольку упомянутые

---

⁸³ Rütger Essén. Den ryska ekvationen. Stockholm: Fahlcrantz & Gumælius, 1941.

права – независимо от того, что с ними произошло – не остановили бы Советский Союз от использования своей военной власти в Петсамо, где никелевый рудник занимает совсем небольшую территорию.

Слова Войонмаа справедливы потому, что Московский мир был принудительным миром в буквальном смысле этого слова и что это было чрезмерным актом насилия в отношении Финляндии. Но когда он сказал, что мир, дабы оставаться прочным, должен содержать в себе правомочные основания и определённую умеренность, в его словах вновь отразился тот общий для нас и других малых народов идеалистический и гуманный подход, та вера в победу права и справедливости, которую не доказал ход исторического развития, особенно в условиях нынешней международной ситуации и морали, точнее аморальности. Ништадтский мир 1721 года был в общих чертах таким же, как и Московский мир. Он продержался в силе даже после очередного раздела Финляндии и подписанного в Турку в 1743 году мирного договора, завершившего начатую Швецией войну, 90 лет, пока Россия не завоевала окончательно всю остальную Финляндию. Устойчивость или, напротив, возможность изменить условия неприемлемого и несправедливого мира зависит от международной обстановки, которая может сложиться или нет. В истории можно встретить много неприемлемых и несправедливых мирных договоров, которые остались навсегда. Но что, в конце концов, перед лицом истории правильно и что нет, ещё никто не смог определить.

Но Московский мир был, по моему мнению, не только неприемлемым для Финляндии, он был нецелесообразным и для Советского Союза. Это можно сказать в свете последующих событий. Есть повод напомнить, что Пётр Великий в 1721 году был готов для достижения мира вернуть Швеции Выборг, за который держались шведские переговорщики. Он направил в Ништадт (Уусикаупунки) гонца с соответствующими полномочиями, но главный представитель России на переговорах Остерман сделал так, что наместник Выборгской губернии задержал гонца-этого любителя весёлой жизни – на два дня. Когда гонец прибыл в Ништадт, мир уже был заключён.

В свете последних событий можно спросить, в чём собственно польза Московского мира для Советского Союза? Целью Советского Союза было обеспечить безопасность своих границ от угрозы со стороны Германии. Какая другая великая держава могла на этом направлении угрожать Советскому Союзу? На переговорах осени 1939 года Сталин и Молотов говорили об угрозе со стороны Англии, но эти слова не стоит принимать всерьёз. Однако, война между Германией и Советским Союзом показала, где проходит путь Германии в Россию и где места их сражений. Советскому Союзу не было пользы от базы в Ханко, как и от новой, искусственной и произвольно проведённой сухопутной границы. Со стороны России утверждалось, что оборона Ленинграда не выстоит в новой войне, если граница России и Финляндии не пройдёт по линии, обозначенной в Московском мирном договоре. Это утверждение не соответствует действительности, поскольку отторгнутые Московским миром территории были отвоёваны в короткие сроки и линия фронта на Карельском перешейке не была перенесена на старую границу, а Ленинград после этого не подвергся нападению со стороны Финляндии. Ханко сдался за несколько месяцев в 1941 году. И он совсем не оправдал надежды русских.

По-моему, политика Советского Союза в отношении Финляндии 1939–1940 гг., с точки зрения его собственной безопасности и военных целей, не привела к ожидаемому результату. Если бы Советский Союз на мирных переговорах отказался от позиции великой державы, проявил выдержку и умеренность, а также ограничил свои требования действительно необходимым – требования Советского Союза осенью 1939 года по сравнению с условиями мирного договора показывают, что там было определённое пространство для договорённости – и если бы вдобавок к этому советское правительство проявило на мирных переговорах благородство, а после заключения мира повело себя так, чтобы в Финляндии возникло доверие, то положение было бы иным и, думаю, более выгодным с позиции самого Советского Союза. Но Советская Россия, как присуще великой державе, смотрела на Финляндию снисходительно, очевидно, считая её «презренно малой величиной» – *quantité négligeable*. В защиту советского правительства надо, всё же, сказать, что так, как оно вело себя на мирных переговорах с нами, по свидетельству истории, поступает любая

великая страна-победительница по отношению к побеждённому. Крайне редко победителю удаётся заключить справедливый и хороший мир.

Политика Советского Союза в отношении Финляндии в 1939–1940 гг. не отличалась от обычного поведения великих держав. В известном английском еженедельнике «Observer» в октябре 1943 года была опубликована статья, в которой, по сообщению газет, содержались грубые нападки на суверенные права малых государств на том основании, что эти государства не способны выполнять государственный долг. Какой такой долг? Конечно, тот, что заключается в их неспособности с оружием в руках оборонять себя от великих и гигантских держав. В статье забыли упомянуть, что даже Франция, которую не причисляют к малым государствам, не выдержала нападения Германии в 1940 году. «Observer», понятно, является лишь английским еженедельным изданием, но весьма представительным; аналогичные мнения о малых государствах высказывались в Англии и десятилетия назад. Такой же, как у автора статьи в «Observer», была аргументация Сталина и Молотова по отношению к Финляндии 1939–1940 гг. Подобным образом аргументировал свои действия и Гитлер, захватывая малые государства. Финляндия не смогла бы обороняться против великой державы, но могла стать территорией, с которой могла быть произведена агрессия против Советской России – такова была причина, почему, по мнению Кремля, Советский Союз был вынужден и почему он имел право при необходимости предпринять действия против Финляндии. Обоснованием был некий «закон жизни великой державы», на который опираются требования и предпринимаемые меры и на основе которого берут по-плохому то, что нельзя получить по-хорошему. До тех пор, пока война и то, чего можно достичь силой оружия, будут считаться высшей государственной целью, перед которой всё остальное должно отступить, подобные аргументация и действия весьма логичны. Иными словами, нет причин ставить к позорному столбу один Советский Союз или даже вперёди других только потому, что и он пошёл тем же путём насилия.

Такова была жизнь. Мы, малые народы, не можем принять такой подход. Но давайте встанем на позицию Советского Союза как великой державы. Что можно на этой основе, пусть не защитит, но

хотя бы понять? То, что при заключении Московского мира Советский Союз мог ограничиться самым необходимым. Сталин сообщил в 1939 году, что минимальным требованием военных была линия Суванто – Койвисто, что же касается территории Ханко, то здесь, он, похоже, склонялся к уменьшению претензий. Следовательно, здесь могли быть определённые подвижки. Англия вскоре после Бурской войны нашла такой вариант примирения, что известные борцы-буры стали верными сторонниками Британской империи. Но Советский Союз не взял у нас лишь то, что его военные считали если не минимальными, то вполне достаточными требованиями. Он беспощадно отнял у Финляндии много больше, нанёс финскому народу и государству такие раны, которые делают наше будущее затруднительным. Если бы Советский Союз при заключении Московского мира удовлетворился, например, линией Суванто – Койвисто и решил вопрос о базе не столь тяжёлым для нас образом, это существенно изменило бы характер отношений Финляндии и Советского Союза. Последующий ход событий, вне всяких сомнений, был бы иным.

О целях Советского Союза в начале войны против Финляндии, равно как и о причинах, побудивших его заключить мир, ещё трудно высказать окончательное мнение. Конечно, эти вопросы уже пробовали обсуждать. Упомянутый ранее шведский писатель Эссен высказывает по этому поводу смелые мысли. Он считает, что целью политики Сталина в отношении Финляндии и войны против неё было не только завоевание Финляндии, но и последующее нападение на Швецию и Норвегию для захвата месторождений руды на севере Швеции и портов в Северной Атлантике. За всем этим якобы стоял масштабный план, направленный на освобождение из германских тисков, чтобы после этого можно было играть первоклассную роль в мировой политике. По мнению Эссена, не было очевидным, что Советская Россия хотела лишь осуществления своих военных требований, которые Финляндия отвергла осенью 1939 года и которые с учётом условий Московского мира были совершенно несоразмерны той военной цене, которую за них пришлось заплатить. Хотя Сталин, возможно, недооценил сопротивление Финляндии, он, якобы, не мог до начала войны быть настолько неосведомлённым об оборонительных возможностях Финляндии, чтобы ошибиться столь сильно. Эссен считает, что здесь

повлияло ещё одно обстоятельство. Соппротивление Финляндии заставило Россию собрать элитные войска со всех концов державы для нового генерального наступления на Карельском перешейке, вследствие чего военное руководство получило на удивление свободные руки; опасность, для избежания которой Сталин двумя годами ранее провёл чистку в высшем эшелоне военного руководства, и которая могла снова с лёгкостью дать о себе знать. Иными словами, Сталин боялся возможного военного переворота. Всё это повлияло в пользу скорейшего проведения мирных переговоров. Так рассуждает и выстраивает свою конструкцию Эссен («Загадка России», сс. 183-184 и 194). Здесь на ум приходит старое высказывание, что история всегда проще, чем её представляют «историки».

На основе имеющегося материала пока невозможно окончательно прояснить все вопросы. Трудно узнать цели правительства Советского Союза прежде, чем откроются тайны кремлёвских архивов. Всё же, добавлю некоторые свои мысли.

Мнение о том, что целью Кремля осенью 1939 года было стремление выйти к Северной Атлантике, чтобы тем самым укрепить свои позиции в большой мировой политике, прежде всего, против Германии и для освобождения от её давления, неочевидно. Стремление к Атлантическому океану не было к тому времени целью *практической* политики России. Можно считать, что в 1939 году цели Советского Союза в этой части мира были прежние: реорганизация и обеспечение военно-политического положения Советской России в регионе Балтийского моря. Эта задача вовсе не была малозначимой и второстепенной. После предыдущей мировой войны на Балтийском море и в Финском заливе создалось положение, которое в общих чертах напоминало ситуацию XVII-го века. Тогда старой России понадобилось несколько столетий для её изменения. Благодаря этому военное положение Советской России укрепилось именно по отношению к Германии, поскольку это была единственная великая держава, против которой сегодня могут быть направлены военные действия Советской России в регионе Балтийского моря.

В отношении переговоров осени 1939 года я пришёл к заключению, что в то время у Сталина не было цели завоевания

Финляндии. Я думаю, что он хотел избежать войны и прийти к соглашению, почему он и смягчал свои предложения, как было показано выше. Развитие событий, однако, привело к войне, которая, по мнению Кремля, должна была стать лёгкой и быстротечной. Нет оснований сомневаться, что Кремль переоценил правительство Куусинена, полагая, что народ Финляндии встретит советские войска как освободителей. В речи Молотова от 29 ноября и заявлении Коммунистической партии Финляндии, сделанном днём позже, разъяснялось, что не было намерения превратить Финляндию в советское государство или присоединить ее к Советскому Союзу. Было ли целью создание некоей Внешней Монголии, автономного государства, находящегося в тесном союзе с Советской Россией? В действительности это означало бы уничтожение финской независимости в том виде, как мы, народы Севера, понимаем независимость. В Финляндии высказывалось и такое предположение, что заигрывание с Куусиненом было политической тактикой и запугиванием финнов, на что указывало и то, что Кремль отказался от него сравнительно легко. Торжественное подписание договора 2 декабря вряд ли было простым фиглярством, оно скорее показывало, что положение в начале войны было серьёзным. Есть основания предположить, что весь вопрос вытекал из ошибочной информации, полученной Кремлём. В ходе войны Кремль заметил свою ошибку как в отношении нашего военного сопротивления, так и поддержки Куусинена. Кроме того, благодаря помощи, предложенной Финляндии западными державами, возникала опасность вовлечения в большую войну. Здесь надо заметить, что условия мира, предложенные нам Кремлём, были столь суровы, что нужно было учитывать возможный отказ от них, продолжение безнадежной борьбы, а также вступление в единый фронт западных держав. Однако, этот вопрос стал для Кремля весьма значимым с точки зрения великодержавного престижа. Позже мне рассказывали в Москве, что в Политбюро – подлинном правительстве Советского Союза – резко возражали против заключения мира даже на предложенных нам суровых условиях, но что Сталин решил вопрос в пользу мира. При продолжении войны Советская Россия могла военным путём захватить Финляндию. Борьба Советского Союза с мощными вооружёнными силами Германии в войне, начавшейся в

1941 году, показывает, что у нас не было бы никакой возможности выстоять против армий восточного гиганта.

Советский Союз сообщил о согласии на переговоры уже 29 января, то есть, до того, как советские войска одержали победы и до того, как началось их успешное генеральное наступление на Карельском перешейке. Это, возможно, указывало на то, что Сталин, заметив, что война в Финляндии пошла не по намеченному плану, посчитал лучшим выйти из этого конфликта, если бы можно было заключить такой договор, о котором шла речь осенью 1939 года, или же Финляндия пошла на значительно большие уступки, что позволило бы Советскому Союзу сохранить лицо. По мере успешного для Советского Союза развития военных действий, его требования, очевидно, возросли бы. На заключение мира могло повлиять и то, что Советский Союз хотел поторопить выгодное для себя решение вопроса по странам Балтии и Бессарабии, которые, несомненно, были для него важнее, чем финский вопрос.

Сомнительно, что Сталин мог бояться военного переворота, что также могло повлиять на заключение мира, как полагает Эссен. Ни о чём подобном я не слышал во время моей работы посланником в Москве. Высшие военачальники Красной Армии Ворошилов и Тимошенко были надёжными сторонниками Сталина. Когда думаешь о том, на какие военные усилия оказался способен Советский Союз в ходе войны с Германией, невозможно предположить, чтобы финская война, продолжавшаяся какие-то 3 ½ месяца и в которой была задействована лишь малая часть вооруженных сил Советской России, успела настолько повлиять на советское государство, создав предпосылки для столь серьезных потрясений.

Наше положение в отношении Советского Союза было действительно трудным и неоднозначным. Размышляя во время Зимней войны над нашими отношениями с Россией, как тогда, так и в будущем, я записал в своём дневнике 13 февраля, то есть, ещё до того, как пришли сведения о нашем первом поражении на Карельском перешейке: «Хорошая сторона этой войны заключается в том, что она, наверное, показала России – мы готовы бороться и наша борьба более серьёзна, чем полагали русские. Поэтому она может способствовать поднятию нашего авторитета в глазах русских

и тем самым даст нам большую защиту против них. Но здесь много минусов. [...] Война может иметь опасные последствия: Россия заметила, что Финляндия более опасный и серьёзный противник, чем она думала. Военный вклад Финляндии, когда Россия будет занята большой войной, может оказаться опасным для неё, если Финляндия присоединится к противникам России. Поэтому Россия может посчитать себя вынужденной предпринять в отношении Финляндии превентивные меры на наших границах, да ещё и обеспечить себе прочные позиции внутри границ Финляндии».

Не могу не отметить последовательность, которая проявляется в последние годы в политике Советского Союза по отношению к Финляндии. Исходная позиция та же: интересы обороны государства, так как их понимает Кремль, и в этой связи вопрос о возможном использовании территории Финляндии в качестве плацдарма для нападения на Советскую Россию со стороны Германии. В 1937 г. об этом говорили нашему министру иностранных дел советские военные, на консультациях 1938 г. это было определяющим, а на переговорах осени 1939 г. тот же самый аспект лежал в основе всех требований. То, что, по нашему убеждению, безопасность можно было обеспечить проведением и другой политики, это – отдельный вопрос.

Раньше я уже упоминал, что мысль о военном значении Финляндии для России глубоко укоренилась в мозгу как русских царского времени, так и большевиков. В книгах большевиков цитируется одно высказывание, которое принадлежит самому Карлу Марксу. В своём произведении, посвященном тайной дипломатии XVIII века, Маркс говорит, что Петр I «воздвиг новую столицу на первой завоеванной им полосе балтийского побережья почти на расстоянии пушечного выстрела от границы, намеренно дав, таким образом, своим владениям эксцентрический центр. Перенести царский трон из Москвы в Петербург значило поставить его в такие условия, в которых он не мог быть в безопасности даже от внезапных нападений, пока не будет покорено все побережье от Либавы до Торнио, а это было завершено лишь к 1809 г. с завоеванием

Финляндии. [...]Петербург, эксцентрический центр империи, сразу же указывал, что для него еще нужно создать периферию»⁸⁴.

С той же мыслью сталкиваешься и сегодня. «Основание Петербурга содержит в себе и требование завоевания Финляндии», – говорится в книге, вышедшей в 1942 году (*Hatt Gudmund. Makter och maktsfärer*, ss. 59)⁸⁵. Фактически Пётр Великий, который захватил всю Финляндию и годами держал её в своей власти, но позже вернул обратно, не считал Финляндию нужной России. В 1713 г., приступая к завоеванию Финляндии, он объяснил свою цель следующим образом: «Хотя Финляндия нам вовсе не нужна, нам нужна какая-то территория для обмена при заключении мира, а эта провинция – основа (*la matrice*) Швеции (*Milioukov Paul. Histoire de Russe. I. P. 345–346*)⁸⁶. Александр I нехотя приступил к завоеванию Финляндии (*Lehtonen U.L. Ruotsi tienhaarassa syksyllä 1807. Historiallisia tutkimuksia J.R. Danielsonin täyttäessä 60 v. S. 242*)⁸⁷.

Наша страна 108 лет находилась в составе Российской империи. До тех пор, пока русский дух располагался по ту сторону Раяйоки⁸⁸, Финляндия не доставляла России никаких забот. Но только этот дух в начале нынешнего столетия начал распространяться на другую сторону от границы, Россия не видела от Финляндии ничего, кроме сопротивления и проблем. При большевиках отношения Советской России и Финляндии были нормальными, хоть и недостаточно хорошими, вплоть до 1939 года. Лишь коммунистическая пропаганда со стороны Советской России время от времени угрожала испортить эти отношения. В 1938 году Советский Союз в силу военных и стратегических причин начал менять свою политику в отношении Финляндии. Оценивая ситуацию с разумной точки зрения, эти военные потребности следовало бы удовлетворить, решив существующие между Финляндией и Россией вопросы таким образом,

---

⁸⁴ Маркс К. Разоблачения истории тайной дипломатии XVIII века // Вопросы истории. 1989. № 1–4.

⁸⁵ *Hatt Gudmund. Makter och maktsfärer. Lund: Dagens böcker, 1942 [Хатт Гудмунд. Полномочия и сферы власти].*

⁸⁶ *Milioukov Paul. Histoire de Russe. T.I. Paris, 1935.*

⁸⁷ *Lehtonen U.L. Ruotsi tienhaarassa syksyllä 1807. 1913.*

⁸⁸ По Раяйоки или по-русски по реке Сестра проходила на Карельском перешейке граница между Великим княжеством Финляндским и собственно Россией, а в 1918–1939 – между Финляндией и СССР.

чтобы жизнь финского народа и государства не пострадала или не понесла существенного ущерба.

Здесь нельзя обойти вниманием один фактор, который способен запутать все разумные рассуждения: великодержавный империализм. И он представляет устрашающую реальность. Ранее я уже отмечал, что империализм считается неотъемлемой чертой великой державы. Создаётся впечатление, что великая держава стремится завоевать ровно столько территорий, сколько сможет, полагая, что сумеет их удержать. Инстинкт экспансии, подобно злему духу, присущ великим державам. Все великие державы – империалисты. Жажда завоеваний в течение всех лет была свойственна и Российскому государству. И ещё, пожалуй, бессилие помешать малым идти тем же путём.

Говорят: ход истории нельзя критиковать, особенно, с моральных позиций, его можно только фиксировать и объяснять. Империализм Советского Союза, как и других великих держав, есть факт. Стремление России к захвату Финляндии – проявление этого империализма. Великая держава, со своих позиций, считает это естественным делом. Конструктивный разговор об империализме в принципе невозможен.

Завоевание только одной Финляндии второстепенно для России. Ограниченная цель: безопасность здешних границ России можно обеспечить и иным способом. Напротив, выход к Атлантическому океану может быть сияющей целью для русского великодержавного империализма. Будет ли эта цель в конечном счёте выгодной и полезной, не говоря уже о её моральной правомочности, на это великодержавный империалист не обращает внимания. По нашему мнению, подобную насильственную политику трудно признать удачной с позиции совместной жизни народов и людей, но великая держава думает иначе, и, по крайней мере, временно она, к сожалению, является реалией сегодняшнего мира. Только столкновение с другими великодержавными империалистами или страх такого столкновения могут быть тормозом. В Швеции обратили внимание на то, что уже более ста лет Россия никоим образом не посягает на Швецию и нет никакой информации, подтверждающей существование таких планов (Einar af Wirsén, *Ryska Problem*. S. 62)⁸⁹. Она не относится к целям практической политики России; по крайней

---

⁸⁹ Einar af Wirsén *Ryska Problem*. Stockholm: Bonnier, 1942. (Русская проблема).

мере, на настоящий момент можно привести только косвенные доказательства их существования. Сегодняшний империализм с его устрашающими целями и устремлениями – это явление только последних поколений. Нынешнее время и, в ещё меньшей степени, будущее можно сравнить со столетием мира, закончившимся Первой мировой войной. Кто из нас, представителей старшего поколения, мог предсказать такие времена, свидетелями которых мы стали после 1914 года. Такая цель, как выход России к Атлантическому океану означал бы удивительное расширение и укрепление военного могущества великой державы. Россия, как властелин Северной Скандинавии и протяжённого побережья лежащих перед ней Атлантического и Северного Ледовитого океанов, играла бы в мировой политике совсем иную роль, чем раньше. Напротив, владение одной лишь Финляндией не принесло бы России сравнимых с этим выгод. Если у России на этом направлении есть империалистические цели, то судьбы Швеции и Финляндии связаны намного более прочными узами, чем это привыкли видеть в период длительного мира.

В отношении Московского мирного договора сделано два частных замечания.

В преамбуле мирного договора говорится, что «интересам обеих Договаривающихся сторон соответствует определение точных условий обеспечения взаимной безопасности, в том числе безопасности городов Ленинграда и Мурманска, а также Мурманской железной дороги». Эту формулировку министр Р. Эрех, известный специалист по международному праву, считает крайне «неудачной», поскольку Финляндия как бы признавала, что граница, согласованная по Московскому мирному договору, необходима для обеспечения безопасности Ленинграда и Мурманской железной дороги.

Не думаю, что это замечание имеет особое значение. Как на переговорах осени 1939 года, так и на московских мирных переговорах мы неоднократно повторяли наши главные аргументы, что требуемый перенос границы не был необходим для обеспечения безопасности Ленинграда и этой части границы Советского Союза. В этом отношении нет никакой неясности. Весь Московский мир был насквозь «принудительным миром», который мы заключили, подчиняясь суровому закону войны и крайней необходимости.

Насколько я помню, в Москве на наших переговорах мы даже не обратили на эту формулировку из преамбулы никакого внимания. Значение юридических формальностей не надо преувеличивать. В те дни бои на фронте были кровавыми. Каждую минуту или две погибал кто-то из солдат. Кровопролитие нужно было прекратить. На споры по формальным вопросам не было времени. В преамбулах мирных договоров зачастую заверяют в вечной дружбе, в старые времена князья вообще клялись друг другу в сердечной любви. Авторы исторических исследований предупреждают, что не надо понимать такие формулировки буквально.

Министр Эрех также обратил внимание на то, что финская сторона – *misarabile dictu*⁹⁰ – посчитала, что в качестве аренды за Ханко можно принять «пустячную компенсацию», 8 миллионов марок. Нужно было или указать компенсацию в значительно большем размере, например, ту же сумму, пересчитанную в долларах, или же, наоборот, предложить чисто номинальную сумму, например, в 100 или 10 финских марок. Выше уже говорилось о том, что мы пытались договориться об арендной плате в размере 250 000 или, в крайнем случае, 200 000 долларов золотом, но Молотов, повысив первоначальный размер платежа с 5 до 8 миллионов марок, не согласился с нашим предложением. Мысль о фиктивной аренде в 100 или 10 марок нами даже не рассматривалась, да я и не думаю, что такой жест мог иметь реальное значение.

Коса смерти совсем близко прошла над головой нашего народа в Зимней войне. Она чуть не лишила его жизни. Гибель была совсем рядом. Получив тяжёлое ранение, Финляндия в последнее мгновение спаслась от катастрофы.

Можно спросить: была ли Зимняя война, закончившаяся для нас столь тяжело и трагично, совершенно напрасна?

На это надо ответить, что уважение к нашему народу и государству возросло во всём мире, мы прославились и получили известность как народ, который хотел и мог сражаться за свою свободу и независимость. Зимняя война объединила наш народ в защите Отечества, укрепила его духовно, показала, что у нас была общая миссия и что мы в большей степени зависели друг от друга, чем

---

⁹⁰ Достоинно сожаления (*лат.*).

многие думали раньше. Всё это было положительной стороной войны. Но на другую чашу весов были положены более тяжёлые гири. Наша война не произвела на Кремль того впечатления, которого многие ожидали, и которое, как считалось, при будущем подведении итогов перевесит чашу весов в нашу пользу. Война отравила атмосферу отношений между Финляндией и Советским Союзом. Симпатии мира не компенсировали ухудшение отношений с нашим восточным соседом. Отношения с Советским Союзом были для нас важнее, чем с любой другой великой державой. Да и положительные стороны войны не могли возместить потери по суровому Московскому миру, не говоря уже о других наших потерях. У меня нет никаких сомнений в том, что потери от Зимней войны несравнимо превысили возможные выгоды.

Мы проиграли войну. Но в первые месяцы мы сражались успешно. Это подняло чувство нашего самосознания и заставило нас недооценить военную мощь Советского Союза. Английские историки рассказывают, как буры, победив в 1881 году английские войска в небольших боях, пребывали во власти опасного самодовольства, презирая военные возможности Великобритании. Спустя два десятилетия это заблуждение привело их к ошибочной политике (The Cambridge History of British Foreign Policy III. P. 205, 265)⁹¹. История даёт повод для сравнения.

Финские события 1939–1940 гг. стали вновь конкретным примером неустойчивости и ненадёжности положения малых государств в условиях господства нынешних принципов в сфере международной политики. Политика нейтралитета, которой добросовестно следовала Финляндия, не привела к нужной цели. То, что в потрясениях последних лет несколько малых государств, оказавшись на самом краю обрыва, сумели сохранить равновесие, ещё не гарантирует, что им и в будущем так же повезёт.

---

⁹¹ The Cambridge History of British Foreign Policy 1783–1919. Vol. I–III. Cambridge University Press, 1922–1923. [Кембриджская история британской внешней политики].